

Людмила
Осокина

Халупа

документальный
роман

Людмила Осокина

Халупа

проект

Москва 2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4
О72

Макет, оформление — *Валерий Калныньш*
В оформлении использовано фото работы *Сергея Мацко*

Осокина Л. М.

О72 Халупа: Проект. — М.: Время, 2016. — 192 с.: ил. —
(Серия «Документальный роман»).

ISBN 978-5-9691-1479-1

В проекте «Халупа» с документальной точностью показана изнанка жизни одного из культовых поэтов московского андеграунда Юрия Влодова, его встреча с будущей женой начинающей поэтессой Людмилой Осокиной, совместные скитания и драматическое становление их семьи.

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-1479-1

9

© Людмила Осокина, 2016
© «Время», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ХАЛУПА

Я думаю, Иус писал стихи...*

Рассказ о том, как я познакомилась с поэтом Юрием Влодовым

В то время, в марте 1982 года, я была начинающей поэтессой и ходила на литературную студию «Чистые пруды» под руководством Людмилы Суровой. Студия располагалась в библиотеке им. Достоевского. Сурова была женщиной с драматически настроенной душой, ей нравилось все яркое, эффектное, театральное. Я не думала, что смогу ее чем-то поразить, но так получилось, что мне это удалось.

Тогда я только начала ходить на эту студию, сдала рукопись на просмотр, и в тот раз должно было проходить обсуждение моих стихов. Перед обсуждением мне нужно было выйти и прочитать свои стихи. Надо сказать, что я очень хорошо могла читать собственные стихи. Именно собственные, хотя зачастую бывает наоборот — сочинители читают свои стихи из рук вон плохо. Но я умела, и эффект от представления получался сногшибательный. Но словами передать это невозможно, это надо было слышать.

---

* Строчка из стихотворения Юрия Влодова.

И вот когда Сурова услышала первые фразы из первого стихотворения, она была просто поражена и даже воскликнула: «Постойте, погодите! Я сейчас сяду так, чтобы лучше видеть и слышать. Это потрясающе!»

Я прочитала наизусть десять стихотворений, весь зал был изумлен, и какое-то время стояла тишина, потому что не знали, что и сказать. Дело в том, что до моего представления своих стихов некоторые из присутствовавших читали их с листа и, сочтя написанное, по всей видимости, слабым, готовились уже устроить мне разнос. Но после такого чтения разносить мои стихи показалось кошунственным, поэтому не знали, что и делать. Потом зазвучали положительные отзывы. Под конец появился Влодов и сказал, что все, что я написала, хорошо. Правда, я не уверена была, слышал ли он, что я читала. Я с ним тогда еще не была знакома, но мне говорили о нем мои знакомые, Цапин и Вербицкий, что есть такой человек Влодов, он нигде не живет, — и только. Я еще тогда удивилась: как это — нигде не живет? Разве может человек нигде не жить? (Такого понятия, как бомж, тогда еще не существовало.) Они пояснили, что жить-то он, конечно, где-то живет, но не у себя дома, а по разным знакомым, то у того, то у другого, а своей собственной квартиры у него нет. Вот это было первое, что я узнала о Влодове. Ни Цапин, ни Вербицкий ни слова мне тогда не сказали не только про то, что Влодов большой поэт, но что он вообще пишет стихи. И когда после окончания студии Цапин с Влодовым подошли ко мне и Влодов еще раз сказал, что мои стихи прекрасны, что все хорошо, я только спросила его: «Вы — друг Вербицкого?» На что он холодно ответил: «Это он — мой друг». На том мы тогда и расстались.

Прошло еще недели две. За это время я все-таки смогла узнать, что Влодов — поэт, и не просто поэт, а поэт очень интересный и необычный. Но говорили о нем шепотом, вполголоса, как бы проговариваясь. «Проговорилась» о нем несколько раз и Сурова.

После моего выступления она пригласила меня к себе в гости и там долго говорила со мной о моей одаренности и о моей дальнейшей судьбе. Правда, в своих мечтах она почему-то представляла меня не поэтессой, а актрисой. За разговором я спросила ее о Влодове. Она пришла в большое волнение и выкрикнула: «Это страшный человек! А вы его знаете?» Я сказала, что, в общем-то, нет, но я знакома с Вербицким. Тогда она сказала, что Вербицкий — тоже негодяй, но Влодов страшнее, нет в Москве и области человека хуже него, и она будет всю жизнь с ним бороться, он ее враг номер один на этом свете. И посоветовала мне и от него, и от Вербицкого держаться подальше.

В это время из другой комнаты вышел молодой человек и спросил, нет ли у нее еще каких-либо стихов Влодова, ему хотелось бы их переписать. Сурова сказала, что есть, достала какую-то рукопись с книжной полки и отдала ее этому человеку. Тот скрылся в глубине квартиры. Тогда я спросила, а нельзя ли мне тоже прочитать или послушать какое-либо стихотворение Влодова, меня эта сцена, честно говоря, заинтриговала. Сурова сказала, что нельзя, стихи у Влодова очень сильные, и они полностью травмируют мою и без того расшатанную психику. Как-нибудь потом, в следующий раз.

Я ушла от нее очень напуганная и заинтригованная именем Влодова.

На следующем занятии мне удалось услышать кое-что из сочинений Влодова. Встал один человек и в качестве эпиграфа к своему стихотворению прочел такую строчку:

— «Я думаю, Иисус писал стихи...» Юрий Влодов.

Какое стихотворение прозвучало после этой строки, я не помню. Меня так поразила эта строка, что я не могла даже думать о чем-нибудь другом, а не только слушать чьи-то убогие стихи. «Я думаю, Иисус писал стихи...» — потрясающе, великолепно! «Я думаю, Иисус писал стихи... Я думаю, Иисус писал стихи...» Как вообще такое можно было придумать?! Сурова все-таки была права, заботясь о моем душевном состоянии, мне нельзя было знакомиться со стихами Влодова, даже одна строчка убила меня наповал. По одной этой строчке я поняла, что Влодов — гений. «Я думаю, Иисус писал стихи... Я думаю, Иисус писал стихи... Я думаю, Иисус писал стихи...» Строчка крутилась у меня в голове, не давая покоя ни днем ни ночью. «Я думаю, Иисус писал стихи...» Но какое продолжение, как там дальше? «Я думаю, Иисус писал стихи...» У кого спросить, кто знает продолжение? Сурова? Цапин? Но ведь если и знают, не скажут, вот ведь какие люди!

Я поняла, что никто, кроме самого Влодова, не даст мне ответа на мучившие меня вопросы.

Поэтому в следующий раз, когда я увидела его на студии, то решила, что пришла пора его «братъ». Надо было просто после студии пригласить его к себе домой, якобы на чашку чая, а там он мне все про себя и расскажет.

Собственного жилья в Москве у меня в то время не было, я жила у двоюродной сестры, она находилась в это время в больнице, и ее двухкомнатная квартира была в моем полном распоряжении.

Влодов пришел на студию с Цапиным, но поскольку я была знакома в первую очередь с Цапиным, его я и пригласила к себе на чай, а с ним заодно и Влодова. Тот охотно согласился. По дороге Цапин где-то потерялся и по приезде в Бабушкино я очутилась с Влодовым один на один.

Накормив и напоив гостя, я приступила к интересующим меня вопросам. И перво-наперво спросила про продолжение стихотворения «Я думаю, Иисус писал стихи...».

— Плел сети из волшебной чепухи... — сказал Влодов. Это превзошло все мои ожидания.

«Плел сети из волшебной чепухи...» — какая прелесть, подумалось мне.

— А дальше? — еле слышно произнесла я.

— А жизнь Христа — была душа поэта,
Иначе как? Откуда бы все это?
В кругу слепых, болезненных племен
Он, как слепец, питал себя обманом...
И не был ли Иуда — графоманом? —
Неузнанным Сальери тех времен?

Стихотворение закончилось. Мощный голос Влодова стих. Я сидела потрясенная. Меня как будто заворожили. Я не могла себе представить, что может быть такое.

Я думаю, Иисус писал стихи,
Плел сети из волшебной чепухи... —

по второму заходу начал читать Влодов. Он всегда, оказывается, так читал. Я сидела не шевелясь, впитывая в себя всей душой магические строки. Когда он закончил, я спросила:

— А можно мне все это записать?

— Можно, — великодушно разрешил поэт.

Я взяла ручку, бумагу, и он начал мне диктовать, тщательно отслеживая знаки препинания.

После записи стихотворения меня как прорвало. Я начала рассказывать ему про свою тяжкую жизнь. Он внимательно слушал, после чего тоже стал рассказывать какие-то сказочные истории об НЛО, об иномирцах, о своей жизни. Мы проговорили полночи. Под конец я попросила прочитать и продиктовать мне еще какие-нибудь стихи.

Он прочитал такие строки:

Ной поджался. Уподобился лисе.
Повозился и забылся.
И увидел человечка на летучем колесе
И заплакал, словно Бог его обидел.
И поплыл он по планете водяной,
И отдался он и холоду, и зною...
«Слышал, видел и молчу!» — воскликнул Ной.
«Слышал, видел и молчи!» — сказали Ною.

И потом еще:

И душу, и тело недугом свело,
Лицо уподобилось роже!..
И стало в глазах от страданий светло,
И крикнул несчастный: «О Боже!..»

Но грохот сорвался в немереной мгле,
И эхо взревело сиреной!..
«Хо-хо!» — пронеслось по родимой Земле,
«Ха-ха!» — понеслось по Вселенной...

Я не стала его больше мучить. Отвела в отдельную комнату. Предоставила в его распоряжение софу. Он уснул сидя, не раздеваясь, и проспал так до девяти часов утра. Не могла же я тогда знать, как он был изможден от своих скитаний, как много значил для него этот отдых, этот сон. Я бы сразу уложила его спать и не донимала бы разговорами.

Проснувшись, Влодов, попил чаю, перекусил кой-чего и ушел. Мы договорились встретиться на следующей студии, в среду.

Вот так мы и познакомились, а, встретившись в следующую среду, больше не расставались.

Наверное, это была судьба.

Маргарита нашла своего Мастера.

Прелюдия

Юрий Влодов — поэт-диссидент с драматической судьбой, автор всем известного двустишия «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!». Почти всю жизнь он провел в поэтическом подполье, в маргинальной среде, и для всех, кто не общался с ним лично, жизнь его — это сплошное темное пятно.

Даже в период застоя, когда советские люди жили в основном спокойно и однообразно, у Влодова все было иначе. А главной его проблемой в конце 70-х — начале 80-х было отсутствие жилья, прописки и документов. У меня была почти похожая ситуация, вот почему нам так трудно тогда и жилось.

В проекте «Халупа» описано начало нашей с Влодовым совместной жизни, с 1982-го по 1984 год, когда мы на птичьих правах обитали в коммуналке у одного сумасшедшего дворника.

Сохнут постиранных тучек простыни...
Божий безумец уходит в пустыни...

А по следам боголепного сына
Вяло хромает приبلудная псина.

Ищет безумец блаженное место,
Месит ногами песчаное тесто.

Псина натертую лапу замочет,
В спину мессии по-бабьи завоюет.

Ветры взывают: «Ах, дети вы, дети!
Дети вы, дети! — куда же вас дети?»

Все мы срамны в этом мире убогом,
Все мы равны перед Господом Богом...»

Ветры по-бесьи пески поддевают...
Да в занебесье свищи поддывают...

Так и бредут — обреченные, в паре, —
Две сироты... Две безумные твари...

Юрий Влодов

Глава 1. Обретение халупы

ЧТО ТАКОЕ «ХАЛУПА»?

«Халупой» мы называли помещение в Дмитровском переулке, в котором жил дворник Валера.

Это его жилье находилось на первом этаже трехэтажного дома дореволюционной постройки, в коммунальной квартире, и состояло из двух небольших комнат, одна из которых была проходной.

В квартире было еще то ли шесть, то ли восемь комнат. Где-то в глубине находились кухня, ванная и туалет. А комнаты дворника располагались прямо у входа, что было достаточно удобно, ведь нам не хотелось особо светиться перед другими жильцами на входе и выходе, поскольку мы с Влодовым в то время были, так сказать, на нелегальном положении.

Дмитровский переулок находится в самом центре Москвы, между Кузнецким мостом и Столешниковым переулком, в районе станции метро «Театральная» (тогда она называлась «Площадь Свердлова»), начинается он от Пушкинской улицы (сейчас — Большая Дмитровка) и спускается к Петровке. До метро — рукой подать: пять-семь минут ходьбы, что было очень удобно.

ОБСТАНОВКА ХАЛУПЫ

В дальней, основной комнате, в глубине, у самой стены, стояла металлическая полутораспальная кровать, на которой спал дворник. Кровать была размером ровно по длине

стены, и ничего другого ни в головах, ни в ногах уже не помещалось.

Справа у кровати стоял большой письменный стол из натурального дерева желтого цвета с двумя закрытыми тумбами. Такие громоздкие канцелярские столы имелись во многих учреждениях советской эпохи. Стол был весь ободранный и грязный. На столе, в тумбах и даже на полу под столом — везде валялись засиженные тараканами рукописи дворника, — ведь он был прозаиком. Около стола стоял стул. У изголовья кровати тоже что-то стояло, кажется, еще один стул и прикроватная тумбочка. Вдоль противоположной стены, у окна, — диван темно-коричневого цвета, весь раздолбанный и просиженный. Казалось, он вот-вот рухнет под тяжестью свалившихся на него лет. Но на деле диван был довольно мягким, и сидеть на нем было очень удобно.

Двери в стене, разделяющей первую, проходную комнату и «основную» давно уже не было, остался только дверной проем.

В проходной комнате справа от входа стоял еще один диван, зеленого цвета, диван-книжка, который раскладывался. Он был посовременнее своего коричневого собрата. Около двери висела вешалка. На противоположной от дивана стене имелось сооружение типа камина, облицованного керамической плиткой. Похоже, в стародавние времена с помощью этого камина отапливалось данное помещение. А сейчас в каминном проеме дворник просто держал свою посуду.

Полы в халупе были паркетные, но жутко затоптанные, по всей видимости, их никто никогда не мыл. Правда, иногда дворник их все ж таки подметал. Обои на стенах тоже грязные и ободранные, занавесок на окнах не было. В халупе водились тараканы: они бегали и по столу, и по стенам, и по полу, и по рукописям. Имелись и клопы.

Впоследствии в эти комнаты кто-то принес маленький переносной черно-белый телевизор. Его поставили на стол, и можно было иногда посмотреть какую-нибудь передачу.

В халупе царила полнейшая мерзость запустения, но абсолютно ни у кого не возникало желания что-то тут улучшить. Мы воспринимали эту обстановку как само собой разумеющееся.

Комнатки эти достались дворнику в качестве служебных. Сам он, естественно, был не местным. Какое-то время он действительно работал по лимиту дворником, потом потихоньку сошел с ума, попал в психушку с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз». После того как вышел, получил инвалидность, работать дворником перестал, а жилье осталось за ним. Только вот непонятно, успел ли он получить постоянную прописку или был все еще прописан временно. Но, по-моему, жилищный вопрос был у него не совсем улажен.

Но все равно дворник со своей болезнью, чтобы не потерять инвалидность, должен был время от времени ложиться в больницу дней на сорок. Также он ходил на работу в какие-то особые мастерские, где работали инвалиды, клеили спичечные коробки. Там их кормили обедом и начисляли небольшие деньги.

ЖИЗНЬ С ВЛОДОВЫМ В ХАЛУПЕ

Мы вселились с Влодовым в халупу где-то в середине июля 1982 года.

Ну конечно, мы не сразу туда вселились. Первое время мы просто приходили в гости к этому дворнику. Кажется,

Влодов кому-то назначал там встречи, каким-то пишушим. Они приходили туда, приносили дешевый портвейн или сухое, и Влодов там с ними общался, разговаривал. Из закусок, я не помню, что там имелось и было ли что вообще, но что-то, наверное, было. Портвейн пили из граненых стаканов.

Ну а потом, походив какое-то время в эту халупу, мы сначала остались с Влодовым ночевать, а потом и вовсе — жить.

Мы спали с ним на зеленом диване в проходной комнате. Спали не раздеваясь. Я спала в джинсах и в блузке (в батнике, как тогда говорили). Мы, по-моему, там не умывалась. А где, собственно, умываться? В сторону кухни мы не ходили, старались не светиться.

Утром, когда вставали, то почти сразу же шли с Влодовым на улицу. Надо было не только подкрепиться, но и сходить в туалет и где-то каким-то образом умыться. Но позавтракать можно было только, если у нас были какие-то деньги: рубль, два или три*.

На Пушкинской улице самым лучшим и ближайшем к нам было кафе самообслуживания «Зеленый огонек». Там стояли высокие столы, стульев не было. Готовили там очень вкусно да и порции давали большие. Помню огромные куски мяса, котлеты, жареную картошку. Супы делали хорошие. И как-то все это подавалось как надо, в удобной и приятной металлической посуде. Суп в металлических глубоких

---

* Тогдашний рубль — это примерно как сегодняшняя тысяча. В те годы на рубль можно было пообедать вдвоем в недорогом кафе.

мисках. Картошечка такая жареная во фритюре большими кусками. Вкусное, сытное и недорогое было заведение.

Рядом, в соседнем помещении, располагалось кафе «Шоколадница». Ну, там, в основном, были сладости: кофе, пирожки, пирожные, блинчики. Правда, это место было и подороже.

Но Влодова почему-то все время тянуло в диетическую столовую, через дорогу. Там было все такое невкусное, биточки, вареные на пару, рис. Супы какие-то отвратные. Туда мы заходили иногда, но ощущения после такого обеда были не из лучших.

Ну а если денег не было, то требовалось для начала кого-нибудь вызвать, чтобы принесли деньги и нас покормили. Обычно вызывался Цапин. Он был всегда около Влодова, как «адъютант его превосходительства». То есть, по сути, это был как бы влодовский слуга. Он везде с нами ходил, нас сопровождал. У него, к тому же, всегда были деньги, и он частенько нас кормил за свой счет.

Телефона в халупе не было, а может и был, но все равно, вряд ли мы могли им воспользоваться. И мы ходили звонить в ближайшую телефонную будку на углу около магазина «Парфюмерия» — напротив халупы, или еще в какую-нибудь будку, вниз по Дмитровскому переулку. Звонок по автомату тогда стоил 2 копейки, были такие монетки по 2 копейки, и мы их хранили как зеницу ока. Но вообще из автоматов можно было делать только одиночные звонки, один-два, не больше, так как частенько автоматы монеты глотали, не соединяя.

Чтобы сделать серию звонков, требовались нормальные телефоны. И недалеко от халупы мы нашли такое место, откуда можно было звонить бесплатно. Таким местом стал для нас Госплан. Он находился в здании сегодняшней Госдумы, только вход был со двора, с Георгиевского переулка. Там

было бюро пропусков, в нем имелось несколько кабинок с телефонами, из которых приходящие в Госплан люди могли связаться с сотрудниками, чтобы заказать пропуск или вызвать кого-то из них вниз. Номера выходили и на городскую сеть, и можно было по ним нормально разговаривать сколько угодно, не опасаясь отключения. Вот туда мы и ходили делать какие-то основательные звонки, если требовалось позвонить сразу в несколько мест. Наверное, это место Влодов узнал в связи с Кузьминой, поскольку она там работала.

Позднее мы нашли еще одно такое место для звонков. Это было здание Госстроя на Пушкинской, оно располагалось чуть дальше, в сторону метро «Пушкинская».

В плане туалета, как я помню, в первую очередь мы посещали диетическую столовую, там были довольно удобные кабинки. А вообще тогда еще имелись стационарные бесплатные городские туалеты, и один из них находился почти что у входа в метро, вот туда и ходили.

Все эти места были очень важны в наших скитальческих буднях, потому что в самой халупе мы могли только ночевать или прятаться.

Вот такой у нас был незатейливый быт.

ГДЕ ЧТО РАСПОЛАГАЛОСЬ

Куда мы ходили еще, помимо уже названных мест? Ну во-первых, в магазин «Молоко», который располагался очень удобно: на Пушкинской улице, прямо на выходе с Дмитровского переулка, на противоположной стороне. Это был самый ближайший к халупе продуктовый магазин, и мы

частенько туда заходили купить, идя в халупу, что-то на вечер или на ночь — либо на утро. Или иногда проскакивали прямо из халупы: туда-сюда, или дворник ходил, или посылали кого-то из гостей. Кроме 16-копеечных пакетов молока пирамидальной формы, там можно было еще купить плавленые сырки «Дружба», «Волна», копеек по восемь-десять. Очень хорошая и дешевая закуска к выпивке.

Также покупали там маргарин для жарки картошки (жарил ее нам дворник), бутылку кефира или даже вареную колбасу по 2.20. Правда, за колбасой почти всегда стояла очередь, но небольшая, и мы частенько ее покупали, немного, граммов двести-триста. Тоже на закуску, либо так, перекусить вечером или ночью.

Этот молочный магазин так до сих пор там и работает. Хотя много всего позакрывалось за это время.

Рядом с «Молоком» была булочная, если не ошибаюсь. Только не помню, с какой стороны. Но, наверное, все-таки булочная была в другом месте. Это было бы слишком просто: и молоко, и хлеб в одном флаконе. Нам, собственно, ничего бы больше и не требовалось. Булочные обычно рассовывались по каким-то углам, все они находились немного в стороне от прочих магазинов. Одна из булочных точно была в проезде Художественного театра (сейчас это Камергерский переулок), который связывал Пушкинскую улицу с улицей Горького (теперь всем известная Тверская).

А рядом с булочной — пельменная, куда мы тоже частенько заходили. В пельменной ели стоя за высокими столами. Пельмени были отвратительные, но дешевые. Стоили они 32 копейки за порцию, а за 16 копеек можно было взять полпорции.

Да, а что мы собственно брали в булочной? Ну, естественно, нарезной батон за 13 копеек, или буханку черного за 12, или булочки калорийные с изюмом либо с орехами за 9 копеек, булочки с маком за 10 копеек. Еще бублики продавались по 6 копеек, сайки стоили 8. Но чаще всего брали батон. Все остальное, кроме черного, было для нас роскошью. Иногда только эти булки-сайки покупали. Еще одна булочная находилась на углу Столешникова переулка и Пушкинской улицы, на некотором отдалении от нашего дома.

Вроде бы рядом с «Молоком» был магазин «Мясо», но нам-то зачем?

Пожалуй, самой употребительной едой у нас в то время были рыбные консервы, но за ними надо было идти в большой гастроном на улицу Горького.

Еще нам нравился магазин «Кулинария», который находился рядом с «Зеленым огоньком». Там можно было купить разные полуфабрикаты: котлеты — мясные или овощные: капустные, картофельные, свекольные, морковные. Все стоило очень дешево: от трех до семи копеек за штуку. Мы покупали и отдавали котлеты дворнику, а он на кухне все это жарил. Также в «Кулинарии» можно было купить что-нибудь готовое, жареную рыбу например. Иногда брали. Но «Кулинариями» мы стали активно пользоваться уже позднее, когда жили с Влодовым и нашим ребенком на Петровке.

Еще одна важная точка жизни в халупе — винный магазин. Но, поскольку мне лично он не особо был нужен, то я не помню точно, где он располагался в районе Пушкинской улицы. Возможно, где-то между Дмитровским и Столешниковым переулками. Ну а где уж он точно был, так это в Сто-

лешниковом переулке, — фирменный магазин «Вино», он и по сей день, может быть, там находится. Хотя... вряд ли...

Все винные магазины открывались тогда довольно поздно, например, в 2 часа дня. В крайнем случае — в 11 утра. Это какой-то умник придумал, чтобы народ не успевал перед работой напиться, чтобы хоть как-то поработал, хотя бы полдня.

Я за вином никогда не бегала, Влодов — тоже. Посылали либо дворника, либо приходящих в халупу гостей.

Кстати, собственно в Дмитровском переулке никаких нужных нам магазинов, кафе и прочих необходимых мест не было, если не считать «Парфюмерии» на углу, но нам она была ни к чему. Весь переулок был каким-то пустым. Там, внизу, по нашей стороне располагалась музыкальная школа, но нам она была тоже без надобности. Поэтому мы вниз практически не ходили. Если шли к метро, то шли наверх, к станции «Площадь Свердлова», она была ближе всего. Если поесть или купить что-то из еды, то тоже наверх и, соответственно, направо или же прямо — в «Молоко».

Так что сам Дмитровский выглядел довольно пусто и уныло по сравнению со своими соседями — Кузнецким мостом и Столешниковым переулком.

В Столешниковом переулке у нас имелась еще одна точка, куда мы частенько заходили: это мастерская художника Гены Доброва. Туда и дворник ходил позировать, и много чего там происходило. Но это — отдельная история. Я просто сейчас упоминаю ее как место, куда мы заходили.

Вот такой была у нас близлежащая территория, объектами которой мы пользовались в нашей не особо обремененной комфортом жизни в халупе.

ДАЛЬНИЕ МАРШРУТЫ

Если говорить о дальнем окружении халупы и пешеходных маршрутах, то сюда входила в первую очередь улица Горького, на которую мы попадали, поднявшись с Пушкинской (Б. Дмитровки) вверх по Столешникову переулку или по проезду Художественного театра.

Вообще сама улица Горького нам была без надобности, так, иногда просто немного прогуливались по ней, либо пересекали ее, направляясь в сторону проспекта Калинина (сейчас Новый Арбат), улицы Герцена (Б. Никитской) и ЦДЛ. В ту сторону мы частенько ходили, это был, можно сказать, наш привычный пешеходный маршрут, и цель этого маршрута — во-первых, журфак МГУ, куда можно было зайти и стрелкнуть у каких-либо знакомых, учившихся или работающих там, немного денег. А во-вторых — квартира Анатолия Чернобровкина, куда мы нередко заходили. Она находилась где-то во дворах между улицей Воровского (сейчас Поварская) и проспектом Калинина, недалеко от ЦДЛ. У Чернобровкина имелась комнатка в коммуналке, там было очень чисто, прохладно и уютно в жаркие летние дни, и можно было немного передохнуть, попить чаю или позвонить. Чернобровкин тоже был ярым графоманом, у него везде лежали рукописи, и он все время нам читал свою безумную писанину. По-моему, он тоже был дворником.

И еще одна цель того маршрута — место работы Николая Егорова. Он работал в высотных домах на Новом Арбате. У Егорова мы тоже частенько стреляли деньги или договаривались приехать ночевать к нему в Чертаново.

Вот такие у нас с Влодовым были основные пешеходные маршруты из халупы.

В другие места надо было, конечно, ехать. Либо на метро, либо на троллейбусе, в центре в основном ходили троллейбусы. Впрочем, насколько я помню, по Пушкинской никакой общественный транспорт тогда не ходил, там вообще было одностороннее движение, к центру, кажется. Но точно не помню. Может, и ходил какой автобус или троллейбус, но мы им не пользовались. Зачем? До метро — два шага, и так можно дойти.

Надо сказать, общественный транспорт был тогда чуть ли не бесплатным, билеты стоили очень дешево: на трамвай — 3 копейки, на троллейбус — 4 копейки, на автобус — 5 копеек. Метро тоже стоило пятак. Вход в наземный транспорт был свободным, можно было брать билет, а можно и не брать, обычно мы не брали и ездили так. А у нас другого выбора, в общем-то, и не было.

Вот такими были окрестности халупы.

ПРИХОДИВШИЕ В ХАЛУПУ

Как мы с Влодовым жили в этой халупе, чем занимались? Днем — литературными делами: заглядывали в редакции газет и журналов, где работали знакомые Влодова, через которых он пытался сделать своим ученикам (не себе!) публикации. Ну а вечером к нам в халупу приходили начинающие поэты, и за выпивкой Влодов вел с ними разговоры. Они редко приходили по-одному, обычно группами. Кто-то из знакомых пишущих приводил кого-то.

Помимо нас троих, проживающих в халупе, почти постоянно у нас находился Володя Цапин, разве что ночевать он ездил домой. Цапин был кем-то вроде поверенного в делах.

Частенько приходил Коля Егоров. Еще Леня Колганов, затем Сережа Касьянов. Почти о каждом из них у меня есть более развернутый сюжет во второй части проекта, «Люди Влодова». Это было своего рода базовое окружение, эти люди находились около Влодова практически всегда.

Из известных поэтов в халупу приходил, например, Виктор Пеленягрэ. Ему тогда было примерно года двадцать два, он не так давно приехал из Молдавии и ходил на пару с очень симпатичным юношей, приехавшим из Украины, Александром (или Андреем?) Долей. Доля был просто красавцем: нежная белая кожа, черные волосы, прекрасная фигура, красивое лицо. Даже я немного смутилась, когда увидела такого красавца, а уж меня в тот период, когда я была поглощена Влодовым, совершенно никто не мог заинтересовать.

Чем они занимались в Москве — даже не знаю, но, наверно, что-то делали. Естественно, писали стихи и поэтому частенько приходили к нам в халупу, особенно Пеленягрэ. Сам Пеленягрэ, был, конечно же, тоже довольно симпатичным, но до Доли ему было далеко. Он был тогда еще никем, даже в Литинститут еще не поступил. По-моему, он поступил только на следующий год. И Доля вроде тоже поступил, что нас всех очень удивило.

После поступления в Литинститут Пеленягрэ какое-то время, года два еще, приходил к нам уже на другую квартиру, на Петровку, и помогал переносить вещи из одной квартиры в другую. А потом он куда-то пропал из нашего поля зрения и всплыл на свет божий где-то после перестройки, став сначала каким-то «куртуазным маньеристом», затем автором текстов популярных песен. Но мы уже с ним больше не общались.

ВЛОДОВ — ПОЭТИЧЕСКИЙ КОРОЛЬ, Я — ЕГО КОРОЛЕВА

В принципе, через халупу прошли все, кто в то время общался с Влодовым. Он всех приглашал посмотреть на свое новое место обитания — халупу, и на свою новую подружку — меня. А поскольку халупа находилась в центре, то люди шли толпами. Только вот в этот период они мне мало запомнились, так как меня интересовал тогда только Влодов как гений, а ко всем остальным я не имела никакого интереса, считая их графоманами. Я ощущала себя рядом с Влодовым настоящей королевой. Влодов был гением, королем поэзии, а я — его подруга, значит, я — лучшая, избранная. А те, кто вокруг нас, — обычные люди, да, пишущие, но графоманы, поэтому они имеют право быть только свитой Влодова.

И действительно, я так себя тогда и ощущала — королевой. Все нас кормили, поили, давали деньги (без отдачи кстати, никому даже в голову не приходило требовать с Влодова назад свои рубли, все считали за честь ими поделиться), предоставляли ночлег, практически ничего не требуя взамен (или мне это только казалось?). Перед Влодовым преклонялись, его уважали и боялись, потому что он был и большим поэтом, и огромной личностью. Вот поэтому я легко переносила все бытовые лишения, и не в последнюю очередь и из-за того, чтобы не лишиться своего, так сказать, «королевского» статуса, статуса подруги гения. Это грело мне душу и придавало смысл всей моей жизни.

КУЗЬМИНА

Из новых я помню всего несколько человек. Ну, во-первых, Кузьмину. Это была симпатичная девица чуть постарше меня, года на два, кажется. Она писала стихи, естественно, но, помимо всего прочего работала еще и в Госплане на какой-то инженерной должности. Поэтому ей удобно было заходить в халупу после работы, поскольку Госплан находился неподалеку. Помнится, Влодов положил на нее глаз, и я ужасно ревновала. В принципе, он на любую более-менее привлекательную женщину мог запасть, и Кузьмина не была в этом плане исключением.

Что мне сказать о Кузьминой? Помню, Влодов сделал ей публикацию в газете «Ленинское знамя» (сейчас это «Народная газета»), там давали такой углышек для стихов на последней странице. Сначала он напечатал там меня, а потом Кузьмину. Что мне не понравилось во всей этой истории, так это то, что Кузьмина стала как бы его клиенткой, он дал ей свое стихотворение про щенка («В электричку щенка посадили...»), и оно было напечатано там под ее именем. Не знаю, для чего он это сделал, может, для того, чтобы подцепить ее на крючок и потом шантажировать этим, ну чтобы она была более покладистой, что ли.

Ростом Кузьмина была чуть поменьше меня, худенькая, волосы — крашенные белые, примерно до плеч. Носила черный кожаный пиджак с черными брюками или юбкой. Сапоги на каблуках либо туфли с белыми хлопчатобумажными носками. Вот и все, что я о ней помню.

ЛИКА И ЕЕ БРАТ

Еще в халупу захаживала некая Лика со своим братом, крашенная блондинка, вида буфетчицы или официантки. Формы там были ой-ой: и грудь, и бедра! И роста немаленького, и одевалась ярко. Что-то красное на ней было или белое. Черного она не носила, это точно. Но Влодов таких роскошных баб как-то побаивался, ведь на их фоне он выглядел совсем никчемно. Он выбирал спутницу по себе, по своим возможностям. Да и не покомандуешь такой бабой, в случае чего и треснуть могла. Короче, это была не его баба, поэтому он на нее особо рот не разевал.

Лика эта запомнилась мне, потому что однажды с ее участием у нас халупе возникла потасовка. Изрядно выпив, или она, или ее брат сказали что-то неуважительное в адрес Влодова. Я кинулась его защищать. Завязалась драка. И вот ее брата я шибанула по голове бутылкой из-под шампанского. Бутылка разбилась, и у него полилась из головы кровь. Лика тут же вцепилась мне в волосы. Влодов кинулся нас разнимать. Короче, было то еще побоище! Мы разбили этот маленький халупский телевизор, разнесли все висевшие на стенах халупы картины местного художника Владика ну и разодрали с этой бабой друг друга в пух и прах! Потом то ли дворник пришел нас разнял, то ли соседи милицию вызвали, и мы стали из окна выпрыгивать, а милиционеры (тогда их еще ментами никто не называл) стояли под окном, брали нас под белые руки и вели в милицейский воронок.

Так мы познакомились с местным 17-м отделением милиции, которое находилось на Пушкинской улице, ближе к бульварам. Но когда-то это должно было произойти, знакомство с милицией то есть.

КАПУСТИК

Из новых людей помню также одну девушку, чем-то похожую на меня. Влодов прозвал ее «Капустик». У нее была такая же копна волос, как и у меня, которая делала ее голову похожей на раскрывшийся кочан капусты. Правда, волос у нее было поменьше, да и цвета они были не такого живописного, как мои. У меня были волосы цвета ярко-золотой соломы. Она же была просто блондинка, но натуральная, на мордашку симпатичная, но моложе Кузьминой и даже меня года на два, поэтому она представляла для моих отношений с Влодовым серьезную опасность.

Естественно, она тоже была пишущая, кто ее привел, не помню, но обычно многих приводил Цапин. Имени я ее не помню, но, может быть, ее звали Лена. За ней осталось только одно это прозвище «Капустик», так Влодов и меня первоначально называл по той же самой причине: из-за огромной копны волос. Так что ей это прозвище перешло от меня по наследству. Правда, потом Влодов его укоротил и сделал просто «Пустиком». Вот так.

Она приходила в халупу пару-тройку раз, не больше. Но я страшно ревновала, потому что тут уже были веские основания. Влодов начинал перед ней рисоваться, играть на нее, и меня это очень обижало, и я боялась, как бы у них чего не вышло. И может, и вышло бы, если бы не я, — я ему мешала. Ведь чтобы завязаться всерьез с этим Капустиком, надо было сначала развязаться со мной. Каким образом он мог бы с ней встречаться, если рядом все время была я? А со мной уже не просто было развязаться, слишком уж много я из-за него потеряла, слишком многим я ради него пожертвовала, и вот так просто — взять и прогнать меня — тоже было нелегко.

Тогда бы он вообще прослыл форменным негодяем. Да и привык он ко мне уже. Неизвестно еще, что бы там могло получиться в итоге с этой девицей, может, больше одной недели он бы с ней не протянул, а со мной уже все определилось. Так что на Пустика он, конечно, посматривал, но делать какие-либо шаги не решался. Впоследствии он долго меня этим Пустиком дразнил, вызывая на ревность. Я злилась.

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК ВЛАДИК

Еще частенько заходил в халупу приятель нашего дворника Владик — молодой человек, примерно 24 лет, довольно приятной наружности, но слегка побитый жизнью.

Он тоже работал дворником, жил по соседству. Правда, он был дворником не пишушим, а рисующим. Он мечтал стать художником, поэтому в свободное от основной работы время занимался какой-то мазней. Писал картины маслом и дарил их своим друзьям, в частности Валере. Тот вешивал эту мазню в своей халупе на стены и таким образом немного их украшал. Две или три картины висели у него над кроватью. Что уж там было нарисовано, не помню. Может, пейзажи какие или натюрморты. Помню только, что пошли в ход эти картины, когда мы дрались с Ликой и ее братом, а потом еще я отбивалась одной из картин от самого Влодова, когда мы с ним в очередной раз ссорились. Вот на что нам пригодились картины Владика, что тоже неплохо.

Потом ему надоело работать дворником, но постоянную прописку он еще не получил и официально сумасшедшим не был, поэтому пришлось ему из своей комнаты выметаться и ехать в свою провинциальную дыру. Впрочем, его род-

ные пенаты были не так далеко от Москвы, в какой-то из соседних областей. Картины свои перед отъездом он подарил Валере, так они и стояли у него, используясь периодически на разные нужды: либо в виде столиков для распития портвейна, либо как щит или меч при драках. Периодически приезжал из своей деревни и сам Владик и начинал показно заниматься живописью в проходной комнате. Это было уже тогда, когда мы жили в халупе с ребенком. Через некоторое время он куда-то исчез, и мы его больше не видели.

ХУДОЖНИК ГЕНА ДОБРОВ И ЕГО МАСТЕРСКАЯ В СТОЛЕШНИКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Гена Добров, в отличие от Владика, был профессиональным художником. Закончил какое-то специализированное художественное заведение и являлся членом МОСХа. Гена работу свою знал, ремеслом владел. Ничего сверхъестественного он не писал, обычные, стандартные полотна. Станковая живопись. Но звание члена МОСХа он отрабатывал.

У Гены была пятикомнатная квартира на Ленинградском проспекте, в которой он жил вдвоем с женой Люсей. И еще Союз художников выделил ему для творческой работы большую мастерскую, где Гена, собственно, все свое время и проводил.

Мастерская эта была просто сказочным местом для любого творческого человека, и мы частенько туда заходили. Да, поэты и мечтать не могли о таких мастерских, о таких хоромах! Почему-то поэтам мастерских не дают, а им ведь тоже нужно место для творческого вдохновения и общения с коллегами. Дома творить весьма проблематично, там обычно

семья. Такую бы мастерскую да Влодову, вот было бы здорово! Именно такая творческая мастерская ему была нужна для писания стихов и для общения со всей стихотворной братией.

Дом с мастерской находился в Столешниковом переулке, ближе к Петровке, на самом углу. Трехэтажный, облицованный с одной стороны керамической плиткой, тем он и отличался от прочих строений в Столешниковом. Плитка придавала ему некоторое очарование. Дом этот выглядел так, как и должны были выглядеть дома, в которых есть мастерские художников. Впрочем, тогда он еще был жилым, с квартирами на нижних этажах. В мастерскую был отдельный вход, причем ведущая туда дверь всегда была закрыта изнутри. Поэтому сначала надо было позвонить, для чего в укромном месте имелся специальный звонок. Дверь обычно открывал сам хозяин. Войдя в подъезд, мы попадали на широкую лестницу, ведущую наверх, поднявшись по которой, оказывались в мастерской.

Это было довольно просторное помещение, занимавшее весь верхний этаж дома, заставленное холстами, подрамниками, готовыми картинами, повсюду — кисти, краски и другие принадлежностями для работы художника. В центре мастерской стоял большой стол, за которым вполне могло разместиться человек десять-пятнадцать. Вокруг стола — стулья, скамейки, кресла. Конечно, всё это было не новое, а собранное где-то по случаю. По углам расставлены какие-то диваны, кресла, стульчики, на которых можно было удобно расположиться всем проходящим. Нам, бездомным, измотанным, такая обстановка представлялась сказочной. Мы часами сидели и зачарованно смотрели, как Гена пишет свои картины. Иногда в качестве натуры он использовал и нашего дворника. Почему-то Гена взял для натуры именно Валеру,

а Влодовым не заинтересовался вовсе. Хотя лучше бы он написал именно Влодова. Влодов все-таки был личностью, большим поэтом, а Валера — просто дворник. Но, видимо, для художника, большее значение имеет фактура. Так произошло и в этом случае.

Жена его, Люся, тихая, домашняя женщина, поила нас чаем, угощала сушками и печеньем, а порой даже давала и поесть, чему мы были безмерно рады.

Одно время в мастерскую мы ходили почти каждый день и находили там довольно радушный прием, Гене, наверное, скучно было работать в одиночестве. Поэтому присутствие каких-то людей его, скорее, развлекало. Ведь мастерская была большая, места всем, в общем-то, хватало. В мастерской был телефон, и Влодов не упускал возможности сделать оттуда свои звонки.

Но больше всего меня в этом месте порадовала мансарда. Это такая небольшая комнатка для отдыха, в которую можно было попасть, поднявшись по лестнице из самой мастерской. Я долгое время даже не знала об ее существовании. Но однажды мне стало плохо, и меня проводили туда полежать. В этой комнатке была небольшая лежанка, а также имелся выход на крышу дома. Наступил вечер, взошла луна и... красота была просто необыкновенная. Это был как бы отдельный от всего земного волшебный, творческий мир, идеальное место для вдохновения художников и поэтов. Имея такую мансарду и крышу, можно ничего больше и не желать. Эта мансарда, крыша и луна мне запомнились на всю жизнь. Лучшего для творческого вдохновения я ничего за свою жизнь не видела. Потом, уже намного позднее, вспоминая все это, я написала стихотворение «Черная кошка». Вот некоторые строфы из него:

Черная кошка — не хочет дружить.
Черная кошка — себе на уме.
Нравится ей в потаенности жить,
В мягкой, не тронутой лампами тьме.

<...>

Вскоре по крыше пойдет не спеша,
Словно в туманном, изнеженном сне...
Вот она! — бархатной ночи душа! —
Черная кошка при желтой луне!

Несколько раз мы устраивали в этой мастерской поэтические вечера. Влодов собирал всю свою братию, набивалось очень много народа. Помнится, один раз вечер даже сделали платным, брали за вход с каждого по рублю. Я тоже читала на этих вечерах свои стихи, но мне уже не удавалось никого этим поразить. После знакомства с Влодовым я стала читать как-то посредственно.

Вот такое чудесное место было у нас под боком. Правда, потом, когда родился ребенок, мы перестали туда заходить, так как ребенок своим криком мог мешать Гене работать, да и настроения уже не было по мастерским ходить. А потом нам стало уже совсем не до искусств. И в скором времени мы вообще забыли и о его мастерской, и о нем самом.

ДВОРНИК ВАЛЕРА, ХОЗЯИН ХАЛУПЫ

Надо пару слов сказать и о самом хозяине халупы — дворнике. Валера был молодым человеком лет двадцати восьми,

довольно высокого роста, примерно 190, из наших знакомых не было никого выше него, и основательной наружности: мощный торс, крупные руки, ноги. Волосы светло-русые, уходящие в рыжину, глаза — серые или серо-синие. Он носил небольшую бородку. Всей своей наружностью он был похож на дремучего русского мужика или на какого-нибудь полярника, живущего на Северах. Движения и походка у него были размеренные, неторопливые, он никогда никуда не спешил. Говорить особо не любил, в основном слушал, лежа на своей кровати. Иногда на его лице появлялась какая-то хмылка, но он почти никогда не смеялся.

Мне он напоминал какого-то доисторического человека. Глазки у него были невыразительные, водянистые, посаженные глубоко и близко к носу, что придавало ему сходство с обезьяной. Да и в целом впечатление от его облика было каким-то размытым, стертым. Но он не мешал особо никому. Он скорее ассоциировался с каким-то необходимым и громоздким предметом мебели, со шкафом например, нежели с человеком. Влодову он никогда не возражал, не спорил с ним, ничего от него не требовал, а наоборот, боялся его и исполнял все его указания.

Что занесло его в Москву, откуда он приехал, непонятно. Что его повело на писанину, тоже не ясно. На пишущую братию он никак не походил, в моей памяти он вообще остался неп пишущим. Я никогда не читала его творений и не слышала, чтобы при мне он что-то читал Влодову. Я не помню, какая у него была фамилия, то ли на букву «д», может, Добродеев, или Добрушин, а может и на букву «ч», не знаю. Но фамилия была какая-то длинная, не из двух слогов, это точно.

Влодов дал ему прозвище «Холодец» за его безликость и аморфность и называл его в наших разговорах не иначе

как только этим именем, изредка заменяя его для разнообразия на «Студень». Потом приклеил к нему еще одно обидное прозвище — «Огрызок».

Этот дворник был не таким простым, как поначалу показался. Он оказался агентом КГБ, в чем сам и признался Влодову, бросившись перед ним на колени. Сказал, что его приставили следить за ним, как за очень опасной фигурой, диссидентом. Поэтому нам и создали все условия для нахождения в халупе, несмотря на все наши пьяные сборища, дебоши, житье без прописки и документов. Мы давно уже полетели бы из этой халупы, если бы не такая установка органов. Ведь соседи, наверное, ходили, капали, доносили на нас неоднократно, но какое-то время все оставалось без изменений. Влодов находился в разработке, и этому нельзя было мешать. Кроме того, к нему слеталось немало всяких пишущих со всей Москвы, и это тоже, видимо, представляло интерес для органов. Так что работки мы им подкинули довольно много. (Хотя... может быть, контакт с органами — всего лишь плод его больного воображения.)

В этого дворника вдруг влюбилась одна девица, не кто-нибудь, а дочь генерала, Елена Бараболя. Она была такая экзальтированная вся, но это неважно. Все равно могла бы найти себе и поприличней кавалера. Нельзя сказать, чтобы она была такой уж дурнушкой, внешне она была довольно симпатичной девушкой.

У нее была отдельная однокомнатная квартира в сталинском доме прямо рядом с метро «Войковская». В соседнем доме жили ее родители, которые глаз с нее не спускали. Квартирка у нее была будь здоров! Там в одном только холле можно было жить, что мы потом с Влодовым и сделали. Да, вот так.

Так что вроде бы никому не нужный дворник каким-то непонятным образом поразил воображение этой девицы, и она просто помешалась на нем. Видеть это было удивительно и даже забавно. Даже дико, в какой-то мере. На мой взгляд, ничего привлекательного в Валере не было вообще. Причем на Влодова она никак не отреагировала, как он ни старался, ничем не смог ее пленить — ни гениальностью, ни своим обаянием. Ничем. Ей это было пофиг, она запала на дворника.

Она сначала бегала к нему в халупу, а потом забрала его к себе жить, чем обрадовала нас необычайно. Мы наконец-то смогли пожить какое-то время одни, без этого ненужного нам «предмета мебели».

Все было б ничего, но Валера со своей стороны не испытывал к новоявленной подруге никакого интереса и особо этого не скрывал. Ее притязания были ему даже неприятны, но он какое-то время это терпел.

Но в итоге он все-таки сбежал от Лены в халупу и расстался с ней совсем, а мог бы воспользоваться случаем и устроить жизнь за счет своей великолепной фактуры. Но он, как многие подобные люди, был дураком и пользоваться случаем не умел. Так и остался в итоге гнить в своей дыре.

Художника Гену Доброва Валера тоже заинтересовал своей могучей натурой, и Гена стал писать с него картину под названием «Христос в вытрезвителе». Это было что-то! И ведь надо же было додуматься до такого сюжета в те годы!

В чем заключался сюжет картины? Валера лежал у Гены в мастерской на диване в своей излюбленной позе, то есть просто лежал, раздетый, в одних трусах, а Гена писал с него пьяного Христа, который попал в наше время, напился, и его забрали в вытрезвитель.

Каждый день с утра наш дворник ходил к Гене позировать и лежал там часа по два, по три. Ну а Гена после сеанса его кормил, в этом и заключалась его плата за натуру. А Валеру это устраивало, ему же надо было где-то подкормиться.

Месяца через два написал Гена эту картину, великолепно получилось, и Христос как живой, и написано хорошо, совсем как у Александра Иванова «Явление Христа народу». На этом Гене закончить бы работу и успокоиться. Ан нет, он продолжал совершенствовать свое полотно и дописался до того, что Христос превратился у него незнамо в кого. Он зачем-то всю картину затемнил и превратил Христа почти что в негра. Короче, смотреть на все это уже было совершенно невозможно. Картина оказалась безнадежно испорченной. Может, и не стоило ему браться за такую тему, трогать Бога, поэтому в итоге всё и замазали — какие-то силы, наверное. Что с этой картиной потом стало — неизвестно.

Хотя... похоже, Гена то ли эту картину как-то переделал, то ли уже новую написал, я нашла уже в наше время в Интернете другую картину, весьма похожую на ту, что с дворником нашим в главной роли. Картина называется «Прощальный взгляд». Валера там изображает алкоголика, допившегося до чертиков, от которого уходит жена.

Однажды Валере сильно разбили голову, точнее — лоб. Звезданули прямо между глаз. Он пошел гулять ночью пьяный и вернулся с разбитой мордой. Очень глубокая была рана. Он все лечил ее, лечил, но что-то она никак не заживала. И кто мог такого гориллу звездануть — непонятно. Кстати, вот такой же удар — между глаз, прямо в лоб, — меня настораживает. Я тоже спустя много лет получила такой же точно удар. Потом моего знакомого И. Г. также припечатали, всю голову разбили. Складывается впечатление, что это дело рук то ли

одного человека, то ли одной какой-то сущности. Я думаю, что это один из каких-то невидимых помощников Влодова, которых у него была, вполне вероятно, целая свора. И если Влодов бывал недоволен кем-то, то вот эта сущность на того человека и набрасывалась. Я так думаю, но, может, это лишь мои догадки.

ВЛОДОВ И ЖЕНЩИНЫ

Любую из понравившихся ему женщин он тут же пытался соблазнить, и никаких моральных принципов или помех вроде детей или мужей для него в этом деле не существовало.

Но с момента совместной жизни со мной он мне еще открыто не изменял. Первый раз он изменил мне где-то через год опять же с этой Кузьминой, в чем он мне потом и признался.

Причина, по которой он мне в этот период не изменял, была проста: мы все время с ним практически не расставались, ни днем, ни ночью. Поэтому изменить в такой ситуации, конечно же, было проблематично. А не расставались еще и потому, что в первую очередь ревновал меня он и не отпускал от себя ни на шаг. Своих женщин он судил по себе: если его подруга зазевалась бы, он тут же кого-то бы оттрахал.

То же самое он думал и о подруге, что она могла бы быть в этом плане не менее шустрой. Если она отсутствовала рядом с ним больше двадцати минут, то считалось, что она с кем-то там переспала. А если такое дело, то, значит, она уже не может быть его полноправной подругой, его женщиной, он уже не должен был относиться к ней всерьез. Как говорится, жена Цезаря должна быть вне подозрений. Никаких исключений в этом деле не предполагалось. Его женщина —

это его женщина, и ничья больше. Он же, наоборот, мог трахать всех вокруг, и казалось, имел на это полное право. Его подруга не должна была его ни к кому ревновать, а если даже и ревновала, то это — ее проблемы, ее ревность не бралась в расчет. Ведь он же гений, поэтому должен принадлежать всем. А подруга гения должна принадлежать только ему одному и никому больше. Имелась в виду основная, скитающаяся с ним женщина, которая считалась как бы женой. Вот эту подругу никто не должен был трогать. Только так он мог относиться к ней более-менее серьезно и держать какое-то время при себе. Если она нарушала этот закон, то в скором времени изгонялась.

При таких исключительных требованиях, его подруга, естественно, не могла ходить на работу, или ездить куда-либо ночевать, или встречаться с друзьями либо с подругами, или пойти одна или с кем-либо, например, в театр. Она не могла ездить в командировки, навещать родственников, а также ходить одна по магазинам, если только в самом крайнем случае — и буквально на десять минут.

Все делалось вместе, вдвоем, где это только было возможно, а где невозможно — то и не делалось вовсе. И первейшим врагом такого образа жизни была работа. На работу его женщине ходить было нельзя. Потому что там, ясное дело, можно было «потрахать». Учиться где бы то ни было — тоже нельзя, потому что и там можно было заняться этим неблаговидным делом. Где-то у кого-то жить, в том числе даже у себя дома, отдельно от Влодова, — тоже было нельзя, так как, ясное дело, и там могло произойти то же самое.

Таким образом, если у подруги было свое жилье и она была одинока, то Влодов подселся к ней. Если в том поме-

щении жил кто-то еще, ну например, родители, то он тоже мог еще вселиться туда, если родители были не особо привередливые и могли мириться с его присутствием. В других случаях, эта женщина должна была уйти с ним в скитания, что, в общем-то, мало кого прельщало. Чтобы пойти на такой шаг, она должна быть воистину безбашенной. Он понимал это, поэтому и подруг себе подбирал соответствующих, «без проблем».

По всей видимости, Влодов был не менее сумасшедшим, чем тот сумасшедший, у которого мы пристроились жить. Только в отличие от дворника он ни на каком учете в психушках не состоял, поэтому и считался как бы нормальным. Но параноя у него точно была — это бред ревности.

Ведь и меня Влодов начал по-черному ревновать к этому самому дворнику Валере. Самое неприятное было в том, что я ему никакого для этого повода не давала. Я была полностью поглощена им как поэтом, как гением и никакого интереса к окружающим людям не проявляла. Но Влодов упорно не хотел этого замечать и доканывал меня своей чудовищной, ненормальной ревностью.

Я сначала не понимала, что это за дела, думала, что он шутит, и как-то всерьез не воспринимала его претензии. Но он зверел все больше и больше и каждый вечер устраивал мне все более грандиозные скандалы. Я не знала, что и делать. Первое время я пыталась как-то оправдаться, вразумить его, успокоить, но это было совершенно бесполезно. Доказать ему ничего было нельзя, у него была своя логика, он меня не слушал.

Так что в тот момент я на собственной шкуре поняла, что «гений и злодейство вещи очень даже совместные». Вот так.

КАК Я РАЗБИЛА СТЕКЛО В ГОСТИНИЦЕ МВД

Влодов постоянно мне говорил, что настоящие поэты (и поэтессы в их числе, разумеется) должны не только хорошо писать, но и быть яркими, неординарными личностями, они должны ничего и никого не бояться и совершать такие поступки, которые бы запомнились окружающим. А поскольку я была молодая и глупая, то на это велась и хотела что-нибудь такое совершить, чтобы доказать ему: я тоже личность и тоже что-то могу!

А он меня все время очень сильно изводил, когда был пьяным и ревностью своей неадекватной, и мне после этого просто хотелось всех поубивать или покончить с собой, так мне было плохо.

Помню, как-то мы ссорились в очередной раз поздно ночью. Я выскочила на улицу, побежала наверх, в сторону Пушкинской улицы. Тут я заметила лежащий на дороге камень, схватила его и в соседнем с халупой доме разбила окно. Наверное, этим поступком хотела доказать, что я не тварь дрожащая, так сказать. А там находилась гостиница МВД. Я, честно говоря, даже об этом не знала, потому что на этом доме вывески у входной двери не было.

Я, кинув камень, в страшном возбуждении помчалась куда-то вдаль, даже, наверно, не от страха, а чисто по инерции, и вряд ли кто что-либо смог разглядеть, даже если и видел, что тут что-то произошло. Обежав буквально за пару минут весь квартал — через Пушкинскую, Кузнецкий Мост и Петровку — я опять появилась на Дмитровском, но снизу. Влодов страшно испугался и быстренько потащил меня в халупу, подальше от места происшествия. Он-то знал, что это за дом и какие могут быть последствия за мою хулиганскую

выходку. Могли бы усмотреть в этом проступке покушение на провинциальных милицейских чинов и повязать, и надолго. Влодов боялся, как бы после этого не стали бы обыскивать близлежащие дома, ища того, кто бы мог это сделать. Но никого искать не стали, как-то все обошлось. Разбитое стекло потом заменили на новое.

КАК Я ПОСТАВИЛА ВЛОДОВУ СИНЯК ПОД ГЛАЗОМ

Как-то раз мы с ним ссорились в районе Кузнецкого Моста. Тоже дело было ночью. Кажется, мы возвращались откуда-то из гостей, шли из метро в халупу. Влодов был пьян и, как всегда, меня доканывал, словесно, конечно. Еще он любил плевать в сторону своей жертвы, а я, в ответ на плевки и оскорбления, отбивалась от него своей сумкой. У меня была такая небольшая вельветовая коричневая сумочка, украшенная пластмассовым бисером. И вот, отмахиваясь этой сумочкой, я попала ему по лицу, прямо по глазу. Сама сумочка была матерчатая, мягкая, а вот бисер, видно, не очень. Я и не подумала, что после удара такой сумкой могут быть какие-то проблемы, я ведь отбивалась ею чисто символически. Мы пришли в халупу и легли спать.

На следующее утро Влодов смотрел на себя в зеркало с большим недоумением: под его глазом красовался довольно внушительный синяк. Никто ему до меня, похоже, синяков не ставил, если только менты в годы его бурной молодости. Но деваться было некуда, и Влодову пришлось вызывать в халупу какую-то бабу из своих знакомых, чтобы она принесла ему «Тонак» (тональный крем) и пудру, чтобы замазать фингал. А пока что он решил никуда из халупы не выходить,

так как с такой своей бродяжьей мордой да еще с синяком под глазом, он мог привлечь к себе внимание милиции. А поскольку он жил без документов, то подобное внимание ему было вовсе ни к чему.

К вечеру пришла знакомая баба, принесла косметику, он долго мазался, и в итоге удалось как-то это дело скрыть. Свой «Тонак» она оставила Влодову, так как мазаться ему предстояло еще не меньше двух-трех недель, пока все не пройдет. Синяк, конечно, со временем прошел. Но после этого случая при ссорах Влодов опасался подходить ко мне ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

ХАЛУПА — КАК СИМВОЛ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, КАК СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Я правда сейчас не понимаю, как я могла вот так жить. И ведь это продолжалось не неделю, не месяц, а довольно долгое время. Мы поселились в халупе примерно в июле 1982 года, прожили там не только остаток лета, но и осень, а также часть зимы: декабрь и начало января. И потом еще жили после небольшого перерыва, и с ребенком в том числе, в общей сложности — два года.

Именно в халупе произошло становление наших с Влодовым отношений, появление на свет нашего ребенка и создание в итоге нашей семьи. И все это происходило в месте, совершенно не приспособленном для жизни, в котором отсутствовали самые элементарные удобства. Конечно, все эти удобства, «места общего пользования» там имелись, но мы-то, как не прописанные, как люди, живущие тайно, на птичьих правах, ими воспользоваться не могли.

По сути, халупа была просто местом, где можно было спрятаться от людей и непогоды, а также переночевать. Влодову этого было вполне достаточно. Даже это было для него неслыханной роскошью, ведь у него вообще не было жилья.

К слову сказать, это место, эта территория, где находилась халупа, было настоящим культурным центром Москвы. Только на одной Пушкинской улице, по которой мы каждый день ходили, находились Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко и Театр оперетты. Там же Колонный зал Дома союзов, где проводились разнообразные концерты, устраивались елки и детские праздники. А за углом — Театральная площадь с Большим и Малым театрами, а также Центральный детский театр, прямо у входа в метро. Но нам тогда и в голову не приходило пойти в какой-то из них!

В этом районе также были музеи, картинные галереи, выставочные залы, да и Красная площадь находилась фактически рядом.

Но нас это совершенно не интересовало. Мы жили с Влодовым в этой халупе в каком-то своем, особенном мире, словно отгородившись от мировой культуры. Складывалось такое впечатление, что, живя в столице, в Москве, в самом ее культурно-историческом центре, мы в то же время жили в какой-то глубокой провинции, в каком-то средневековье. И нравы у нас были дикие, и стремления примитивные. Мы были озабочены удовлетворением только насущных потребностей, нас интересовали ночлеги, еда и прочие нужды, связанные с выживанием. Это был абсолютно дикий, дикий, дикий мир! Вот до чего доводит пишущих людей так называемая поэзия, так называемое творчество! Это было даже не средневековье, а скорее уж каменный век. Влодов одичал еще задолго до меня, но мне

непонятно, как сама я смогла так одичать за такое короткое время? Почему так сузились мои интересы и все мои жизненные потребности? Наверное, в тот момент я находилась под гипнозом Влодова. Другого объяснения я не нахожу.

К слову сказать, название этому помещению — халупа — придумал сам Влодов, и оно как-то прижилось, осталось. Так как оно наиболее точно соответствовало этому неприглядному местечку. Иначе как халупой это место и не назовешь. Правда, внешне дом, где располагалась та квартира, ничем не отличался от многих жилых домов центра Москвы. Это был довольно крепкий каменный дом, построенный еще в XIX веке, и никто за ветхостью сносить его не собирался.

А вот внутри, даже точнее в этих двух комнатах дворника, царило полное запустение. Я не думаю, что в других комнатах этой квартиры был такой же бардак. Наверное, как-то же люди жили, обустривались даже в таких условиях. Скорее всего, таким было состояние души нашего дворника, поэтому и внешне это как-то отразилось.

Такое же состояние души было у меня, ну и у Влодова, по всей видимости.

Вот и получили мы в итоге каждый свою халупу.

ВЛОДОВ КАК КУЛЬТОВАЯ ФИГУРА МОСКОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОГЕМЫ

При таком раскладе, при полной бытовой неустроенности и его не очень-то добром нраве — как же я могла с ним находиться, ради чего? Ради чего я принимала такие муки? Ради его поэзии, конечно. Я же была пишущая, и для меня его творческое величие было важнее всего.

Влодов был гением поэзии, он обладал магией слова, все остальное уже не имело значения, этим все уравновешивалось. Он писал такие стихи, такой потрясающей силы, такой красоты, что дух захватывало! Каждое только что написанное им стихотворение молниеносно распространялось среди его поклонников, многократно переписывалось, перепечатывалось, зачитывалось до дыр. Его стихи заучивали наизусть, читали на всех подпольных сборищах, на вечерах, квартирниках, а также друг другу по телефону, растаскивали на цитаты. Он был королем московской литературной богемы, она его обожала! Чуть ли не каждая поэтесса мечтала ему отдаться, чуть ли не каждый молодой поэт хотел стать его учеником! (Кстати, учеников у него было очень много, и не только в Москве, но и по всей стране.) Влодов был у них культовой фигурой, и они ему поклонялись как поэтическому богу, служили ему, можно сказать даже приносили себя в жертву. Его стихи являлись своеобразным духовным наркотиком, и он щедро одаривал ими свою паству. При общении с ним каждый пишущий попадал в какое-то особое магическое пространство, в какой-то параллельный мир, правда, вернуться назад, в реальность для многих становилась порой непосильной задачей.

Он был богом поэзии, но как к любому богу, приближаться к нему было опасно.

Я нарушила этот запрет, я приблизилась, и он меня... испепелил!

Глава 2. «Будем рожать!»

Я — БЕРЕМЕННА!

Наступила осень 1982 года. Я находилась с Влодовым уже примерно полгода, но все равно чувствовала себя как-то беспокойно. Я была не очень высокого мнения о своих женских чарах, несмотря на то что внешность имела довольно привлекательную. Мне казалось, что Влодов вот-вот меня бросит, ведь он же большой поэт, гений! А я... Ну что — я? Я, конечно, тоже писала стихи, но что мое творчество значило по сравнению с его стихами? Находясь с ним, я себя перестала считать пишущей. Около Влодова всяких подобных девиц крутилось в избытке. А мне в любовных делах как-то не особо везло, поэтому я ни на что серьезное в отношениях с Влодовым не рассчитывала. В итоге он все равно должен был меня бросить.

С того момента, как мы начали вместе жить, я считала каждый прожитый с ним день, очередной победой и записывала это себе в плюс. Вот неделю с ним прожила, вот месяц, вот два! — и он все еще меня не прогнал! Мне было чем гордиться!

Но я понимала, что вряд ли такая ситуация продлится слишком долго. По рассказам Влодова, он жил со своими прежними бабами от четырех до восьми месяцев, а потом он их прогонял (или те сами бежали без оглядки!) и заменял на новых (еще не битых). Таким образом, после Мары Гриезане, его последней официальной жены, сбжавшей от него в неизвестном направлении где-то в середине семидесятых, до меня у него было гражданских жен аж двенадцать! Это не

считая всяких там любимых, любовниц и разных мимолетных бабочек.

Так что участь меня ждала незавидная, и наше расставание было только вопросом времени.

Меня это сильно пугало. Я боялась потерять Влодова. С того самого момента, как я услышала первую строчку из его стихов, а это была строка «Я думаю, Иисус писал стихи...», я стала своего рода поэтической наркоманкой, подсевшей именно на его поэзию. Его стихи проникли в мое сознание, и я не могла уже без них жить. Каждый день мне требовались какие-то новые дозы. Его присутствие рядом ощущалось мною как некое чудо, как будто бы я жила рядом с богом, с богом поэзии. И у меня было такое чувство, что если он меня прогонит, то я умру. Я была под колпаком его поэзии, его личности, для меня ничего в мире больше не существовало, и, если бы я оказалась за пределами этого колпака, я бы задохнулась, как если б меня оставили без воздуха. Я готова была целовать подошвы его ног, только чтобы он меня не прогонял.

Вот в таком я была состоянии, явно неадекватном, я была как зомби и ничего не соображала. У меня в голове прочно засели две взаимоисключающие мысли: «Я не могу без него жить!» и «Он всё равно меня бросит!».

На последней мысли я была сосредоточена более всего и, уже свыкнувшись с нею, стала потихонечку готовить себя к неизбежному и неотвратимому расставанию с ним. А чтобы это расставание достойно пережить, я подумала, что... неплохо было бы завести от него ребенка. Ребенка — на память, ребенка от него, от гения. Тогда мне будет легче все это пережить, я буду не одна, мне будет чем заняться, ну и память от него останется на всю жизнь.

Потом... еще до Влодова у меня стояла проблема личного одиночества. Я всю жизнь была одна. У меня не было ни подруг, ни друзей, я не умела общаться с людьми, налаживать отношения. Какая-то я была, наверно, не такая. С мужчинами тоже ничего не получалось, не привлекала я их, нет. И это какое-то уже вселенское одиночество, одиночество такая, никому ненужность меня сильно тяготили. Я не понимала, почему люди не идут со мной на контакт, чем я их не устраиваю. Но чем-то, видно, не устраивала. Так что была такая проблема, и, как ее разрешить — я не знала.

Ну так вот. Влодов был одним из первых, кто составил мне, так сказать, компанию, не прогнал меня, пригрел мою одинокую душу, дал хотя бы на время остаться около него. И я была ему еще и за это безмерно благодарна. И хотя он меня истязал потом за мое присутствие рядом с ним, но это уже были, так, пустяки.

А ребенок решил бы и эту проблему. Если бы я даже осталась без Влодова, то уже не одна, а с ребенком, с живой, родной душой. И пока бы ребенок вырос, можно было бы и жизнь потихоньку прожить.

Поэтому я решила, что если я забеременею от Влодова, то непременно буду рожать, ребенок был мне просто необходим. Но, надо было еще успеть забеременеть до того, как Влодов решит меня прогнать. И я была в ужасе от того, что могу не успеть!

Но я успела. Это случилось примерно в ноябре. И когда я поняла, что беременна, то неимоверно обрадовалась. Всё! Я спасена!

БУДЕМ РОЖАТЬ!

Я тут же сказала Влодову, что, кажется, забеременела. И что буду рожать! Непременно рожать! Я хочу иметь от него, от гения, для себя ребенка, чтобы мне, когда мы в конце концов расстанемся, осталась бы от него память.

Я также заявила, что ничего от него не хочу, я понимаю, что у него ничего нет и помочь он мне вряд ли чем сможет. Поэтому я сама со всем этим справлюсь. Вот так.

Вот сейчас, из своего прекрасного далёка, будучи уже давно в здравом уме и твердой памяти, я не понимаю, каким образом я собиралась эту проблему решать. Но тогда для меня ничего невозможного почему-то не существовало.

Влодов был немало озадачен этим известием. Особенно тем, что я сама, без какой-либо его помощи и участия собираюсь рожать ребенка. Ведь у меня на тот момент не было ничего: ни жилья, ни прописки, ни денег, ни работы. Собираться рожать ребенка в такой ситуации было не только безответственно, но и даже преступно. Но здравые мысли в тот момент не пришли мне в голову. Ребенок казался мне единственным спасением после неминуемого, как я предполагала, расставания с Влодовым, поэтому я схватилась за эту соломинку, как за спасательный круг.

Через несколько дней Влодов мое сообщение переварил и с таким же воодушевлением заявил, что он меня не бросит и что «мы будем рожать!». Я была сражена таким заявлением, но благосклонно приняла его решение и разрешила ему «рожать» вместе со мной.

Тяжелая ситуация была пока что разрешена, и мы оба вздохнули более-менее свободно. Таким образом, появился хоть какой-то смысл в нашем совместном пребывании.

А то ведь срок, отведенный на очередную бабу (в данном случае меня), у Влодова уже подходил к концу, и ему надо было как-то завершать наши отношения. А тут вдруг у этой безнадежной во всех отношениях связи появилось вполне законное продление.

Поэтому Влодова такая ситуация на какое-то время не только устроила, но и даже обрадовала. В его жизни появилась какая-то вполне конкретная цель, ну а в моей — тем более. И мы, двое «осумасшедшихся безумцев»*, озаренных грядущей перспективой рождения ребенка, продолжили нашу совместную халупскую жизнь.

ПОХОЖДЕНИЯ «ОСУМАСШЕДШИВШИХСЯ БЕЗУМЦЕВ»

Пока живот у меня был еще маленьким и никого не смущал, можно было продолжать жить как жили. Но в то же время нам предстояли очень важные и необходимые дела: надо было обойти всю влодовскую литературную Москву, всех знакомых и объявить им, что я беременна и что мы будем рожать!

Думаю, что от этого «радостного» известия, многие наши знакомые пришли в неопиcуемый ужас! Конечно, даже представить было страшно, в какой кошмар нам предстояло окунуться после того, как наступит это «время Ч». Но влодовские знакомые думали, конечно же, не о наших

---

* «Осумасшедшиеся безумцы» — товарищество мастеров искусств, созданное в 1999 г. поэтом, прозаиком, эссеистом, деятелем актуального искусства Мирославом Немировым (1961—2016).

предстоящих муках, а о себе. Поскольку мы скитались и у нас не было своего жилья, мы запросто могли прийти с новорожденным ребенком к кому-нибудь из них жить. И мало кому хотелось оказаться заложником в этой ситуации. Поэтому влодовское окружение пришло в состояние боевой готовности, все стали обсуждать между собой надвигающийся на них кошмар и продумывать возможные способы обороны от нашего нашествия.

Но пока угроза была весьма отдаленной, на какое-то время можно было расслабиться и принять вполне посильное «участие в наших родах». Ну а мы с Влодовым весь остаток 1982 года и начало 1983-го занимались только тем, что ходили ко всем по кругу, показывали меня уже в таком — необычном и новом для всех качестве, обсуждали предстоящее событие и строили какие-то, совершенно неосуществимые планы. Еще не родившийся ребенок придал стройность и целеустремленность нашей с Влодовым жизни, возвел ее на невиданную доселе высоту.

В ХОЛЛЕ У БАРАБОЛИ

Итак, все это время мы продолжали жить в халупе у дворника Валеры, или у Холодца, как называл его Влодов, а сам Холодец перебрался на какое-то время к Лене Бараболе, которую угораздило в Валеру влюбиться.

Квартира Лены находилась около станции метро «Войковская», в большом сталинском доме. В этой однокомнатной квартирке помимо собственно комнаты и кухни, а также ванной с туалетом, имелась просторная прихожая — холл, а еще довольно большая кладовка.

Влодов не мог такое великолепие пропустить, такую квартирку, чтобы хоть на мгновение там не задержаться, не зависнуть. Она сразила его воображение. И он решил, что уж он-то со своим гениальным умом эту бабу одурачит в два счета. Он тихо-мирно стал подкрадываться к ее жилью, якобы навещая там Валеру. («Ну конечно, и с женой!»*, со мной то есть.) Но это стало происходить чрезмерно часто.

И вот в один прекрасный день мы остались у Бараболи ночевать, якобы засидевшись, забыв обо всем на свете и опоздав на метро. Хотя метро-то было прямо на выходе из дома.

Из кладовки достали хранившуюся для таких случаев раскладушку и поставили в холл. И на ней мы торжественно провели первую ночь — в роскошном холле! Н-да! Лена, видно, думала, что это случайность и наша ночевка будет единственной. Как бы не так, единственной! Плохо она знала Влодова! Это было только начало.

Через несколько дней ночлег был повторен тоже по какой-то весьма уважительной причине. Потом еще раз... Ну а потом... А потом мы и вовсе остались жить в этом холле. Почему? Потому что... потому... Без объяснения причин. Была бы квартира, а причины найдутся.

Бараболя была этой ситуацией озадачена. Она в такие переплеты еще не попадала и понятия не имела, что следует делать в подобных случаях. Поэтому нам и удалось какое-то время там перекантоваться.

Валера же под шумок стал потихоньку сбегать в оставленную всеми халупу и отдыхал там день-другой от всех нас.

---

* Строка из поэмы Юрия Влодова «Баллада о ночлеге».

Бараболя же какое-то время была под надзором у Влодова, он ей все время заговаривал зубы, не давая особо о чем-то задуматься, например, о том, где сейчас ее возлюбленный дворник, почему его нет рядом с ней. Но она все-таки время от времени приходила в себя и кидалась искать его в халупе.

Однажды она даже осталась там с ним ночевать, чем нас необычайно обрадовала. Похоже, дело шло к тому, что Лена, чтобы не потерять Валеру, должна была уйти жить с ним в более привычную для него обстановку — в халупу, а мы бы в таком случае остались в ее апартаментах.

Так могло бы быть, в принципе, но так не случилось, поскольку в это дело вмешался ее отец. Конечно, Влодов попытался было обработать и его, но у него ничего не вышло. Задолго до Влодова генерал был загипнотизирован родиной, поэтому влодовский гипноз на него не подействовал. Нам предписано было в кратчайшие сроки из квартиры выметаться. Так что пожить, конечно, какое-то время там удалось, но недолго. Вот такие дела.

ЖИТЬЕ В ЛАБОРАТОРИИ

Куда же мы после этого подались? Вернулись в халупу? Нет, это уже было как-то неостроумно, это был пройденный этап. И мы переселились в... лабораторию.

«Лабораторией» мы называли комнатку в служебной пустующей жэковской квартире. В ней находилась фотолаборатория дворника и влодовского знакомого Руслана Шикаева.

Руслан был приезжим, лимитчиком то есть, работал в Москве за прописку и жилье. Как и у всех дворников, у него была в Москве служебная комната. Она находилась в квартире на улице Красноармейской, которая проходит где-то рядом с Ленинградским проспектом, между «Белорусской» и «Динамо».

Руслан был мари́йцем и недавно женился на девушке-мари́йке. (Вообще в Москве была какая-то мари́йская община, и все мари́йцы там между собой общались, знакомились, помогали друг другу.) У Руслана только что родился ребенок, и вот мы к ним в этот период — с осени 1982 года и начали захаживать. А жили мы тогда еще в халупе. От халупы шла как раз прямая ветка метро в их сторону. И потом к ним захаживали уже по привычке, когда жили у Барболи.

Я не знаю, что могло Влодова связывать с Шикаевым, почему они общались, Руслан вроде как пишущим не был. Хотя точно не знаю. Но не помню, чтобы он что-то свое когда-либо читал или хотел что-то от Влодова в смысле публикаций или каких-либо литературных дел. Но может быть, он был приятелем кого-либо из пишущих, скорее всего Сергея Мацко. Таким образом, через него они могли и познакомиться.

В свободное от основной работы время Руслан занимался фотографией.

И однажды Руслан нас с Влодовым сфотографировал. С Влодовым и с Цапиным. Это было у него дома в октябре 1982 года. Фотографии сохранились у нас каким-то чудесным образом, пройдя сквозь все годы и скитания. Это практически одни из первых наших с Влодовым фотогра-

фий, не считая разве что той, которую сделал Мацко еще в мае 1982 года. Естественно, почти все фотографии тогда были черно-белыми.

Вот из этого своего увлечения фотографией Руслан извлек какую-то пользу для себя, взявшись вести в своем ЖЭКе детский кружок. Для этого и приспособили одну из служебных квартир на первом этаже жилого дома. В одной комнате проводились занятия, в другой, поменьше, — проявляли пленки и печатали фотоснимки. Окна маленькой комнаты были закрыты светонепроницаемым материалом, чтобы во время обработки не засвечивалась пленка, тогда ведь еще все фотоаппараты были пленочными. Комнатка была очень маленькой, метров шесть-семь, не больше, по всей видимости, раньше это была кухня. Там еще оставалась раковина.

Слева от входа в комнату, стояли столы, заваленные разными фотопринадлежностями. У окна — большое серое кресло, которое впоследствии облюбывал для себя Влодов. В нем он сидел днем и спал ночью. Да, почему-то он любил спать сидя, как-то ему это удавалось, и не только удавалось, но даже нравилось.

В углу был еще один стол, на котором стоял радиоприемник. По нему мы ночью слушали разные вражеские голоса. И справа от входа, у стены, оставалось место, на котором устраивалась я. Спала я лежа на полу на каком-то тонюсеньком походном матрасе. Пол был линолеумный, темно-зеленого цвета, а матрасик — светло-зеленого. Ни одеяла, ни подушек там, конечно же, не было, и если становилось холодно, то я укрывалась своим пальто. Вот так мы и жили.

В этой квартире была еще и ванная с туалетом, прямо напротив нашей комнаты. Настоящая роскошь, после халупы-то!

Ну, естественно, мы не сразу туда вселились, кто бы нас сразу туда пустил? Но, по всей видимости, мы как-то слишком засиделись у Руслана в гостях, и он решил отвести нас переночевать в это место, о существовании которого мы даже и не догадывались. Я-то не особо была сведуща в подобных делах, в делах захвата новых территорий, а Влодов быстро сообразил что к чему. Через некоторое время мы уже имели ключ от этого помещения и стали приходить туда ночевать.

Днем, конечно, там находиться было нельзя, так как квартира была жэковская и там время от времени что-то делалось помимо занятий в кружке. Если бы кто узнал, что мы там находимся, то Руслану бы здорово досталось! Но нам пока еще тогда было где находиться, например, у Бараболи. Правда, потом мы уже осмелели и днем там тоже иногда оставались, особенно в выходные. Однажды даже скрывались в этой комнате во время занятий кружка.

Но потом, когда Бараболин папаша нас послал из принадлежащих его дочери владений, мы окончательно переселились в эту лабораторию и стали там потихоньку жить.

Всё бы это было ничего, если бы я в это время не была беременной. С момента нашего вселения в лабораторию у меня шел уже четвертый месяц, и живот начал увеличиваться, становясь все более заметным. А поскольку я решила рожать, то это дело только прогрессировало. И конечно, мне, как беременной, в этой лаборатории, в таких условиях было не место.

Да, беременность сильно осложняла дело. И даже не столько в плане текущей жизни, сколько в плане надвигающейся угрозы родов в полной бытовой неустроенности. Жить нам было негде, денег не было, работы тоже. Даже документов у Влодова не было. А свой паспорт я зачем-то порвала при ссоре с Влодовым, когда мы жили у Бараболи. Мы были просто двое оборванных, замученных бродяг. И все это житье в лаборатории не могло быть бесконечным. После родов, которые ожидалось где-то в середине августа, мы там жить, естественно, не смогли бы.

Поскольку ситуация была напряженная и безнадежная, Влодов безбожно пил. Практически каждый вечер он напивался у кого-нибудь, к кому мы ходили в гости. Потом я с ним пьяным ехала в эту лабораторию. Опять же, надо было пробраться туда так, чтобы никто нас не заметил, так как в соседних квартирах на этом же этаже жили люди, и они могли нас увидеть или услышать. А поскольку считалось, что эта квартира — нежилая, было бы странно увидеть входящих туда неизвестных им людей, да еще в нетрезвом виде.

Но Влодову, пьяному, море было по колено, поэтому на всех соседей он уже плевал и устраивал мне страшные скандалы. Помнится, однажды он выгнал меня в подъезд, и я провела всю ночь на лестничной площадке на втором этаже, дожидаясь, пока наступит утро, когда он проснется и я смогу войти. А дело было зимой, в подъезде было очень холодно, я измучилась, сидя на ступеньках всю ночь.

ИЗМЕНА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВЛОДОВА

Поскольку Влодов обнадежил меня своим участием в моей судьбе, в деле рождения и воспитания будущего ребенка, я всецело положила на него, и сама пока что ничего не предпринимала.

Но... время шло, а Влодов за дела приниматься не спешил.

Что требовалось к моменту родов? Жилье, прописка, документы. И хотя я говорила, что у Влодова прописки (по-современному — регистрации) не было, впоследствии выяснилось, что на самом деле она у него все-таки была. Вот паспорта действительно не было, он его потерял. Но когда нас забирали в отделение милиции для выяснения личности, а это происходило довольно часто, Влодов вместо предъявления документов, которые он якобы забыл дома, называл место своей прописки, сведения проверяли по ЦАБу (Центральное адресное бюро), что-то там сходилась, и нас отпускали.

По словам Влодова, он был прописан в Москве где-то в районе Кускова, там даже имелось у него какое-то жилье, комната вроде как, но в которой он, по каким-то непонятным причинам, не жил. Правда, в этой мифической комнате мы ни разу не были за целый год нашей совместной жизни. Но я тогда даже и не задумывалась, почему, эта комната как-то вообще выпала из моего сознания.

Вот когда на горизонте забрезжил ребенок и Влодов решил со мной, так сказать, «рожать», я о ней вспомнила. Комната эта нам в нашей ситуации очень даже пригодилась бы, и я подумала: а почему бы не пойти и не пожить в ней, зачем скитаться-то? Но воспользоваться ей на данный момент почему-то было нельзя и вроде как по той

причине, что у Влодова не было паспорта с пропиской, и он не мог доказать, что он там живет, что это его комната, он давно там уже не был. Кому доказать? Ну новым соседям, например, или милиции.

И пока мы жили в лаборатории, за оставшееся до родов время Влодову необходимо было как минимум получить новый паспорт взамен утерянного и восстановить прописку, а вместе с ней и права на то свое жилье. Ну а дальше можно было подумать о чем-то еще, о загсе, например. Так что жилье как бы имелось, только надо было восстановить на него права. Поэтому я особо не волновалась, думала, что трудности эти временные и через несколько месяцев все разрешится наилучшим образом.

Но проблема была в том, что Влодов жил без паспорта уже восемь лет, поэтому он боялся вот так просто пойти и заявить о его потере. Он думал, что его там могут задержать, арестовать. Почему? Наверное, потому, что он слишком долго жил без паспорта, а за это тоже, по-видимому, в те времена полагалось какое-то наказание.

Поэтому, чтобы получить паспорт, он должен был сначала обратиться за помощью к каким-то милицейским чинам, своим знакомым, чтобы его там не забрали. И одним из таких людей у него был генерал-майор милиции Артамонов, еще был Карпец, еще Чистяков. Откуда он их знал? Ну, то ли эти люди сами были пишущими, то ли пишущими были их отпрыски, они приходили на студию в «МК», которую какое-то время вел Влодов. Как-то так. Ну а Влодов, с присущей ему изобретательностью, использовал эти знакомства в своих целях.

И для того чтобы морочить мне в то время голову, он избрал Чистякова.

Он стал частенько оставлять меня в лаборатории одну, запирая на ключ, а сам уходил якобы встречаться с Чистяковым, чтобы двигать с его помощью свои дела. Говорил, что все решается, все идет своим чередом и скоро и паспорт, и жилье у него будут. Я, естественно, всему верила.

Но однажды вечером он пришел с одной из таких встреч очень пьяным, еле открыл дверь ключом, еле вошел. Я пришла в большое недоумение, оттого что вряд ли можно было до такой степени напиться, в общем-то, на деловой встрече.

Влодов в этот раз был настроен почему-то весьма игриво и вдруг совершенно неожиданно для меня и, наверное и для себя тоже, начал выкладывать мне всю правду — что вовсе и не с Чистяковым он все это время встречался, а со своей любовницей Кузьминой. Раньше Кузьмина, работая в Госплане, захаживала к нам в халупу. Ну, походила она в халупу, на том, казалось, дело и кончилось. Ан нет! Он с ней, оказывается, не порвал, а тайно встречался.

Этим откровением я была сражена наповал! Ничего себе дела! Он встречается с Кузьминой, трахается с ней, а я тут сижу и жду результатов! А он, оказывается, даже и не думал ничего делать!

Получается, он не только изменил мне как женщине, но и предал меня как человека. Это был жестокий удар! Выходит, он даже не предпринял никаких попыток, чтобы что-то сделать, а сразу же пустился во все тяжкие. Вот так. Он думал, наверное, протянуть со мной столько, сколько это будет возможно, а потом, как говорится, жизнь сама разрешит за него эту проблему. Он знал, что у меня в запасе была еще деревня на Алтае, где жили тогда мои родители и куда я,

в принципе, могла бы уехать. Но это уже был самый крайний вариант. Возвращаться к родителям в деревню после стольких лет жизни в Москве, да еще в таком виде: с животом и без мужа, без штампа в паспорте — это было просто ужасно! Это был позор на всю нашу семью! Так что ехать туда я не спешила. Лучше было вообще никуда не ехать или уехать в какие-нибудь неведомые места, где меня никто не знает, чем туда.

РАЗРЫВ С ВЛОДОВЫМ

Через несколько дней, кое-как залечив раны от первой явной измены Влодова, я решила все-таки принять посильное участие в делах.

Я сказала, что, может, все-таки, чтобы восстановить его утерянный паспорт, следует пойти не к каким-то там мифическим генералам, а прямо в его ЖЭК, в паспортный стол. Написать заявление — и всё, и нечего тут ерундой заниматься, и если он боится ехать один, то я сама с ним поеду.

Влодов как-то виновато и понуро согласился. Мы приехали на Курский вокзал, откуда в Куково ходили электрички. И тут меня ждало еще одно неприятное известие. Влодов глянул на расписание и открыл мне еще одну свою тайну. Оказывается, Куково здесь вовсе ни при чем, потому что место его прописки, эта его комната была вовсе и не там, а в городе Электрогорске Московской области. И ехать туда надо не сейчас, а ранним утром, так как Электрогорск находится за Павловским Посадам, в семидесяти километрах от

Москвы, и езды туда не менее двух часов, и пока мы доедем, там все уже закроется. Вот так.

Это меня доконало, у меня уже просто не было сил переносить его бесконечный обман! Слово за слово, мы рассорились с ним вдрызг! В итоге он послал меня на фиг и пошел прочь! Я не стала в этот раз бежать за ним, «просить у него прощения», беременность все-таки сильно изменила и мое отношение к нему, и мой характер. Я тоже молча пошла в другую сторону. Так мы с ним впервые за долгое время расстались.

Я не знала, что мне делать, куда идти, остаток дня в состоянии стресса проходила по городу, а ночевать пошла на лестничную площадку в Филях, в подъезд к поэтессе Ольге Чугай. Это место как-то показал мне Влодов, он раньше частенько там ночевал, когда совсем уж негде было.

Так что я забралась на эту чердачную площадку над последним, девятым этажом, постелила газетку на голый каменный пол и легла спать. Переночевав, стала думать, что мне делать, и сейчас, и в принципе.

К Влодову возвращаться я не хотела. Он меня уже достал! Да и беременность поджимала, ведь скоро предстояло рожать, поэтому мне было уже, честно говоря, не до искусств. Нужно было все-таки ехать в деревню на Алтай, к родителям, другого выхода не предвиделось. Но туда еще надо было как-то добраться, это тебе не вот где-то рядом, в соседних областях, это целых три тысячи километров, на одном поезде только трое суток ехать, и потом на автобусе еще.

И я решила обратиться все-таки за помощью к своим родственникам: двоюродной сестре и тетке. Попросить у них денег на билет и побыть у них какое-то время до отъезда. Сойдя с чердака, я отправилась к сестре в Бабушкино.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕСТРЕ

Когда сестра увидела меня на пороге своей квартиры при полном, так сказать, параде: с большим животом и без Влодова, она чуть не лишилась чувств. Она поняла, что я попала в полный аут в отношениях с этим своим гениальным поэтом, что случилось то, что и должно было случиться в итоге: он меня бросил. И вот с таким вот подарочком напоследок! И я приехала со всем этим именно к ней, не куда-нибудь! «А ведь я же тебе говорила! Ну что ж, милости просим, дорогая сестрица, не оставлять же тебя в таком виде да на улице».

Так я отчасти одной ногой вернулась в цивилизованный мир. Помылась, поела, отдохнула, и стали мы с сестрой думать, что теперь мне делать. Выход из этой ситуации был только один: ехать на Алтай, в деревню, к родителям. Сестра, конечно, могла мне помочь разово, так сказать, — например, добраться до места, но не более того. У нее и своих проблем было невпроворот. Она одна воспитывала двоих детей, которые ходили еще в детский сад, так что на меня она особо отвлекаться не желала. Поэтому билет мне в зубы — и на фиг из Москвы! — таков был ее вердикт! Но мне ничего, кроме билета, от нее и не требовалось, а сама я его купить никак не могла, поскольку стоил он довольно дорого.

Сестра сказала, что у нее таких денег сейчас нет, но она попросит у своей матери, то есть моей тетки. Тетка дала мне деньги, я поехала на Казанский вокзал и купила билет до Барнаула. Оттуда ходил автобус до нашей деревни.

Но поскольку сезон отпусков был в разгаре, на ближайшие дни взять билет не удалось. Мы послали родителям в деревню телеграмму, что я приеду через десять дней. Вот

так вся эта проблема в итоге разрешилась. Не лучшим, но пока что и не худшим образом. Сестра с облегчением пошла на свою работу, а я стала ждать отъезда.

ПОЯВЛЕНИЕ ВЛОДОВА

И вот спустя неделю после того, как я купила билет, объявился Влодов. Позвонил мне по телефону, стал извиняться, прощения просить и все-такое. Я сказала, что я через несколько дней уезжаю, поэтому простить мне его, в общем-то, несложно, так как какое это уже имеет значение?

ОТЪЕЗД

Наконец пришел день и час моего отъезда. Влодов перед отъездом, на вокзале, заверил меня, что мое отсутствие продлится недолго, что он все-таки намерен исполнить свой мужской долг — жениться на мне и предоставить мне все блага цивилизации, в том числе и жилье с пропиской. Что, типа, пока я там, в деревне, буду рожать, он здесь, в Москве, все устроит и сразу же после родов меня сюда заберет. Наверное, он и сам с трудом верил в свои слова. Я тем более. Но он, как любой мужчина, должен был их все-таки сказать. А я — как бы поверить. Но мне было все равно, что он там говорил, меня в моем состоянии заботили уже совершенно иные вещи.

Поезд тронулся, и на этом наши с ним отношения должны были, по сути, завершиться навсегда.

Глава 3. Дорога в никуда

*Бредем по темну свету —
Меж небом и землей,
Кивнут вослед поэту:
«Скитаются! — семьей!»*

Юрий Влодов

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА И ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

В июле 1983 года я, беременная на восьмом месяце, расталась с Влодовым и уехала рожать к своим родителям в деревню на Алтай. Через месяц, 17 августа, я благополучно, без особых усилий, родила вполне здоровую девочку: вес 3.600, рост 51 см. Назвала дочку Юлей.

Это было удивительно, поскольку после всех тех халупских передраг, с ребенком могло случиться что угодно. Да и у врачей я в период беременности практически не наблюдалась, так как нигде было это делать.

Почти сразу же после родов, через две недели, я засобиралась с ребенком в Москву, так как Влодов чуть ли не каждый день мне звонил, посылал телеграммы и просил приехать. Якобы он для меня с ребенком уже всё там приготовил, квартиру снял, ну и прочее. Короче, он нас ждет.

Конечно, я обрадовалась его предложению, думая, что он за это время все переосмыслил, стал другим человеком, и вот теперь, после рождения ребенка, все будет иначе. Да, плохо я еще знала жизнь, если могла так думать после того, что уже перенесла.

Итак, в начале сентября я с ребенком уехала в Москву. Я решила лететь самолетом, тогда от Барнаула до Москвы я добралась бы всего за четыре часа, а на поезде ехать — трое суток. Прилетела я в тот же день ночью. Меня встретили во Внуково Влодов и Колганов.

НОЧЬ НА АЭРОВОКЗАЛЕ

Поскольку Влодов уверял меня, что он снял квартиру, я думала, что после приезда мы сразу туда и поедem. Было еще не настолько поздно, всего около двенадцати часов ночи, и до квартиры спокойно можно было, по идее, добраться. Но Влодов из аэропорта повез меня с ребенком зачем-то на аэровокзал, который находился в районе станции метро «Аэропорт». Меня это удивило. Почему бы не поехать сразу на квартиру, зачем же нам сидеть в аэровокзале еще и ночь? Я с раннего утра была на ногах, весь день провела в дороге. Поэтому я вся была измучена, ребенок тоже, надо было кормить ребенка, менять пеленки и все такое... Для чего нужно сидеть на аэровокзале и дожидаться утра — непонятно. Но Влодов сказал, что те люди, чья квартира, уже спят, поэтому не очень удобно ехать к ним ночью.

Я пришла в недоумение: какие люди? Ведь он же говорил мне, что снял отдельную квартиру, в которой никого не должно быть. А теперь, оказывается, там еще какие-то люди, которых, видите ли, почему-то нельзя ночью побеспокоить, а мы с ребенком из-за этого должны теперь тут мучиться, — что за чушь?

И тут Влодов признался, что никакой квартиры нет, а есть только халупа, и вот туда мы можем поехать. Такие дела.

Я пришла в неописуемый ужас: ничего себе дела! В халупу! Опять в этот кошмар, в эту грязь, да еще с маленьким ребенком! Да ни за что! Нет, пусть меня стреляют на месте, но я туда не поеду! Куда угодно, только не туда!

«Тогда поедем к Егорову, — сказал Влодов, — сегодня выходной, и он должен быть дома. Утром откроется метро, и поедем». На Егорова я почему-то согласилась.

Я была шокирована тем, что сообщил мне Влодов, и никак не могла прийти в себя. Так зачем же он меня тогда звал сюда и по телефону, и в письмах: «Приезжай, я снял квартиру!» А тут, оказывается, ничего еще и не начиналось! Ничего себе дела! Сорвал меня с места, с грудным младенцем! Я проделала такой жуткий путь — 3000 километров — только лишь для того, чтобы вернуться опять в эту грязную халупу! Ужас! Неужели он не понимает, что делает? Н-да!.. Что тут скажешь!

Я спросила, сколько у него есть денег. «Нисколько», — ответил Влодов. Вот так. Час от часу не легче, это мне второй «подарочек»! А на что же он думал со мной жить и каким образом кормить ребенка? Что мы будем с ребенком есть, чем питаться? Надо же было к моему приезду хоть сколько-нибудь денег раздобыть, хоть рублей 50—100 на первое время. Вот ужас-то!

Я сказала, что у меня есть пока что 5 рублей, так что на несколько дней на еду может хватить.

Вот так я опять вляпалась с этим товарищем, с гением этим! Черт-те что прям!

И как я не подумала, что тут ничего не может быть, как мне такое в голову не пришло? И ведь не пришло же! Хотя он обманывал меня уже не раз. Как я могла опять ему поверить? А ведь какие письма мне писал, какие телеграммы

посылал, какие звонки делал! «Дорогая, милая моя женушка! Жду тебя не дождусь! Целую тебя в щечку! Твой любящий муж Юрий!» Вот такой он любящий, даже пяти рублей не смог для встречи раздобыть. Для чего было все это шоу устраивать? Наверное, для чего-то надо было. Видимо, чтобы показать всем пишущим, своим знакомым, какой он заботливый отец! Вот он не бросил-таки свою девушку с ребенком, а они предлагали не вызывать меня в Москву.

ГРАФОМАНСКИЙ СОВЕТ: ВЫЗЫВАТЬ ИЛИ НЕ ВЫЗЫВАТЬ?

Оказывается, когда я была на Алтае, в халупе состоялся графоманский совет. Влодов собрал там всех своих графоманов, с которыми в тот период общался, посоветоваться по очень важному вопросу, а именно: вызывать Людку (то есть меня) в Москву или не вызывать? Конечно, все собравшиеся в один голос сказали — не вызывать. Ведь они же понимали, что некуда меня вызывать. К тому же все они в глубине души боялись, что Влодов может прийти к кому-нибудь из них со мной и с ребенком жить. Это мало кого могло обрадовать. Они этого боялись как огня. Поэтому они так не хотели, чтобы я возвращалась.

Однако Влодов, видя такое дело, решил поступить наоборот. Если все против, то тогда он — за! Вот так и была решена моя судьба, таким вот чудным образом. Главное для Влодова было — принять, по его разумению, правильное решение, а как его потом выполнять — дело десятое. Вот почему он и вызвал меня в Москву, несмотря на такие жуткие перспективы. Наверное, в глубине души Влодов

тоже понимал, что вызывать меня некуда, но и не вызвать уже не мог. Это ему нужно было для истории — покрасоваться! Вот он какой честный отец!

Он, наверное, думал, что когда я приеду и увижу собственными глазами все, что здесь творится, то, помыкавшись с ребенком пару-тройку недель, как любая благоразумная мать благополучно вернусь назад. Думаю даже, что в глубине души он лелеял надежду, что я попросту никуда с ребенком не поеду, несмотря на его приглашение. Но это решение должна была принять я сама, он не хотел на себя брать такую ответственность. Чтобы потом не говорили, что он свою девушку с ребенком бросил, проявил малодушие. Нет, он хотел, чтобы я сама на все посмотрела, что здесь за дела, и решила вернуться. И совесть у него была бы чиста, и на душе было бы спокойно. Вот так. Но за это его спокойствие мне предстояли тяжкие муки.

ПРИШЕСТВИЕ К ЕГОРОВУ

Наконец метро открылось, и мы поехали к Егорову. Он жил очень далеко, в Южном Чертаново, на Красном Маяке. Нужно было ехать на метро из конца в конец до «Каховской», а там еще и на трамвае полчаса. Мы поехали, а что делать? В восьмом часу утра мы позвонили в дверь его квартиры.

Когда Егоров открыл дверь и увидел нас, то пришел в форменный ужас. Первым его неосознанным движением было закрыть перед нами дверь. Он дико прокричал: «Я так и знал, что вы сюда придете!» В следующий момент, правда, он взял себя в руки и понуро пригласил нас войти. Влодов успокоил

его, объяснив, что мы тут от силы на день, ведь каким образом, он думает, мы сможем у него жить, где собственно?

Егоров потихоньку успокоился. Дело в том, что он жил не в отдельной квартире, а в маленькой, 12-метровой комнате. Две другие комнаты этой квартиры занимали соседи — муж, жена и двое детей. На тот момент дома их не было, они уехали к своим родственникам в Барнаул, так что Егоров в квартире находился один, что было очень даже кстати. То есть ванная, кухня и туалет были в нашем полном распоряжении.

Егоров вытащил из комнаты раскладушку: старую, раздолбанную, с огромной дыркой посередине. На ней спала раньше я, когда мы с Влодовым приходили к нему в гости. Раскладушку он поставил в коридоре около ванной. Я распеленала на ней ребенка. Ребенка я кормила грудью, так что с питанием для него пока что особых проблем не возникало. Кроме кипяченой воды из бутылочки, я ничего еще ему не давала.

Первым делом я помыла ребенка, затем покормила его, постирала грязные пеленки (памперсов тогда еще и в помине не было). Помылась сама.

Егоров накормил нас жареной картошкой и мы, уложив ребенка спать, даже вышли с Влодовым прогуляться по Чертанову, сходить за хлебом до ближайшей булочной. Еще Влодову надо было позвонить из автомата кое-кому. Пришли мы часа через полтора, ребенок уже проснулся и плакал, Егоров был в ужасе и не знал, что с ним делать. Он, грешным делом, подумал, что как бы мы не бросили на него ребенка и не скрылись бы в неизвестном направлении. Поэтому необычайно обрадовался, когда мы вновь появились на пороге его квартиры, неся батон.

Мы переночевали у Егорова, я наконец-то немного отдохнула, пришла в себя. Влодов успокоил Егорова, сказав, что мы к вечеру от него уйдем, поедем ночевать к Ире Василец, он уже с ней обо всем по телефону договорился. И Егоров мало-помалу успокоился. К вечеру мы действительно его покинули, поехали к давней знакомой Влодова Ире Василец.

ПРИХОД К ВАСИЛЕЦ, ЗАХОД К ДОРИНУ

К Ирине Василец мы частенько заезжали еще до рождения ребенка, теперь вот приехали к ней и с ребенком. Помимо кровати у нее в комнате стоял еще большой кожаный диван. Вот на этом диване я с ребенком и провела следующую ночь. Влодов же с Василец, как в былые времена, почти всю ночь проговорили, сидя за бутылкой вина.

На следующий день мы решили пойти в гости к поэту Саше Дорину. Он жил где-то недалеко от Василец, надо было только проехать немного на трамвае. У него тоже была в коммуналке большая комната. Мы просидели у него день, и после этого Влодов решил поехать ночевать на квартиру к Сергею Каратову.

НОЧЬ НА ЛЕСТНИЦЕ В ПОДЪЕЗДЕ

Сергей Каратов вел литературное объединение «Звезда», на которое ходили многие знакомые Влодова. У Каратова была отдельная квартира в районе Бескудникова, в которой он жил с женой Галиной Павловной и маленькой

дочкой. Мы бывали уже у них пару раз, и они нас, в общем-то, неплохо привечали. А телефона у них тогда еще не было, и мы решили поехать к ним без звонка.

Мы приехали туда довольно поздно, было уже, наверное, подвенадцатого ночи. Влодов надеялся, что если мы приедем в такое-то время, то они гарантированно оставят нас ночевать. Но перед тем как позвонить в дверь их квартиры, Влодов решил все-таки подстраховаться и меня с ребенком не показывать, пока дверь не откроют.

Оставив нас этажом ниже, Влодов позвонил в дверь. Оттуда послышался голос Галины Павловны: «Кто там?» — «Это я, Влодов», — ответил Влодов. Но тут Галина Павловна нарушила все наши планы. Она сказала, что Сережи нет, он в командировке, а она одна и поэтому дверь Влодову не открывает.

Она, видно, решила, что Влодов в отсутствие Каратова пришел ее покорять. Влодов не нашелся, что сказать, и спустился ко мне. «Каратов куда-то уехал, а она сейчас одна, поэтому и не открывает, боится меня».

Мы стали думать, что нам делать дальше. Звонить мы больше уже не решились. Как-то неловко было после такого разговора объявляться перед Галиной Павловной еще раз, да к тому же еще со мной и с ребенком. Неизвестно, как бы она вообще на такое появление отреагировала. А в такое позднее время куда-то выезжать уже не имело никакого смысла. До метро надо было еще очень долго ехать на автобусе, автобус также долго ждать, даже если бы мы добрались до метро, то мы бы все равно до закрытия не успели. Да и куда ехать? Мы пока что не знали. Поэтому решили остаться ночевать в подъезде.

Влодов обследовал его, поднялся на пару этажей выше. Там у лифта обнаружилась чья-то пустая белая коляска. Как нельзя кстати. Мы решили ей воспользоваться. Поднялись наверх, я положила ребенка в коляску, сама села рядом на ступеньки, Влодов спустился на один пролет и устроился там. И мы стали пережидать эту ночь.

Хотя на дворе стоял еще только сентябрь, но погода была уже довольно промозглая. Я была в плаще из кожзаменителя, в платочке и в туфлях. Сначала вроде как было ничего, но потом, в середине ночи, я стала мерзнуть. Ребенок же вообще был завернут в легкое байковое одеяльце с пододеяльником, и даже не знаю, как он не замерз. Но ничего, ночь как-то проспал, не закричал.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАЛУПУ

Перемучившись эту жуткую ночь с ребенком в подъезде, я согласилась-таки утром пойти в халупу. Теперь я даже мечтала о ней. Теперь она мне представлялась местом, где можно было хоть как-то приклонить голову, отдохнуть, спрятаться от всех.

Да, все-таки непонятно было, что я думала в те дни, скитаясь с Влодовым и с ребенком по Москве, чего я ожидала, на что надеялась? Где и что у нас должно было объявиться за это время? Квартира, деньги — или что? Почему я сразу не пошла с ребенком к своей сестре или к тетке? Все-таки они были моими родственниками и при наличии ребенка могли мне как-то помочь. Конечно же, я боялась к ним обращаться, представляя, в какой они придут ужас, увидев

меня с ребенком в Москве. Но также я не могу понять, почему я сразу не приняла решение уехать назад и не мучить, ни себя, ни ребенка, ни Влодова, в конце концов. Было совершенно очевидно, что ждать нечего.

Наверное, у меня от таких потрясений на тот момент просто заклинило мозги и я ничего не соображала, а просто тупо ходила вместе с ребенком следом за Влодовым. Больше никаких разумных объяснений я своему поведению не нахожу.

Ночь закончилась, в седьмом часу утра мы вышли из подъезда и пошли на автобусную остановку. Доехали до метро. В метро добрались до нужной нам станции «Площадь Свердлова» (или «Театральная» в сегодняшнем варианте). Я уже хотела было идти на выход и мчаться в халупу, но... Влодов меня остановил: «Погоди, я сначала сам схожу туда, узнаю, что там за дела и возьму ключи». Он ушел, а я осталась сидеть с ребенком на лавочке в метро. Даже в халупу, оказывается, уже не так-то просто было попасть.

Где-то через полчаса Влодов вернулся. «Так, — сказал он, — они там: Холодец и Владик, проснулись и пьют чай. Холодец идет ложиться в психушку на сорок дней, а Владик уезжает домой, в свою деревню. Холодец спустится в метро и отдаст нам ключи от халупы. Так что надо еще немножко подождать».

Мы ждали еще минут сорок. Я вся кипела от возмущения! Эти сволочи пьют чай, а мы, замученные, не спавшие всю ночь, с грудным младенцем на руках должны ждать, когда они напьются чаю и соизволят-таки спуститься в метро! Во как! Вот что делается! Даже не по отношению к Влодову, как к поэту, а просто чисто по-человечески — как они

вообще могут так поступать, как вообще такое может быть? У меня это всё не укладывалось в голове!

Наконец появился этот чертов придурок, отдал нам ключи, и мы поспешили теперь уже в такую вожделенную халупу. Тихо открыли дверь этим ключом, тихо вошли, положили ребенка на кровать, разделись и наконец-то перевели дыхание. Неужели мы одни? Неужели мы хоть в каком-то помещении, хоть под какой-то крышей, в тепле, и уже никуда не надо отсюда уходить? Этот грязный закуток показался в тот момент мне просто раем! И чего мне было сразу сюда не пойти? Для чего мне надо было скитаться по всем этим местам? Не знаю. Вот так-то жизнь учит людей, вправляет им мозги!

Я перепеленала и покормила ребенка, мы немного перекусили и легли спать. Спали с небольшими перерывами почти весь день и всю ночь, пока не пришли в себя от всех этих передрыг.

Вот так я снова оказалась в халупе, и так начался новый этап нашей жизни с Влодовым, теперь уже и с ребенком. Такие дела.

Получается, что Влодов всей своей гениальностью заработал себе и своей семье место только в халупе. Что ж? Может, это, как ни странно, и справедливо. За всё в жизни надо платить, и за гениальность в том числе. Гениальность — дорогое удовольствие, и на нее ушли почти все ресурсы влодовской судьбы.

А на жизнь осталась всего «копеечка», которой и было заплачено за эту халупу.

Глава 4. «Меж небом и землей...»*

*Мы кровью заплатим за быт,
Где властвуют белые черти,
Наш мир безвозвратно забыт
В Галактике Смерти.*

Юрий Влодов

ЗАТАИТЬСЯ, НЕ ДЫШАТЬ...

Таким образом, начался новый этап нашей жизни в халупе. Ребенку едва исполнилось три недели. Какое-то время мы находились в халупе в отсутствие Холодца (и Владика тож) и наслаждались этим. Правда, это время как-то очень быстро пролетело. Хотя без дворника в этом помещении мы, получалось, совсем уж ни при чем. Поэтому мы старались вести себя в эти дни тише воды, ниже травы, чтобы не привлечь нездорового внимания соседей и не лишиться даже этого пристанища. Если бы они на нас накапали, то в отсутствие Холодца я даже не знаю, что бы мы стали делать.

Конечно, при таком раскладе, ни кухни, ни ванной, ни туалетом пользоваться мы уж никак не могли. Но если мы сами могли без всего этого перебиться, то ребенка все-таки нужно было хоть как-то купать и стирать ему пеленки.

---

* Строчка из стихотворения Юрия Влодова «Бредем по темну свету...».

ТАЗИК, ПРИНЕСЕННЫЙ КОЛГАНОВЫМ

Влодов приказал Колганову раздобыть для этой цели тазик. Колганов купил и принес замечательный светло-голубой эмалированный тазик с двумя ручками. Где он такой нашел — неизвестно. Но только я таких тазиков потом нигде и никогда не видела.

Влодов выходил поздно ночью, когда все соседи уже спали, на кухню и набирал в тазик воды. В тазике я потом купала ребенка и стирала его вещи, использовала эту воду весь день. Поздно ночью или рано утром Влодов выливал грязную воду из тазика в туалет и опять наливал чистую. Вот так у нас осуществлялся процесс ухода за ребенком.

ПИЦЦА ДЛЯ МЛАДЕНЦА И КОРМЯЩЕЙ МАТЕРИ

Чем мы питались? Интересный вопрос. Ребенка я, естественно, в тот период кормила грудью, в общей сложности до шести месяцев. Так что проблем с его кормлением пока что не возникало. А вот что ела я, для того чтобы грудью кормить?..

Да, с продовольствием в халупе после рождения ребенка стало проблематично. Все графоманы попрятались и денег давать на наше пропитание, как прежде, не хотели. Многие ушли в глубокое подполье и не подавали никаких признаков жизни, а мы оказались предоставленными самим себе.

Тогда Влодов решил вспомнить свои прежние воровские навыки. Он стал ходить в магазины самообслуживания и выносить оттуда кое-что из продуктов. Я пришила ему на куртку с внутренней стороны большой карман, и он ходил в гастроном на Горького и приносил оттуда банку-другую рыбных

консервов либо плавленые сырки. Вот этими консервами и сырками мы и питались. Откуда после этого бралось у меня молоко — я не знаю. Но откуда-то, видно, бралось. Наверное, вовсе оно и не из консервов производилось, а поступало из каких-то высших сфер. Потому что от одной и даже двух банок кильки оно вряд ли могло произвестись.

Потом к нашей ежедневной банке еще пристроились вернувшиеся из своих «побывок» Холодец и Владик. Эта банка с килькой была воистину неисчерпаемой, как у Христа пять хлебов, которыми он накормил кучу народа. Так и мы питались этой влодовской банкой, по сути, впятером, и нам, как ни странно, хватало. Голодной я себя не чувствовала, да и молока для ребенка было вдоволь.

БИТВА ЗА ЕДУ И ОБЪЕДКИ

Впоследствии в эти суровые дни у нас появилось еще одно место для добычи пропитания — Курский вокзал. Влодов приладилась ездить туда из халупы, там была прямая ветка метро от «Площади Революции» до «Курской», и собирать объедки со столов в привокзальных буфетах. Объедки были довольно неплохие: остатки котлет, кур, пельмени. Ну а хлеба можно было набрать — завались! Он приносил в халупу целый пакет съестного, и мы пировали потом порой по нескольку дней. Самое главное в собирании объедков было вовремя похватать их со столов, пока уборщица не смела. Некоторые уборщицы тоже охотились за ними и были недовольны, когда их кто-то опережал. Не все уборщицы желали вот так просто расставаться с принадлежащими им по праву объедками. Порой какая-то из них грозно шла на Влодова

с тележкой и с тряпками наперевес в тот момент, когда он пытался пристроиться к куску недоеденной кем-то курицы. Тогда Влодов, желая показать, что он тоже, в общем-то, человек, а не охотник за чужими курами, прикрыв на всякий случай добычу кепочкой, махал рукой в сторону длинной очереди в кассу и кому-то кричал:

— Эй, Манька, компот мне прихвати!

Уборщица же, видя такое дело, громыхая тележкой и злобно чертыхаясь, проходила мимо.

Так что голодать мы особо не голодали, а жили совершенно спокойно на такой вот незатейливой еде.

За еду у Влодова бывали схватки и иного рода, еще до знакомства со мной всякое такое случалось.

Как-то зайдя в одну из забегаловок в поисках условно бесплатной еды, Влодов обнаружил на одном из столов почти нетронутый обед. Влодов оглядел кафе в поисках возможного хозяина, но никого так и не обнаружил. Изумившись такой удаче, он подошел к столику и незамедлительно принялся есть.

Через пару минут объявился хозяин обеда, он зачем отходил на раздачу, которая была довольно далеко от стола. Мужик изумленно уставился на Влодова, который за обе щеки уплетал его борщ, и не знал, что и сказать от возмущения. Похоже, он на какое-то время даже лишился дара речи.

Влодов понял, что он маленько промахнулся с этим обедом, но виду не подал. Глядя на истца недобрым взором, он хриплым голосом произнес:

— Извини, браток! С Северов прибыл... Откинулся только что! На ноги встаю!..

— Э-э... понимаю, понимаю... — дрожащим от страха голосом промямлил мужик, потихоньку отступая к выходу. —

Вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь, чем богаты, тем и рады, как говорится...» — бормотал он, подбираясь все ближе к двери.

— Я это... с тобой сочтусь потом! — крикнул ему вдогонку Влодов.

— Конечно, конечно, кто б сомневался... — проговорил мужик, опрометью выскакивая за дверь.

После чего Влодов спокойно доел свой ниспосланный судьбой обед. Так что в плане еды ему приходилось всяко изощряться.

Выходит, еда Влодову была не положена в принципе. По судьбе. Ведь он же был гением, а гении должны были как-то без этого обходиться. Он это понимал и на запретный плод особо не зарился. Но иногда все ж таки хотелось поесть. Хотя бы объедки какие-нибудь, остатки. Но даже и за объедки велась борьба, и обрести их было непросто. Ведь Влодов был, если сравнивать с птицами, как воробей, а кругом были голуби да голуби... Сизокрылые, так сказать. Вот и попробуй урви у таких хоть крошку! Но иногда какая-то крошка и ему перепала. Этим и жил.

ПРОГУЛКИ С РЕБЕНКОМ

Гораздо большей проблемой было для нас сохранять «секретность» нашего пребывания в халупе. Влодов боялся, как бы соседи по крику ребенка не догадались о нашем присутствии и не натравили бы на нас милицию. А без московской прописки это могло кончиться лишением даже такого эфемерного жилья.

Конечно, по большей части ребенок в таком возрасте предпочитал спать, не только ночью, но и днем. Но не мог же

он вообще все время спать и не кричать! Так не бывает. И мы боялись крика ребенка, особенно начиная с шести вечера и до одиннадцати, тогда, когда соседи приходили с работы и шмыгали туда-сюда по коридору.

Поэтому в это время мы старались из халупы куда-нибудь уйти. Может быть, в гости к кому-нибудь, а если не к кому было, то просто шли на улицу Горького, садились в 20-й троллейбус и ехали на нем до конца, он шел куда-то очень далеко, кажется в Тушино. Полтора часа туда, полтора обратно, так и вечер проходил. Мы возвращались довольно поздно, когда соседи по коридору уже не ходили, а ребенок, естественно, должен был спать. Замученные и продрогшие в этих поездках, мы тоже сразу ложились спать.

Детской коляски у нас не было, она была слишком дорогой для нас, поэтому ребенка я все время носила на руках. Вскоре это стало не так уж легко, учитывая все увеличивающийся вес младенца, а также вес зимнего одеяла, в которое приходилось его кутать. Первая коляска, уже прогулочная, у нас появилась только спустя полгода, а весь младенческий период нам пришлось обходиться без нее.

И потом, даже если ту громоздкую коляску нам удалось бы каким-то чудом раздобыть, непонятно, каким образом мы могли бы использовать ее в халупе? С такой коляской скрывать свое присутствие было бы весьма проблематично.

Так что о каких-то там реальных прогулках с ребенком мы даже и не думали, считая их бессмысленной и бесполезной роскошью, придуманной врачами. Прогулки были чисто спонтанными, мы их совмещали с какими-либо делами. Да и вообще слово «прогулка» для нас, скитальцев, звучало как-то дико. Мы все свои вынужденные выходы на улицу ненавидели всем нутром и старались свести их к минимуму.

НАШЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Хотя все новорожденные с момента появления своего на свет находятся под бдительным оком врачей и медсестер, наш ребенок такого надзора был лишен по той простой причине, что у нас с Влодовым не было московской прописки, а без прописки в поликлиниках никого тогда не обслуживали, в том числе и детей. Но мы особо в эти поликлиники и не стремились, потому что ребенок у нас пока не болел, а просто так ходить не имело смысла.

Мы с Влодовым тоже были лишены всякой медицинской помощи, поэтому старались как-то держаться и не болеть. Кстати, я не помню, чтобы кто-то из нас болел в тот период. Наверное, мы отпугивали болезни нашей кошмарной жизнью, поэтому в таких условиях они предпочитали не заводиться. Им тоже для жизни нужен был комфорт.

КРОВАТЬ, НА КОТОРОЙ ТРАХНУЛИ ДВЕНАДЦАТЬ БАБ!

После второго вселения в халупу, теперь уже с ребенком, я, на правах кормящей матери, стала спать на кровати спрятавшегося в дурдоме дворника. Причем Влодов мне торжественно сообщил, что на этой постели, пока я была в отъезде, он трахнул двенадцать баб! Да и простыня с тех пор еще не менялась!

Мне нечего было сказать на столь откровенное заявление, я только убрала эту грязную простыню, заменив ее на детскую пеленку и расположилась с ребенком на этой кровати, выбирать мне было не из чего. Влодов стал спать на коричневом диване у окна, а возвратившемуся впоследствии Холодцу и объявившемуся опять Владуку пришлось довольствоваться диваном в проходной комнате.

«ЛЮБОВНИК» ЗА СТЕНКОЙ, ИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ БРЕД РЕВНОСТИ

Пока Холодца в халупе не было, а ревновать меня к кому-то надо было, Влодов незамедлительно нашел ему замену. В соседнюю комнату, в то время пока я была в деревне, вселился новый дворник. То, что я видела его только один раз, да и то со спины, роли не играло. Влодов был в полной уверенности, что я с этим дворником сплю. Поскольку ему из-за ребенка теперь частенько приходилось оставлять меня одну, повод для ревности у него имелся, поэтому уходя, он запирал меня на ключ. Замок был врезной и открыть его изнутри без ключа было невозможно, а своих ключей мне не полагалось. Но этого ему казалось мало, и поскольку халупа располагалась на первом этаже, то чисто гипотетически, окна тоже можно было использовать как двери. Поэтому Влодов решил для надежности и их заколотить.

Был вызван Цапин, который вбил в эти два окна энное количество гвоздей, чтобы они вот так ненароком не открылись. А чтоб мне неповадно было в его отсутствие пролезать к дворнику через форточки, он распорядился вбить в проем каждой форточки по огромному гвоздю.

Но, несмотря на все эти предосторожности, Влодов оставался в полной уверенности, что я с этим дворником встречаюсь. Поэтому, когда за стеной раздавался кашель дворника, Влодов считал, что таким образом тот подает мне условный знак. И чтобы сбить соперника с толку, он тоже громко и угрожающе кашлял, желая показать, что он разгадал все наши хитрые уловки и провести нам его не удалось. Вот так. Это был тяжелый клинический случай.

Сейчас это выглядит смешно, но в то время, мне, попавшей в такую ситуацию, было не до шуток. Изводя меня этим

мифическим любовником, лица которого мне так и не удалось увидеть, Влодов попортил мне немало крови.

Потом, когда в халупу вернулся Холодец, застенный дворник был забыт за ненадобностью.

В ПОДВАЛЕ У ШТЫПЕЛЯ

Влодов нашел одно место, куда мы могли иногда уходить по вечерам из халупы и где можно было хоть как-то мыться, стирать свои вещи. Это было помещение в подвале какого-то пятиэтажного дома в районе станции метро «Семеновская». Там работал сторожем Аркадий Штыпель (правда, что он сторожил в подвале, не знаю). Вот к нему, в его дежурства, которые были сутки через трое, мы и приходили. Мы проводили там вечер, ночь и рано утром, перед сдачей смены, оттуда уходили.

Подвал, довольно большой по площади, простирался под всей пятиэтажкой и был разделен на несколько помещений. Сторожка, где дежурил Штыпель, находилась сразу у входа, в просторном помещении, посреди которого стоял большой стол со скамейками по обе стороны. В самой сторожке стояли топчан, стол, холодильник и даже телевизор. Имелась даже дверь, которая закрывалась на замок.

Справа было еще одно помещение, почти такое же по величине, там было два дверных проема (без дверей). И тоже стоял большой стол. Уж не знаю, для чего нужны были эти огромные столы, что на них делали, но это неважно, а нам они оказались как нельзя кстати. Полы во всем подвале были линолеумные, очень чистые. Да и вообще везде там царил полный порядок, и даже некоторый уют.

Позади сторожки, с другой стороны тоже были помещения, в которых располагались туалет и раковины с горячей и холодной водой. Вот в основном ради этих раковин с водой мы и приходили к Штыпелю.

Пока я делала свои дела, Влодов в сторожке базарил со Штыпелем. Потом, намывшись и настиравшись, я шла в то помещение, где стоял этот громадный стол, укладывала на нем ребенка, уже помытого и накормленного, он быстро засыпал. Сама шла после этого в сторожку к Штыпелю, где он угощал нас с Влодовым какой-то едой из своих запасов, взятых с собой на работу. Потом возвращалась к ребенку и укладывалась рядом на полу спать. А Влодов еще долго там со Штыпелем говорил о чем-то.

В подвале у Штыпеля можно было хоть как-то расслабиться, ведь ребенок мог там даже кричать. Так что какое-то отдохновение от халупы у нас все-таки имелось.

В ВАГОНЧИКЕ У КАПРАЛОВА

Впоследствии у нас появился еще один сторож, к которому мы стали ходить с той же самой целью, — это Костя Капралов. Он сторожил какой-то строительный объект в районе станции метро «Университет». Капралов дежурил в довольно просторном вагончике, стоявшем на пустыре. В вагончике имелась не только раздевалка строителей, но и столовая с большим столом, а главное — была душевая. В этом месте можно было и мыться, и стирать, и вволю кричать, но было грязно и страшновато, пустырь все-таки. Чистоты, уюта и чувства безопасности, которые царили в штыпелевском подвале, здесь не было. Тем не менее мы частенько

сюда наведывались, это ведь тоже как-то облегчало наше пребывание в халупе. Ребенка я здесь укладывала спать на столе в столовой, а мы с Влодовым спали на полу на каком-то тряпье.

Однажды мы проснулись от холода и крика ребенка. Вскочили, — дверь вагончика оказалась распахнутой настежь, а ребенок заливался криком на столе. Мы все проверили, но никого нигде не оказалось. Может, это порывом ветра распахнуло двери, не знаю. Но все равно было такое ощущение, что кто-то заходил, даже и не люди вовсе, а как бы какие-то сущности. Духи, может быть. Дверь мы закрыли, но ребенка одного там уже не оставляли. Как-то стало от всего этого не по себе.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ В ПОДВАЛЕ

Так пролетели сентябрь и октябрь. Приближался день 7 Ноября — праздник Великой Октябрьской социалистической революции. Раньше он отмечался широко, всенародно, с двумя выходными днями: 7-го и 8-го. Влодов любил отмечать праздники, а также свои и чужие дни рождения. Это был вполне легальный способ напиться, закусить, а может быть, заодно и трахнуть какую-нибудь подвернувшуюся под руку бабу.

7 Ноября Влодов решил отметить в подвале у Штыпеля, он как раз в тот день дежурил. Назвал кучу народа, среди них были и Егоров, и Света Пигарева, и Колганов, и Василец, и Цапин, и так далее. В общей сложности набралось человек десять, а поскольку поить и кормить всю эту ораву Влодов не собирался, то было поставлено условие: мужчины приносят

спиртное, женщины — закуску. Таким образом, все эти люди кормили и поили сами себя, ну и нас заодно.

Ребенка уложили спать в другом помещении, сами расположились в основном, и, как говорится, веселье началось. Выпили немножко портвейна, закусили салатом и колбасой и начали базарить.

Влодов частенько, когда собирал свою братию и выпивал с ними, устраивал чтение по кругу. Ну, естественно, сначала читал сам, потом всем приказывал читать. Некоторыми своими учениками он даже гордился, Егоровым например. Как тот складно и умело сочинял диссидентские стихи, в которых ругал советскую власть.

Здесь тоже было чтение по кругу. И всякий базар-вокзал. Только песен не пели на таких сборищах, как-то не принято было. Правда, Влодов долго не мог всем этим руководить, обычно он почти сразу напивался и задремывал где-нибудь в углу. После него роль тамады никто на себя брать не решался, поэтому, поговорив между собой еще полчаса-час, все потихоньку расходились по домам.

Так было и в этот раз. Влодов продержался не больше часа и отрубился у Штыпеля в сторожке. Все стали потихоньку расходиться. Из гостей остался только один Колганов. Он, также как и Влодов, сильно напился и завалился спать на полу в том помещении, где обычно спали мы с ребенком. Он, конечно, не подумал, что рискует, таким образом, своей жизнью. Я позже тоже легла там же, но по другую сторону стола.

ПИТИЕ И БИТИЕ: БИТЫЙ КОЛГАНОВ И ПЬЯНЫЕ ГОНКИ

На рассвете Влодов проснулся, обследовал подвал и, завидев спящего в одном со мной помещении Колганова, рассвирепел. Он стал пинать его ногами, пытаясь разбудить. Ко мне был обращен только один вопрос: «Ну что, потрахалась?» Поскольку вопрос был риторический, ответа на него не предполагалось.

Избиваемый Колганов наконец-то проснулся, не понимая еще, за что его бьют.

«Ну, ты, сука-паскудник, — орал Влодов, — что пристроился тут, сука, думал, я не догадаюсь? Думал, все шито-крыто? Да я тебя, падла, щас приколю, приколю тебя, свинья!» — «Юра, ты чего? — недоуменно вопрошал с пола Колганов. — Что случилось, в чем ты меня обвиняешь? Я ни в чем не виноват!» Но Влодов оправданий не слушал и продолжал осыпать его градом немыслимых ударов и отборной бранью. Колганову в конце концов удалось встать на ноги.

Влодов метнулся в сторожку и выскочил оттуда с ножом в руках. Самодельным, но довольно внушительным, им Штыпель резал колбасу. «Умри, собака!» — крикнул Влодов и кинулся с ножом на Колганова. Тот резво увернулся и бросился бежать. Поскольку дверных проемов в этом помещении было два, Колганов с перепугу не сообразил, где выход, и стал бегать от Влодова кругами, мимо стола из одного проема в другой. Вскоре к этой честной компании присоединилась и я, так как Влодов, пробегая мимо, и меня попытался ткнуть этим ножом. Так мы и бегали какое-то время под воинственные крики Влодова мимо мирно спящего на столе ребенка. Потом Колганов как-то сориентировался и рванул на выход из подвала. Я же ринулась спасаться

в сторожку к Штыпелю. За Колгановым Влодов не побежал, но долго ломился в дверь сторожки, угрожая нам этим кривым ножом.

Но через какое-то время наваждение спало, он отдал нож Штыпелю и вернулся во вполне адекватное состояние. Предмет раздора исчез, соответственно, инцидент был исчерпан.

Но после такого случая я уже ни на какие увеселения в этот подвал старалась не попадать.

ЯВЛЕНИЕ НОВИКОВОЙ

Примерно через месяц, 6 декабря, был день рождения Влодова, который он собрался отмечать в том же подвале, но я решила туда с ним не ходить. Зачем мне лишние потрясения, ведь ясно же, что потом может быть. Влодов не настаивал на моем присутствии, а оставил меня на это время в халупе. И поскольку дворник снова лег в психушку, а Владик умотал в родные пенаты, то особых проблем не возникло. Я вздохнула с облегчением, Влодов, пожалуй, тоже возрадовался обретенной хоть на один вечер свободе.

Итак, вечером Влодов, заперев меня на ключ, отправился в подвал к Штыпелю, а я с ребенком легла спать. Ночь прошла благополучно. Утром я ждала его не позднее десяти часов, но в это время он почему-то не объявился.

Пришел он только где-то в час дня, причем не один, а с незнакомой черноволосой и темноглазой девушкой лет двадцати восьми. Одеты она была по тем временам очень прилично: длинное стеганое пальто-пуховик, дутые сапоги, джинсы, свитер — и все явно заграничного производства. Я не знала, что и думать.

Они вошли и сели напротив меня на диван, причем она обняла при этом Влодова за плечи. Это выглядело как-то вызывающе и смутило меня окончательно. Кроме всего прочего на Влодове был новый свитер.

— Знакомся, — сказал Влодов, — это Лена Новикова, — мой, теперь уже, можно сказать, друг. Она была у меня на дне рождения и вот — подарила мне свитер. Она, как и Штыпель, работает в том же подвале сторожем, в другую смену.

Н-да! Однако! Я не знала, что и сказать.

Влодов решил все-таки придать этой в некотором роде пикантной ситуации более-менее приличный вид. Он отодвинулся от новоиспеченной пассии и сказал:

— Ты знаешь, Лена, Людмиле ведь тоже надо как-то отметить мой день рождения, надо бы что-нибудь организовать. Может, пойдешь, что-нибудь принесешь?

Новая подруга с готовностью согласилась и побежала в ближайший магазин. Влодов стал объяснять мне, что он несколько не пленен красотой этой Лены (тут он, пожалуй, и не врал), просто у нее есть деньги и он хочет, ну... чтобы она, вместе со всеми своими возможностями, не проплывала мимо. Так вот.

Вскоре она вернулась и принесла бутылку шартреза, а на закуску кучу всякой всячины. Так что удалось немного подкрепиться по такому случаю. К вечеру девица ушла, пообещав прийти через пару дней снова.

Так в нашей жизни появилась Лена Новикова.

Глава 5. Страсти на Нагорной, или Как выйти замуж и не умереть!

ВЛОДОВ И ЕГО ПАСПОРТ

Прежде чем продолжить историю с участием Лены Новиковой, необходимо сделать небольшое отступление и рассказать про некоторые важные моменты из жизни Влодова, о которых я пока упоминала только вскользь, но без которых многое будет непонятно.

Итак, у Влодова была серьезная проблема с документами. Заключалась она в том, что к тому времени он уже около восьми лет жил без паспорта. Почему так? Вот как-то когда-то угораздило его свой паспорт потерять.

Примерно в 1975 году, расставшись с прежней своей женой, Марой Гриезане, он, предоставленный самому себе, пустился в загул. И однажды, возвращаясь с какой-то очередной бабой после пьянки домой, точнее на какую-то квартиру, где он в то время обитал, он обронил свой паспорт в такси, выпал он как-то у него из кармана.

Таксист сдал паспорт в Бюро забытых вещей, документ теоретически как бы отыскался, и Влодов чуть было его обратно не получил. Но оказалось, что вот так просто вернуть свой паспорт после потери нельзя. Потому что вдруг он мог побывать в руках какого-либо преступника, вдруг с его помощью совершено преступление? Ну мало ли...

Поэтому старый паспорт надлежало уничтожить, а взамен получить новый. Таков был порядок.

Но новый паспорт Влодов тогда по каким-то причинам получать не пошел и поэтому на долгие годы остался без

этого самого нужного документа. Так и прожил всю вторую половину 70-х и начало 80-х без паспорта, создав себе, таким образом, кучу проблем и совершенно выключив себя из нормальной жизни. Это даже стало своеобразной легендой, что Влодов живет без паспорта и не желает его получать.

Сейчас таким поворотом дела мало кого удивишь, но тогда это действительно было из ряда вон выходящим явлением, тогда так никто не жил. Правда, у Влодова оставалась полулиповая корочка от редакции газеты «Московский комсомолец», где он когда-то вел литературную студию «Публицист». Вот эту корочку он везде и предъявлял, она была как бы бессрочной, хотя студию он давно уже не вел. Но всё равно это было слабым утешением.

Конечно же, из-за отсутствия паспорта страдал не только он сам, но и его девицы, которых у него в тот период было великое множество и на которых он из-за отсутствия паспорта не мог жениться. Поэтому и не смогли осуществиться многие его новые браки.

Возможно, Влодову нравилось таким образом уклоняться от новых семейных уз, может быть, он даже испытывал какое-то моральное удовлетворение, что не может еще с кем-то пойти в загс, так как в этом месте он уже не раз побывал. Гriezане была его третьей официальной женой, и особого желания жениться еще раз он, видно, не испытывал.

И со мной, когда я приехала с ребенком в Москву, возникли те же самые проблемы. Я ведь приехала в Москву не для того, чтобы просто так скитаться, жить в халупе и мучиться. Я приехала, чтобы, в первую очередь, выйти за него замуж,

а также заняться другими важными бытовыми и литературными делами. В принципе, он меня и вызвал в Москву с ребенком, чтобы все это осуществить. Такие у нас были совместные планы. Ну а в загс пойти со мной он не мог, так как, ясное дело, паспорта не было.

Правда, он говорил, что теперь-то уж точно, и не только ради меня, но ради ребенка, он все-таки займется паспортом. Но все равно он почему-то боялся идти. Мне он говорил, что его могут даже арестовать, когда он в свой паспортный стол придет. Что его, типа, поджидает там местное КГБ, и когда он там объявится, то его тут же и схватят. Почему — непонятно. Что уж он такое совершил, чтобы так круто с ним обошлись, не знаю. Конечно, он был диссидентом, у него имелись антисоветские стихи, но я думаю, одного этого даже в то время было недостаточно, чтобы вот прям так сразу и вязать.

Думаю, там дело было гораздо проще. Для получения утерянного паспорта в те времена требовалась справка с места работы, а он нигде официально не работал. Поэтому и не знал, как подступиться к этому делу. А на работу устроиться не мог, поскольку паспорта не было. И получался замкнутый круг, а как его разорвать, он не знал.

Также по месту его прописки, в Электрогорске, еще во времена Гриезане, был очень вьедливый участковый по фамилии Зубрицкий, который требовал у него справку с места работы, а в противном случае грозился его упечь, как Бродского, за тунеядство.

Влодов тогда не смог раздобыть никакой справки, поэтому и предпочел, чтобы не нарываться на проблемы, вообще исчезнуть из тех краев.

Но тогда у него, по крайней мере, был паспорт, и с ним еще можно было как-то жить. А вот когда паспорта не стало, то уже и бегать стало проблематично. Наверное, Влодов думал, что Зубрицкий всё еще работает, и когда он там объявится получать паспорт, а справку с работы не принесет, тот может оформить его за тунеядство. Вот чего, я думаю, он боялся реально.

Кроме того, там образовалась довольно значительная задолженность по квартплате, он ведь все эти годы не платил за жилье. Конечно, тогда это были копейки, но за все месяцы и годы набежала довольно значительная сумма, и он не знал, как ее погасить.

Поэтому он и жил так долго без паспорта. Если его иногда забирали в милицию для выяснения личности, то он говорил, что паспорт у него дома, а сам он такой-то и живет там-то. Милиционеры проверяли эти сведения по ЦАБу — Центральному адресному бюро, (была такая организация, где хранились адресные данные на всех, прописанных в СССР людей). Выяснялось, что сведения совпадают, есть такой человек и прописан он не где-то, а в Московской области. То есть он не приезжий, а почти что местный, с подмосковной пропиской, а таким гражданам тогда было разрешено жить и работать в Москве. Удостоверившись, милиционеры его отпускали.

Так как мы еще до рождения ребенка попадали с ним в милицию пару-тройку раз, я с этой процедурой была знакома. Таким образом, даже в Москве какое-то время можно было прожить без паспорта, и Влодов так и жил.

Но периодически возникали ситуации, совершенно пустяковые для людей с документами и абсолютно непреодолимые для него. Например, он не мог получить гонорар, де-

нежный перевод или посылку на свое имя. Да мало ли для чего нужен был паспорт! Это был самый необходимый в жизни документ, и без него человек переставал быть человеком. Однако процедура получения паспорта для Влодова была хуже смертной казни, он никак не мог себя пересилить и сделать этот необходимый шаг. Так все и тянулось.

«ПИПЕЦ ПОДКРАЛСЯ НЕЗАМЕТНО»*

Прошел примерно месяц с того момента, как я с ребенком приехала в Москву, но Влодов все еще не решался что-то сделать. И вот однажды нас где-то забрали в милицию для выяснения личности. Я показала свой паспорт, правда, без московской прописки, Влодов, как всегда, назвал свои данные для проверки. И вот впервые за все время его житья без паспорта вдруг выяснилось, что такого человека по данному адресу нет, то есть он с места своей прописки — из Электрогорска — был выписан! Это был тот еще подарочек судьбы! И Влодов понял, что теперь уже он лишен последней защиты в жизни. Ведь произошло то, чего он больше всего боялся: он, живущий без паспорта, лишился и прописки.

Когда-то, конечно, это все равно должно было произойти, так как он не объявлялся по месту своей прописки многие годы, а по закону тогда достаточно было и шести месяцев, чтобы выписать человека. Обычно так не делали, но если человек сам не желает появляться в течение многих лет по месту жительства, то как с ним еще поступать?

---

* Жаргон, эвфемизм.

Влодов в глубине души понимал, что он в итоге доиграется со всем этим делом, и рано или поздно ситуация осложнится. Но он думал, что это случится еще не так скоро.

И вот этот момент все-таки наступил. Получив с этой пропиской по мозгам, Влодов задумался, как теперь жить дальше и как выйти из этой непростой, в общем-то, ситуации. Самое ужасное было в том, что непонятно, где же теперь получать паспорт, так как получать нужно по месту прописки, а с места прописки его выписали.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

И в халупе стала накаляться атмосфера. У халупы же имелся какой-никакой хозяин — дворник Валера (по-влодовски — Холодец), и вряд ли он собирался нас с ребенком терпеть до бесконечности. Холодец, вернувшись из дурдома и пожив какое-то время в своих комнатах в качестве не пойми кого, решил тоже принять меры в отношении нашей семейки и освободить-таки от нас свое жилье. Все же он сотрудничал с КГБ, поэтому и имел для этого возможности. Разработка Влодова тоже не могла быть вечной, и когда-то надо было подвести итог всему этому делу, принять какие-то меры. Короче, там уже было все подготовлено к завершению процесса.

И чтобы органы разделалась с нами без помех и без его участия, Холодец в очередной раз решил лечь в психушку, а судьбе — предоставить свершить должное. И когда Холодец сбежал, Влодов всем своим звериным нутром почувствовал, что запахло жареным, надо срочно что-то делать, иначе последствия могут самыми драматичными.

ОБРАЩЕНИЕ ЗА ПОМОЩЬЮ К МОГУЩЕСТВЕННОМУ N. N.

И вот тут Влодов решил обратиться за помощью к могущественному N. N. — сотруднику МГК КПСС. N. N. работал во годы оны в «Московском комсомольце», был там на одной из руководящих должностей, хорошо знал Влодова, ему нравились его стихи. Влодову удалось как-то выйти на него, связаться с ним по телефону, и он вкратце обрисовал свои проблемы.

N. N. обещал помочь. И первое, что он сделал, используя свои каналы связи, это передал распоряжение, чтобы нас не трогало 17-е отделение милиции, в ведении которого находилась халупа. Это было великое дело, и мы хоть на время смогли перевести дух и не бояться выселения.

Затем N. N. стал выяснять ситуацию с пропиской и документами Влодова и пришел в недоумение. Оказалось, что в ЦАБе почему-то исчезли все данные на Влодова. Обычно сведения о гражданах хранятся там для надежности в нескольких экземплярах. Так вот, исчезли все карточки на Влодова. Это была какая-то мистика!

Кроме того, даже если человека откуда-то выписывают, все равно остаются данные на него, на то, что было в прошлом: когда выписали, по какой причине и т. д. По Влодову и эти сведения также исчезли, что тоже казалось непостижимым. Таким образом, получалось, что такого человека, как Юрий Влодов, по документам, по прописке, не только нет сейчас, но и никогда не существовало в прошлом! Вот так номер! Этого Влодов действительно не ожидал! Попал, как говорится, по самую макушку! Доигрался! Даже N. N. растерялся и не знал, что в таком случае делать. Понятное дело, что документы были изъяты с ведома каких-то могущественных структур, и вряд ли с добрыми намерениями.

«К ЛИКВИДАЦИИ»

Только потом, спустя много лет, от одних весьма компетентных людей мы узнали кое-что по этому вопросу. Ну так вот, именно к тому моменту разработка Влодова была завершена, и поскольку он — и как человек, и как поэт считался весьма опасным и исправлению не подлежал, его решено было уничтожить. На его папке так и было написано: «К ликвидации».

Каким образом собирались его ликвидировать? Очень просто. Возможно, могли организовать что-нибудь типа «кирпича на голову». Ведь при таком образе жизни, который вел Влодов, при его пьянстве и безобразиях, такой конец сочли бы вполне логичным, и никакого бы удивления ни у кого это не вызвало.

Творчество Влодова предполагалось закрыть в архивах. Если бы нашлось что-то стоящее (с их точки зрения), то это вполне можно было передать какому-нибудь другому, «приличному» автору, а что не годится, опять-таки по их мнению, может быть, и вовсе следовало уничтожить.

Вот такая незавидная участь в итоге ждала Влодова, со всеми его пусть даже и гениальными стихами. Вот для чего похищались сведения из ЦАБА, чтобы потом, когда узнают, что он, например, пропал, то официально нельзя было бы даже подать заявление на розыск или еще чего, так как такого человека по документам не существует да и не существовало вовсе. Это для будущих поколений, чтобы решить вопрос с его творческим наследием.

Так что вовремя он спохватился. А если бы не мы с ребенком, то так бы и не спохватился, так бы и дождался своего печального конца. Мое присутствие и ребенок заставили

его как-то действовать, как-то исправлять ситуацию с его абсолютно запущенной жизнью.

«НАД СЕДОЙ РАВНИНОЙ МОРЯ —
ГОЛДА МЕИР — БУРЕВЕСТИК!»

Итак, в день рождения Влодова, 6 декабря 1983 года, в нашей халупской жизни появилась Лена Новикова. Ей было уже под тридцать, а она все еще была незамужем. Естественно, наверное, мечтала создать семью, завести детей, но как-то все не удавалось, а возраст поджимал. И нельзя сказать, чтобы она была такой уж непривлекательной, нет, обычная еврейская внешность, черные волосы и глаза, полномасштабная женская стать и все такое. Она хотела понравиться Влодову, потому что была в него влюблена. Но тут ей вряд ли могло что обломиться, так как Влодов терпеть не мог в любовных делах женщин такого типа. Сам он тоже был темноволосым, а привлекали его особы противоположного плана, светленькие как минимум.

Влодову нравилось всем новым людям давать какие-то прозвища, клички, и у него это получалось неплохо. Он умел схватывать суть человека этим новым именем. Ну так вот, Новикову он стал называть «Голда Меир». Была в те времена в Израиле такая женщина, известный политический и государственный деятель, и у Влодова Новикова, ассоциировалась с Голдой Меир. Да, кроме Голды Меир, больше он никого и не знал. И, говоря о Новиковой, он начинал разговор, напевая первую фразу из «Песни о Буревестнике» Максима Горького: «Над седой равниной моря гордо реет Буревестник». Только слова «гордо реет»

он заменял на «Голда Меир», и получалось: «Над седой равниной моря — Голда Меир — буревестник!» Так он для себя обозначил Лену Новикову.

Я уж не знаю, писала ли она чего-нибудь, может и писала, но то, что она была любителем и ценителем литературы, это точно. Иначе Влодов бы ей был бы зачем?

НАЧАЛО ПОЛУЧЕНИЯ ПАСПОРТА

Вернусь к влодовскому паспорту, в получении которого именно Лена Новикова принимала непосредственное участие. Что же все-таки стал делать Влодов, как спасти положение? Вмешательство N. N. защитило не только халупу, но и на саму жизнь Влодова, ликвидация которого после вмешательства N. N. была отменена, все-таки N. N. был лицом влиятельным, и перебежать ему дорогу было ни к чему.

Главное было — восстановить паспорт. N. N. посоветовал все-таки для начала обратиться в ЖЭК по месту жительства и выяснить, в чем там дело, а если потребуется какая-то помощь, то он готов подключиться.

И Влодов решил позвонить туда, в Электрогорск, в этот свой ЖЭК и прояснить ситуацию.

И тут как нельзя кстати припала эта самая Лена Новикова. У нее имелась квартира в районе улицы Нагорной (сейчас это где-то в районе станции метро «Нагорная», правда, тогда ни этой станции, ни линии вообще не существовало), я даже не знаю, какая там была ближайшая станция — то ли «Автозаводская», то ли еще какая. В общем, в какой-то московской тьмутаракани было ее жилье. Но это неважно. Самое

главное, квартира была, и больше пока что ничего не требовалось. Она жила там с родителями.

И вот именно из ее квартиры, с ее домашнего телефона Влодов вел переговоры с электрогорским ЖЭКом, прежде чем туда ехать. И хоть как-то прояснил ситуацию.

В ЖЭКе, в отличие от ЦАБа, Влодова признали, нашли записи в домовоей книге (вот эти товарищи не догадались-таки и оттуда сведения убрать, на чем и погорели) и сказали, что да, выписали его, поскольку тот барак, дом на Дзержинской улице, где он был прописан, снесли, а так как он не появился, то и выписали его совсем. Не могли же дать ему другое жилье, если его самого нет.

Влодов сказал, что он потерял паспорт и теперь ему надо каким-то образом его получить. Там, конечно, не обрадовались, но сказали, чтобы он явился и написал заявление на получение паспорта, объяснил причину, почему он так долго жил без документов, принес там какие-то справки и, самое главное, оплатил бы задолженность по квартплате, вот тогда ему, может быть, и пойдут навстречу.

Заручившись еще раз поддержкой N. N. и прихватив с собой Новикову, Влодов отправился в Электрогорск. Новикова из своих денег оплатила задолженность по квартплате, оплатила и какие-то государственные сборы, какие положены в этом случае, Влодов написал заявление на восстановление паспорта, и дело сдвинулось с мертвой точки. Это все происходило где-то в середине декабря 1983 года.

Однако получить паспорт, взамен утерянного много лет назад, было довольно сложно. Требовались длительные милицейские проверки, и ждать в итоге пришлось не менее двух или даже трех месяцев. Но начало было положено, и теперь уже было чего ждать, ситуация перестала быть незна-

дежной. Это была великая победа, и моя в том числе. Я заставила его сделать этот шаг.

Новикова теперь почти каждый день приходила к нам в халупу, приносила еду, выпивку Влодову, кормила нас и участвовала в наших делах.

Но не только из любви к искусству все это делала. Она не собиралась вот так просто тратить на нас свои деньги и время. Она помогала Влодову восстанавливать паспорт только для того, чтобы впоследствии самой выйти за него замуж.

ПЕРЕЕЗД НА НАГОРНУЮ

Теперь не только Новикова частенько приходила к нам в халупу, но и Влодов, пока что один, стал захаживать к ней домой. Однажды она разрешила мне с ребенком у нее помыться. Это без последствий не прошло, и вскоре мы уже у нее жили. Весь этот процесс вселения в ее квартиру произошёл молниеносно, ведь со дня рождения Влодова — 6 декабря — времени прошло всего ничего, а мы уже собирались встречать у нее новый, 1984 год.

Я уже говорила, что она жила в двухкомнатной квартире в одной из пятиэтажек на Нагорной улице. В большой комнате справа от входной двери была комната родителей, а в маленькой, прямо напротив двери — ее.

Комната Новиковой, размером не более девяти квадратных метров, была вся заставлена книжными полками: эти полки громоздились и по левую, и по правую сторону от входа. От пола до потолка. Вот такой она была образованной девицей. У окна стоял письменный стол, рядом со столом — небольшое

кресло. С левой стороны тоже стояло кресло, большое, для отдыха. Был еще журнальный столик около этого кресла и еще какой-то стул. Больше ничего в этой комнате не было. Даже кровати, не говоря уже о шкафе. Все было принесено в жертву книгам. Спать Новикова предпочитала на полу. Для этой цели весь пол был застелен какими-то старыми одеялами и другим тряпьем.

Влодов облюбовал себе в этой комнате кресло для отдыха, в нем он не только сидел днем, но и спал ночью. Мы с ребенком расположились на полу ближе к столу, Новикова спала тут же, но только ближе к двери. Дочка наша за это время уже подросла, от пеленок мы избавились, и я одевала ее уже в ползунки и кофточки. Так что в этом плане уже стало чуть полегче.

Почему Новикова пустила нас с ребенком к себе в квартиру? Сложно сказать. Вряд ли мы с ребенком были ей нужны. Ей нужен был только Влодов, а нас она терпела только по необходимости, пока шел процесс получения паспорта. Она, наверное, думала, что когда Влодов этот паспорт получит, то в загс он, конечно же, пойдет с ней, а не со мной. Какие могут быть сомнения? У нее и квартира, и деньги, она сможет стать ему, гению, прекрасной любящей женой. А что могла дать ему я, кроме ребенка и проблем? Ничего. Любой разумный человек выбрал бы ее, со всем ее достатком, а не меня, провинциальную дуру. (Ну так то — разумный! Плохо она знала Влодова!) И Новикова терпеливо ожидала завершения процесса получения паспорта и решения в итоге своей, а также и моей участи.

НОВЫЙ ГОД — НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Итак, новый, 1984 год, мы встретили на квартире у Новиковой. Она, конечно, расстаралась, наготовила всего. Из выпивки были и шампанское, и водка, а не какой-то там дешевый портвейн. Из закуски — всё, что только можно было тогда раздобыть в те советские годы сплошного дефицита. В магазинах тогда ничего приличного не было, ни из еды, ни из одежды. А деликатесы к праздникам выдавались только на работе в праздничных наборах. А кто не работал, тот, понятное дело, и не ел.

Новикова на этой своей сторожевой работе получила набор из дефицитных продуктов и выложила все это на праздничный стол. Что там было, в этом наборе? Колбаса сервелат точно была, и красная икра — тоже.

Также имелись всякие консервы, типа кальмаров или крабов в собственном соку, сайра, лосось. Ну еще там мандарины-апельсины новогодние, конфеты шоколадные.

Кроме продуктов из набора на столе красовался приготовленный Новиковой собственноручно домашний оливье, а также винегрет, селедка под шубой, вареная картошка. Еще были выложены какие-то припасы с дачи, заготовки всякие: соленые огурцы, квашеная капуста, помидоры маринованные. Да, нормальные люди летом зря время не теряли, а делали всякие заготовки, запасались на зиму, потому что ничего из перечисленного купить в магазинах тогда было нельзя.

Для нас, бедных и голодных, такое изобилие еды стало настоящим шоком, после кильки в томате и вокзальных объедков мы даже не воспринимали все это. Мы вполне могли бы обойтись вареной картошкой и солеными огурцами, все

остальное было для нас излишней и ненужной роскошью. Поэтому зря Новикова старалась. Вся эта икра и прочие деликатесы была за гранью нашего восприятия. Вот так. Да, новогодний стол был накрыт в большой комнате, у родителей.

Короче, встретили мы Новый год, пробили куранты, выпили — кто шампанского, а кто и водки, закусили всеми этими деликатесами. Официальная, так сказать, торжественная часть где-то, спустя час после полуночи миновала, и мы из большой комнаты решили перебраться на кухню и там продолжить празднование. Посидели там еще какое-то время, часов, наверное, до трех. И тут от всего выпитого и съеденного за это время (а также, может, и от пережитого) у Влодова поехала крыша, и он решил устроить скандал.

Поскольку прицепиться особо было не к чему, то он решил... приревновать меня к Новиковой, ее он обозвал «коблом» ну и обвинил нас в лесбиянстве. Мужиков-то в квартире не было, если не считать совсем старого отца Новиковой, который все время находился в другой комнате и непременно с матерью, поэтому срочно надо было что-то выдумать. Вот он и придумал новую модную фишку, обвинив меня и Новикову в лесбийских отношениях.

Разумеется, никакого повода для этого ни она, ни я не давали, но Влодову повода и не требовалось. Если бы был повод, то и смысла в истязаниях не было бы. А вот так — обвинять в чем ни попадя, без малейшей причины — ему доставляло особое удовольствие. Он ведь был моральным садистом и должен был постоянно пить из кого-то кровь. Самое интересное, я ведь с Новиковой никогда не оставалась наедине: ни днем, ни ночью. Даже непонятно, как это я могла совершить то, в чем он меня обвинял? Скорее нао-

борот, я имела полное право обвинить его в неверности, в отношениях с этой бабой, так как он целыми ночами сидел с ней на кухне, когда мы с ребенком уже спали в комнате. Чем уж они там с ней занимались, неизвестно. Наверное, и этими делами тоже. И как всегда, с больной головы он валит на здоровую, все свои грехи приписывая мне.

Короче, это было то еще Новогодье! В эту ночь он мучил нас до утра всевозможными оскорблениями. Новикову он еще и отхлестал мокрым веником в ванной.

Она, обомлевшая от шока, почему-то покорно перенесла сие битие, не зная, наверное, как на такое реагировать. Она еще не совсем поняла, во что попала, но это было для нее первое прозрение, чтобы она на любовь, так сказать, особо рот не разевала. Здесь вместо любви и ласки морду бьют! Вот так.

Где-то часов в пять-шесть он наконец успокоился в своем кресле.

А я твердо решила, что утром уеду отсюда к сестре. Чтобы еще такую фигню мне шить, это уж слишком!

БЕГСТВО К СЕСТРЕ

На следующий день я сказала Влодову, что хочу поехать в гости к сестре, навестить ее да кстати и показать ей ребенка, она еще его не видела. Но я твердо решила оттуда не возвращаться. Влодов меня отпустил. Я взяла ребенка, походную сумку, документы и уехала. Вещи мои, правда, чепче чемодана, оставались в халупе.

Я рассказала сестре про все те кошмары, которые устроил мне Влодов и которые мне пришлось пережить после

приезда с ребенком в Москву. И сказала, что даже если он получит паспорт, то замуж за него выходить уже не хочу. Если он сейчас такие штуки вытворяет, то что будет потом? Он меня совсем загрызет, после загса-то. Ужас!

Влодову, когда он позвонил, я сказала, что возвращаться к нему не намерена и замуж за него уже не пойду. Он был шокирован и не знал, что и делать.

А мы с сестрой стали думать, что делать мне.

Паспорт у меня уже был. Новый, с алтайской пропиской, и чисто теоретически я могла уже устроиться куда-нибудь по лимиту. Только была одна проблема — ребенок. Он был уже вписан в паспорт, и с ребенком меня вряд ли куда бы взяли. Если бы я сначала устроилась, а ребенка потом бы привезла, то да. На работе пришлось бы с этим фактом смириться. Но если вот так сразу объявиться с ребенком, то никто меня не возьмет. Я стала думать, что делать. Может, как-нибудь убрать сведения о ребенке из паспорта, чтобы устроиться на работу? Я попыталась стереть запись ластиком, но ничего из этого не вышло. Запись не стиралась.

Может, необязательно в Москве устраиваться, может, поехать в какой-либо областной город, Владимир например, или еще куда. Там легче будет. Там нет таких режимных установок, как в Москве, может, и возьмут куда. Да, но как мне все это проделать? Ведь надо же ехать в этот город, искать работу, устраиваться там, а ребенка куда девать? С ребенком кто в это время будет сидеть? Да и зима на дворе, январь месяц, куда вот я сейчас поеду, в какой такой городок? Я никогда ни в каких подобных городах не была и где там искать работу, не имела понятия. К тому же, нужны были и деньги на поездки. Ничего этого у меня не было. Да,

ситуация складывалась какая-то безысходная. Я не знала, как поступить.

Прошла неделя. Тут опять стал названивать Влодов, упрашивал меня вернуться. Скоро, мол, он уже получит паспорт, распишется со мной, пропишет меня с ребенком, и вот тогда я могу идти, куда захочу. Он выполнит передо мной свой долг, и совесть его будет спокойна.

Я задумалась. Может, и вправду вернуться? Может, действительно скоро все уладится? Ведь должен же он, в конце концов, этот свой паспорт получить! Столько мучений я перенесла и вот так теперь отступать? Куда, собственно, мне теперь деваться?

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МУКАМ

Я скрепя сердце согласилась на возвращение. Сестра обрадовалась. Собрала мне с собой кучу вещей, детскую кроватку, продукты. Заказала такси, и я вернулась к Новиковой. Влодов пообещал больше не зверствовать и вести себя прилично.

Первое время все шло более-менее нормально. Ребенок теперь спал не на полу, а в собственной кровати. Влодов же, чтобы я больше не сбегала, решил, на всякий случай, забрать у меня документы: паспорт и трудовую. Чтобы они лежали в кармане его пиджака, для полной уверенности. Я, не подумав, отдала.

Прошло еще какое-то время, пара-тройка недель. Процесс получения паспорта продвигался. Теперь этим занималась в основном Новикова, ездила в Электрогорск уже без Влодова несколько раз, довозила нужные справки и бумажки.

Там ее уже все знали и нормально относились к тому, что она все за Влодова делает.

ТЁНА-ЗАПЛЕТЁНА

Однажды из одной такой поездки она привезла с собой какую-то девицу. Сказала, что познакомилась с ней в Электрогорске на вокзале, пока ждала там электричку. Разговорились. Оказалось, девица эта родом с Украины. По ее словам, она приехала в Москву к своему любимому, но жизнь у них не заладилась, и пришлось в итоге расстаться. Что там было на самом деле — неизвестно. Как она собиралась добираться потом до Украины милой, было непонятно, но, видно, туда уехать особо не стремилась. А что дальше в Москве собиралась делать, тоже было не совсем ясно.

После такого слезного рассказа Новиковой стало ее жалко, и она привела ее к себе жить. Вот так.

И-да! Это был тот еще подарочек, и на мою голову в том числе. Звали эту девицу Лена, но Влодов прозвал ее почему-то Тёна. Тёна-заплетёна, как он говорил. Она, как и большинство украинок по сравнению с русскими девушками, имела более яркую, выразительную внешность: черные волосы, брови, глаза. Гарна дивчина, гарна! Было ей примерно 22—23 года.

Влодов, конечно же, положил на нее глаз! Еще бы! Такое приключение — и само плывет прямо в руки! Было бы странно, если бы он таким случаем не воспользовался.

Он быстренько пристроил Тёну в халупу, потому что здесь она только всем мешала, и начал периодически туда

наведываться и заниматься там с этой Тёной понятно чем. У меня же появилась возможность немного передохнуть. Он пока ненадолго оставил меня со своими скандалами в покое.

Кстати, у Тёны, помимо гарной внешности, имелось еще одно достоинство: у нее был великолепный певческий голос. Она мне по большей части этим голосом и запомнилась. Это был не просто там какой-то писклявый эстрадный голосок, а от природы поставленный оперный голос. Я в жизни такого среди наших знакомых не встречала. Когда она однажды запела на кухне (а мы в это время сидели в комнате), мы подумали, что это радио. Так ее пение нас поразило! Голос был просто потрясающий! Ей бы идти в консерваторию, и, наверное, ее туда сразу взяли бы. Что уж она делала с таким сокровищем на вокзале, непонятно. С таким-то голосом можно было взять все возможные вершины и пробить себе в жизни светлую и чистую дорогу.

Но вместо того чтобы использовать свой дар по назначению, она поселилась в халупе и стала дожидаться, когда Влодов получит паспорт, чтобы прогуляться до загса. То есть стала еще одной претенденткой на законный брак. Бездомная, как и я, к тому же абсолютно свободная, она представляла реальную угрозу моим отношениям с Влодовым. Мало мне было одной Новиковой!

ПЬЯНСТВО И ОСКОРБЛЕНИЯ ВЛОДОВА

Влодов же, переждав с моего возвращения какое-то время, опять взялся за старое, опять стал меня изводить. Каждый день он теперь пил на кухне с Новиковой портвейн. Выпив

очередную бутылку, он приходил в комнату, садился в кресло и начинал меня истязать, придумывая мне разные обидные прозвища, пытаясь задеть за живое. Чего он только не придумывал, как он только надо мной не измывался, пока наконец не засыпал.

На следующий день все повторялось снова. Он не останавливался и продолжал изводить меня все пуще и пуще. Это было невыносимо. Я поняла, что совершила ошибку, вернувшись сюда. Не надо было этого делать! Ничего путного из этого не выйдет, и вряд ли я смогу дождаться в такой обстановке получения его паспорта. Я просто сходила с ума от этого кошмара! И даже если я его дождусь, даже если схожу с ним в загс, как после этого всего с ним жить? Это же нереально. От этой сволочи надо бежать на край света и больше никогда не встречаться!

Но как теперь это сделать? Вот так просто не встанешь, не уйдешь, он за мной следит. Документы мои теперь у него, как же я без них, он мне потом их не вернет! Еще надо сколько-то денег раздобыть, хотя бы на проезд. У меня теперь не было даже мелочи на метро, он проверял мои карманы, чтобы я не смогла куда-то уехать. Ни денег, ни документов мне теперь не полагалась. Я была в этой квартире как пленница с ребенком на руках.

К тому же, если я собиралась уйти от него навсегда, мне надо было сразу же забрать свои чемоданы из халупы, потому бы он мне их точно не отдал. А в халупе жила Тёна, и ключи были у нее.

И тогда я стала продумывать план побега и потихоньку его осуществлять.

ПЛАН ПОБЕГА

Итак, требовалось:

а) забрать у Влодова из внутреннего кармана пиджака мой паспорт и трудовую книжку. Их я решила взять, когда он в очередной раз напьется и уснет в кресле;

б) достать денег. Их я собиралась украсть из карманов у Новиковой. Денег у нее было много, и носила она их именно в карманах, и я решила позаимствовать на свои нужды некоторую сумму;

в) ну и последнее: когда Тёна в очередной раз придет сюда, выкрасть у нее ключи от халупы, чтобы забрать оттуда свои вещи, а уж после этого и сбегать при полном параде, так сказать.

Но для того чтобы спрятать куда-то на первое время свои документы, деньги и ключи, я решила сначала сделать что-то вроде потайного кармана. И когда Влодов куда-то ушел, а Новиковой тоже не было дома, я в свое зимнее пальто с внутренней стороны на уровне пояса вшила небольшой потайной карман.

Итак, начало было положено. Теперь требовалось заложить в карман деньги. И когда Новикова вернулась и они в очередной раз засели с Влодовым на кухне, я прокралась в коридор к вешалке и взяла из кармана ее пальто целых 20 рублей, подвернувшихся мне под руку (это на такси), а также немного мелочи — на звонки по автомату. Украденные деньги я тут же заложила в свой потайной карман.

Теперь предстояло выкрасть документы, и на последнем этапе — ключи от халупы.

Но... уже следующий этап оказался для меня непреодолимым. Я надеялась, что на следующий день, когда Вло-

дов в очередной раз напьется и усядется в кресло спать, я вытащу у него из кармана свои документы. Но, наверное, те 20 рублей, которые я взяла у Новиковой, оказались последними, деньги у нее вдруг закончились, и пить они перестали. Вот так сразу резко и неожиданно для меня. А поскольку Влодов был трезвым, то заполучить у него документы не представлялось возможным. Я не знала, что дальше делать, как быть, но надеялась, все-таки, что Новикова вскоре где-нибудь раздобудет денег и они опять начнут пьянствовать, а пока что решила подождать. Про те двадцать рублей, которые я так удачно выкрала у нее из кармана, она, по-моему, никому не сказала и, видимо, смирилась с потерей. Может, подумала, что где-то потеряла или Влодов взял для своих нужд. Но как ему об этом скажешь? Взял и взял. Значит, надо было. А спросить, может, постеснялся. Ну да ладно. Однако время шло, деньги не появлялись, пить они больше пока не пили, и что делать дальше, я не знала.

КРАЖА КЛЮЧЕЙ У ТЁНЫ

Как-то вечером к Новиковой заявила Тёна. В гости, провести. Я решила, что пришла пора заполучить хотя бы ключи от халупы. Влодов, Новикова и Тёна ушли сидеть на кухню, как белые люди. Меня за общий стол не приглашали, но мне и не надо было. Улучив момент, я прокралась в коридор к Тёнинуму пальто, выкрала у нее ключи от халупы и тут же спрятала их на полках среди книг. В потайной карман эти ключи закладывать было нельзя, потому что они были очень громоздкими и их тут же обнаружили бы.

Тёна, посидев какое-то время, засобиравалась в халупу. Оделась, ушла. Через полчаса вернулась и сказала, что у нее пропали ключи от халупы и попасть туда она уже не может.

Поскольку ключи в кармане у Тёны до прихода к Новиковой были, а после исчезли, то понятно, что они пропали именно здесь, в квартире. Подозрение пало на меня. Начались разборки. Я не признавалась, но и не отрицала. Обыскали карманы моего пальто, походную сумку и меня саму. Влодов требовал вернуть пропажу, угрожая всяческими казнями. Я разнервничалась, выскочила в коридор к телефону, успела набрать номер сестры и сказать ей, что я хочу приехать к ней, потому что меня здесь просто убивают.

ИСТЯЗАНИЕ НА КУХНЕ

Тут подскочил Влодов с ножом в руках и перерезал телефонный провод. Новикову и Тёну он загнал в комнату, там же оставался и ребенок, а меня потащил на кухню для расправы. Он поставил меня на колени посреди кухни, стал ходить из угла в угол и, проходя мимо, пребольно тыкал меня ножом. Попутно он читал мне всякие нравоучения и заставлял целовать подметки его ботинок, прося за всё у него (!) прощения. Так продолжалось какое-то время. Я совсем обессилела от его ударов и вообще от всего, что на меня в этот день свалилось, и приготовилась умирать. Потому что мне казалось, что живой я из этой кухни уже не выйду. Но я подумала, что, может, так оно будет и лучше — умереть здесь, я ведь все равно никому не нужна, и деваться мне некуда. И стала ждать, когда он наконец меня добьет.

ПРИЕЗД ОПЕРОВ

Вдруг в дверь позвонили. Новикова, не подумав, побежала открывать. В квартиру ворвались какие-то люди в штатском. Новикову они шуганули в сторону, кинулись по комнатам, дошли до кухни и увидели то, что хотели увидеть: свирепого, с внешностью кавказца Влодова, с ножом в руках, и меня в слезах, спрятавшуюся за кухонным шкафом.

Влодова они тут же шарахнули по башке, затем надели на него наручники и повели на выход в воронок. Естественно, для дачи показаний прихватили с собой и меня, и Новикову, как хозяйку квартиры. Только Тёна осталась сидеть с ребенком.

Как оказалось, это были опера из местного отделения милиции, куда после моего звонка позвонила сестра и сказала, что по такому-то адресу ее якобы несовершеннолетнюю сестру какие-то чурки убивают. Ну вот они и приехали.

Стали требовать документы у Влодова, их у него, естественно, не оказалось, у меня же был паспорт с алтайской пропиской (тут-то мне наконец удалось его у Влодова забрать).

РАЗБОРКИ В МИЛИЦИИ

Вместе с операми в отделении оказался и местный участковый, я ему изложила суть дела. Объяснила, что Влодов — отец ребенка, мой, по сути, гражданский муж, а не какой-то случайный мужчина и что мы с ним в очередной раз

ссорились и я позвонила сестре, а она испугалась за меня и вызвала милицию. И поскольку мне все эти ссоры уже надоели, то я хочу от него уже окончательно уйти, уехать к сестре, но никак не могла забрать у него свои документы, поскольку он их прятал. Вот теперь хоть паспорт вернула, но надо бы еще и трудовую книжку забрать, поэтому мне требуется в этом помощь.

Из отделения я позвонила сестре, договорилась, что я уже окончательно к ней приеду, так как не могу больше в этом кошмаре находиться. Я попросила участкового проехать со мной на Нагорную, помочь забрать ребенка, иначе они мне его не отдадут, а также свои вещи и трудовую книжку. Участковый согласился. Оформив все бумаги, мы вернулись на квартиру Новиковой.

ОТЪЕЗД С НАГОРНОЙ

Влодова и Новикову отпустили немного раньше, и они уже были дома. Им пришлось открыть дверь мне с участковым. Я сказала, что уезжаю к сестре. Одев ребенка, я взяла спрятанный среди книг ключ от халупы, поскольку намеревалась сразу же заехать туда за своими вещами. Такси было уже у дома Новиковой, я заказала его из милиции. Я потребовала у Влодова также и свою трудовую, но он уже осмелел, и отдавать мне ее отказался. Сказал, что нет у него моей трудовой. Так что в этом плане я сильно просчиталась. Но я решила, что заберу ее потом. Сейчас главное было — вырваться отсюда живой.

Участковый проводил меня до такси. Я уложила детские вещи, села с ребенком в машину и уехала из этой

недружелюбной квартиры. Больше я туда никогда не возвращалась.

Мы поехали сначала в центр, в Дмитровский переулок, в халупу. Я открыла халупу и вынесла оттуда свои чемоданы, уложила их в машину, и мы поехали дальше, к сестре в Бабушкино.

Вот так и закончились мои муки на Нагорной, моя жизнь у Новиковой. Продолжался этот период, таким образом, где-то с середины декабря 1983 года до конца февраля 1984-го. Не так уж и долго. И хоть там было по сравнению с халупой комфортно и не голодно, это время представляется мне как чуть ли не самое тяжкое в моей жизни. Потому что Влодов там был зверь зверем, он просто рвал меня на части и морально, и физически. Даже не знаю, как мне удалось там выжить. Почему именно там он так зверствовал? Не знаю. Но, наверное, присутствие Новиковой и ее родителей его раздражало, а также вдохновляло на всякие зверства. Он ведь был истеричным человеком, актером и любил работать на публику.

А еще для меня там была очень недружелюбная атмосфера. Я жила на враждебной территории, в чужой квартире, за ради бога. Естественно, сама Новикова терпеть меня не могла и держала только из-за Влодова, думая, что вся эта комедь продлится не так уж и долго, только до получения Влодовым паспорта, а там — судьба сама разрешит этот вопрос. Было за что страдать. Поэтому и позволяла мне находиться у себя. Да и Влодов, наверное, ей поставил такое условие.

ЛОЖНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Переехав к сестре и отдохнув немного, я стала думать, что делать дальше. Мне все-таки надо было как-то устраивать свою жизнь, не рассчитывая теперь на Влодова. Конечно, надо было искать работу по лимиту, может, куда и взяли бы с ребенком, ведь время шло, ребенок рос, и его можно было уже и в ясли оформить. Но... требовалась трудовая книжка. Без книжки тогда на работу не брали.

Но все же как мне ее вырвать у Влодова? Решила позвонить туда ему и спросить про книжку, может, отдаст. Но он сказал, что книжку они не отдадут, пока я не верну украденные мной у Новиковой серебряные ложки. Меня это удивило, потому что никаких ложек я не брала. То есть они на меня покатили телегу, что как будто я у Новиковой из какого-то их фамильного сервиза ukrала серебряные ложки! И Влодов сказал, что они на меня по поводу этих ложек напишут заявление в милицию, пусть со мной разберутся! Во что делается! Вот что удумали! Понятное дело, что все это Новикова измыслила, Влодову такое в голову бы не пришло, про ложки-то! Наверное, те 20 рублей, которые я у нее вытащила из кармана, она для наглядности переконвертировала в ложки и захотела-таки хоть каким-то образом вернуть утраченное. Так ничего не добившись, я положила трубку, кипя от возмущения. Надо же такое придумать! Вот гады!

Не зная, что делать, я рассказала о своей беде сестре. И решила пока не делать ничего. Я просто не знала, что в таком случае можно предпринять.

ВЛОДОВ — С ПАСПОРТОМ!

Прошла примерно неделя. Тут позвонил Влодов и сказал, что он наконец-то получил паспорт. Что ж, поздравляю, давно пора бы! Потом спросил, не хочу ли я в таком случае пойти с ним в загс? Я сказала, что нет, премного благодарны. Я, пожалуй, такого семейного счастья не перенесу.

Прошло еще несколько дней. Вдруг он опять позвонил и сказал, что лучше все-таки мне пойти с ним в загс, а то ему все равно придется туда идти либо с Тёной, либо с Новиковой. И зачем это нужно, у нас ведь все-таки ребенок. В этот раз я сказала, что подумаю. Мне что-то это не очень понравилось. Значит, я столько мучилась с ребенком на руках, а в итоге Влодов, получив свой паспорт, пойдет в загс с неизвестно откуда взявшейся Тёной или с той же Новиковой? Зачем это надо? Наверное, придется идти. Все-таки надо было завершить достойно это дело.

В принципе, чего мне теперь уже бояться, каких страстей в его исполнении я еще не видела? Чем он может меня поразить? Ничем. Мне уже все равно. А если я схожу с ним в загс и даже если не и буду с ним потом жить, то хотя бы документы у меня будут в порядке, я получу какую-никакую прописку и смогу устроиться на работу, а ребенка определить в ясли. Ну и Влодов стал мне говорить, что вот, я хочу с тобой расписаться только для того, чтобы тебя с ребенком куда-нибудь прописать, чтобы ты не висела в неизвестности, а так ты мне вообще не нужна, иди потом, куда захочешь, я всего лишь хочу исполнить свой долг.

Ладно, допустим. Хотя, собственно, прописываться еще было некуда, ему в паспорте поставили штамп прописки в несуществующем доме на улице Дзержинского, в том, который снесли. Но это было лучше, чем ничего. В итоге я согласилась, выговорив за собой право пока пожить у сестры. Сестра же, узнав, что хоть что-то сдвигается в моей жизни в лучшую сторону, заметно повеселела. Может, и удастся как-то все уладить.

ПОДАЕМ ЗАЯВЛЕНИЕ

И вот, в один прекрасный день, оставив ребенка на попечении сестры, мы отправились с Влодовым в электрогорский загс подавать заявление. Да, это был торжественный момент! Но приехать-то мы приехали, да заявления нам подать не удалось: оказалось, что у Влодова в паспорте нет развода с Марой Гриезане. Развод в суде состоялся, а вот в загсе он оформлен не был. Нужно было ехать в Павлово-Посадский суд, брать там документ о разводе, передать его в электрогорский загс, для оформления, и только потом уже подавать заявление. Короче, в общей сложности, пришлось туда съездить пять раз, пока нам наконец-то удалось подать заявление. Дату регистрации нам назначили через месяц.

СНОВА ХАЛУПА, ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ

После подачи со мной заявления в загс Влодов переехал от Новиковой в халупу. Я с ребенком тоже снова приехала в ха-

лупу, так как было уже чего ждать. А зашедшую как-то в гости Новикову Влодов после получасового разговора с ней, придя в крайнее раздражение, снова избил грязным веником, а затем и выгнал ее из халупы на фиг!

И это было все, что она получила за свои старания. Так он ее отблагодарил. Но кто ей виноват? Нечего было соваться в такое неприглядное дело.

Так Влодов разделался с чуждым ему элементом «из буржуазной жизни». Он был босяком и никакой икры и на дух не переносил!

ЗАГС И НЕ ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

Получив паспорт и подав со мной заявление в загс, Влодов, как ни странно, переменялся в лучшую сторону. Он почти перестал надо мной издеваться. Может быть, это он от безысходности зверствовал? Не знаю.

21 апреля 1984 года мы расписались с ним в электрогорском загсе. Свидетелем у нас был Егоров. Никаких посиделок и свадеб мы не затевали, только зашли там все втроем в кафе и выпили по рюмке вина.

После регистрации брака я взяла его фамилию — Влодова, пришлось потом опять паспорт менять, свою же девичью фамилию — Осокина — оставила как творческий псевдоним.

Когда, вернувшись после регистрации в Москву, я показала сестре и тетке заветный штамп в паспорте, то тетка только и могла что сказать: «Ну надо же, добилась-таки, своего!» То есть прошла через все муки не напрасно. Да, это

была большая победа! И в том плане, что в результате замужества улаживалась моя жилищно-прописочная проблема, и в том, что с ребенком на руках я смогла выйти замуж, и не за кого-нибудь, а за отца ребенка. А могла бы и не выйти. Не всегда отцы так уж рвутся исполнять свой долг, свои святые обязанности, тем более такие, у которых один лишь ветер в голове.

Но меня в не меньшей степени радовало и другое: ведь я не просто вышла замуж, — я вышла замуж за гения, за великого поэта, за человека с легендарной судьбой, за человека, окруженного огромным количеством женщин, многие из которых безумно его любили и тоже мечтали выйти за него замуж. Но вот женился он в итоге на мне. Я об этом даже мечтать не могла! Но вот оно свершилось, и я была по-настоящему счастлива в тот момент!

ВСЕЛЕНИЕ В СОБСТВЕННУЮ КОМНАТУ И ОСТАВЛЕНИЕ ХАЛУПЫ

Поскольку я расписывалась в первый раз, то мне от исполкома (учреждение типа нынешнего муниципалитета) полагалась сумма в 70 рублей: это примерно одна месячная зарплата. Мы отнесли справку из загса в исполком, а когда пошли получать деньги, то нам выдали и ордер на комнату. Это событие доставило нам неописуемую радость.

Таким образом, расписавшись в конце апреля 1984 года, мы уже в конце мая получили и ключи от собственной комнаты. Нас троих сразу же в нее и прописали. И ведь дали эту комнату только после того, как мы с Влодовым расписались, а до этого, хоть и с паспортом, в котором значилась липовая

прописка в доме по улице Дзержинского, он еще висел в воздухе. А после росписи всё определилось, и он получил новое жилье. При наличии семьи-то. Комната эта располагалась почти в самом центре Электрогорска, на улице Ленина, в пятнадцати минутах ходьбы от электрички.

Главное — что у нас за столько времени мучений и скитаний появилось наше первое настоящее, законное жилье. Помню, как мы пришли, взяв в ЖЭКе ключи, первый раз в эту комнату и с каким небывалым удовольствием устроились там спать. Прямо на полу, подстелив только какие-то газеты и снятые с себя легкие куртки, так как никакой мебели еще не было. Но это было неважно. Самое главное, что была эта малюсенькая комната, было свое жилье, в котором мы являлись полноправными хозяевами. Точка опоры, так сказать. А больше ничего пока и не требовалось.

И как известно, имея точку опоры, можно перевернуть потом весь мир.

Вместо эпилога ЧТО ТАМ СЕЙЧАС

Как-то решила пройти по местам «боевой славы». Посмотреть, пофотографировать. Зашла в Дмитровский переулок. Дом 2/10 стоит так же, как и стоял в те годы, только покрасили его. А что ему сделается? Сфотографировала окна бывшей халупы, они находятся на первом этаже с краю, два окна. Сейчас в этом помещении какая-то фирма. Дверь железная, туда и не сунешься. Позвонила, выглянул человек — может, охранник, может, и сам хозяин, а может, и еще кто. Но внутрь не пустил. Не положено.

Побродила по двору. В этом же доме, только чуть дальше, в подвальном помещении, находится Центр реабилитации детей-инвалидов «Дети Марии». Какая-то в этом есть связь времен. Ведь я сейчас воспитываю ребенка-инвалида, нашу с Влодовым внучку Маргариту. После всего, что мне довелось пережить, в итоге я пришла вот к этому.

Этот центр вышел на нас по другим каналам, и я с удивлением обнаружила, что он находится именно в том самом доме, где была халупа. И нас с Ритой туда приглашали, я даже один раз туда заходила.

Посмотрела на этих несчастных детей и... поспешила уйти. Мне такое испытание уже было не под силу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЮДИ ВЛОДОВА

Юрий Влодов, как поистине народный поэт, никогда не был один. Около него всегда кто-то находился: ученики ли, женщины. Он был настоящий поэтический король, а короля, как известно, делает свита.

Поэтому в проект «Халупа» я решила, помимо собственно воспоминаний о самом Влодове, включить рассказы о некоторых людях из ближайшего его окружения — тех, кто пробыл рядом с ним долгое время, в том числе в наш халупский период с 1982-го по 1984 год.

Цапин

Владимир Цапин находился около Влодова где-то с конца семидесятых и практически до его последних дней.

Их всех «людей Влодова» для меня Цапин — самый главный, так как именно он познакомил меня с Влодовым в марте 1982-го. Помимо всего прочего, Цапин прошел бок о бок почти через всю нашу с Влодовым жизнь.

А с самим Цапиным меня познакомил один молодой поэт — Валера Романчук, года за полтора до этого. Это произошло на литобъединении «Весы», куда я тогда ходила. С Романчуком они приходили ко мне в гости, и иногда мы вместе проводили какие-то выходные. Но дел лямурного плана у меня ни с кем из них не было, нам и в голову это

почему-то не приходило. Мы были просто поэтическими товарищами.

Долгое время Цапин про Влодова мне ничего не рассказывал. Вообще ничего. Но где-то спустя год Цапин почему-то вдруг решил меня с ним познакомить. Он сказал мне, что есть такой поэт — Влодов, который нигде не живет и что он может меня к нему отвести на какую-то из квартир, где тот в данный момент обретается. Конечно, слово «нигде не живет» меня сильно удивило, я даже не понимала тогда, как такое может быть, чтобы человек «нигде не жил», но тем не менее я согласилась.

В какую-то из суббот Цапин сказал, что я должна в три часа дня приехать на станцию метро «Арбатская», с бутылкой портвейна, и ждать его там. Он сказал, что бутылка необходима, так как Влодов без бутылки никого не принимает.

В назначенное время я приехала, с бутылкой, на «Арбатскую», стояла там, ждала, но Цапин почему-то так и не появился. Впоследствии я узнала, что Влодов в тот раз отказался со мной знакомиться. У него были какие-то другие дела, и мной он тогда не заинтересовался. Так что наше знакомство с Влодовым отодвинулось почти на год.

Через год, когда я уже ходила на студию «Чистые пруды», Цапин пришел туда вместе с Влодовым. (Или, наоборот, Влодов пришел вместе с Цапиным.) В этот раз было обсуждение моих стихов, и в перерыве Цапин представил меня Влодову. Так состоялось наше знакомство.

Потом, после студии, но не этой, а следующей, кажется, мы все вместе поехали ко мне домой, точнее, на квартиру моей сестры, где я тогда жила, а сестра в это время лежала

в больнице. Цапин по дороге потерялся, и мы с Влодовым остались одни. Мы провели тогда вместе ночь, потом встретились еще через неделю на этих «Чистых прудах», а потом и вовсе уже не расставались. Я стала с Влодовым везде ходить, стала его ученицей.

Цапина Влодов тоже называл учеником. Он называл так всех молодых поэтов, которые в то время около него крутились. Влодову в то время, в 1982 году, стукнуло пятьдесят, поэтому на роль учителя он вполне годился. Цапину было года двадцать четыре.

Но на самом деле Цапин для Влодова был нечто большее, чем ученик. Он был в некотором роде поверенным в его делах.

Долгое время, особенно в первые годы моего общения с Влодовым, Цапин почти везде нас сопровождал, он постоянно присутствовал в нашей жизни. Я, правда, не знаю, каким образом он успевал еще и работать, а он работал в типографии газеты «Красная звезда», причем, полный рабочий день. К тому же у него была семья: жена и маленькая дочь. Жили они в отдельной квартире в Измайлово. Не знаю, как ему удавалось совмещать свою собственную жизнь и общение с Влодовым, но каким-то чудесным образом удавалось.

Так что Цапин, будучи адъютантом Влодова, неожиданно-негаданно из моего поэтического товарища превратился для меня как бы в слугу, и мы не могли уже так, как раньше, свободно и запросто общаться. Нам приходилось молча ходить по разные стороны от Влодова. Он был очень ревнивым, и общаться нам с Цапиным между собой не разрешал.

С Цапиным было удобно, потому что он странным образом никого не раздражал. С Влодовым мало кто мог ужиться, но Цапину это удавалось. И он пробыл у него в «учениках» очень долго.

Цапин умел молчать и говорил только тогда, когда ему это разрешали. Он просто отвечал на вопросы, если его о чем-то спрашивали. Он ничего особо не хотел, не привязывался ни с какими просьбами. Это тоже было неплохо. Он никогда не пытался чем-то выделиться, блеснуть и затмить таким образом Влодова, он знал свое место и не лез не только в первые ряды, но даже во вторые, и в третьи.

Он вообще никуда не совался, только молча следовал, куда нужно и делал то, что требовалось в данный момент делать. Также он мог легко переносить какие-то физические трудности или неудобства, что тоже было немаловажно. Например, бессонные ночи или довольно основательную выпивку. Он в любой ситуации держался молодцом и мог себя достойно вести. Даже изрядно выпив, он не только не терял голову, не падал, как некоторые, замертво, а оставался в приличном состоянии и мог помочь отвезти куда-то самого Влодова. Короче, он не доставлял никаких неудобств в общении и был идеальным адъютантом — Его, Великого и Ужасного.

Но что было хорошо, он был не только учеником или слугой, но первую очередь он был своим человеком, — и вот это, пожалуй, главное. Он воспринимался скорее как родственник, как член семьи. Такое же чувство у меня возникло только в отношении к еще одному «человеку Влодова» — Никитушкину. И больше ни к кому.

С Цапиным было комфортно находиться, куда-то ходить, к кому-то ездить. Мы как будто были одни, но в тоже время

с нами кто-то был. И этот кто-то мог в любой ситуации здорово нам помочь. И помогал. Если надо было послать кого-либо за вином в магазин, то посылали Цапина. За сигаретами — Цапина. За хлебом и банкой консервов — Цапина. Встретить кого-либо в метро или на автобусной остановке — опять Цапина. Проводить тоже отправлялся Цапин. Накормить нас на свои деньги, причем без отдачи, частенько призывался Цапин.

Поскольку Влодов сам по дому ничего делать не умел, а иногда все ж таки приходилось, то для этого существовал Цапин. Забить гвоздь, починить замок или кран звали Цапина. Как ни странно он все это умел. Также он частенько помогал переносить тяжести.

Поехать с нами за компанию на электричке в какой-либо Павловский Посад, чтобы не было скучно в длинной дороге, приглашали Цапина. В гости к кому-либо пойти, к каким-либо полузнакомым людям, с которыми Влодов мог чувствовать себя некомфортно, сопровождал Цапин. Он все-таки был своим человеком, и с ним было как-то спокойнее.

На всякие влодовские мероприятия, как-то: дни рождения, поэтические вечера, какие-либо праздники в первую очередь приглашали Цапина. В качестве участника. А как же! Даже когда мы уже жили вполне устроено в Очаково, сначала в 55-й квартире, а потом и в 102-й, он постоянно приходил к нам и на Новый год, и на все дни рождения Влодова. Правда, потом, когда нам внезапно расхотелось что-либо отмечать, где-то начиная примерно с 2002 года, мы перестали кого-либо приглашать, в том числе и Цапина.

Внешне Цапин был похож, как его представляют, на апостола Петра: черные волосы, борода, осанистая внеш-

ность. Мне даже хотелось называть его апостолом Владимиром. Да пожалуй, он так и выглядел — как апостол. И исполнял не просто службу, а нес служение Учителю в лице Влодова.

Вот вспомнилась песня Цапина «Люблю Москву». Он ведь не только стихи писал, но еще и песни. У него была гитара, и он пел эти песни под свой аккомпанемент. Помню, еще на влодовской студии в газете «Московский комсомолец», в конференц-зале, он исполнил эту свою песню. В общем-то, она неплохо звучала, там были такие слова:

В тиши московского двора
Росли со мной Москвы сомненья,
Росли со мной Москвы творенья
Из камня, мысли и добра.
Мой дух пробился, как птенец,
Из скорлупы дворовых сплетен,
Был поначалу незаметен
На фоне солнца и небес.

И припев:

Люблю Москву, ее движенье
И смелый взгляд из-под бровей,
Люблю до головокруженья
Ее Монмартр, ее Бродвей.
Ее Садовые, Неглинку,
И захолустий пустыри,
Ее напевы под сурдинку,
В которых просто воспарить.

Да, неплохая песня, и слова, и мелодия приятные. Помню еще его «Лесных королей», тоже хорошая песня. Вот пара куплетов из нее.

Лесные короли дают последний бал,
Вальсируя опавшими листьями,
На лютнях паутин дрожит слезы кристалл,
И мысли воплощаются устами.

Осенние круги пульсируют в воде,
И снежная постель зовет к ночлегу,
Холодная любовь сковала всех к беде,
Заманивая в сказочную негу.

Еще про какую-то белую девушку он пел, в ритме блюза. Не знаю, почему он с этими песнями никуда не продвинулся. Одно время он даже выступал с ними с какой-то из своих женщин, но потом как-то это все угагло, непонятно почему. Может, он не обладал достаточной напористостью в продвижении своих дел, был очень застенчивым человеком. Поэтому, наверно.

Когда я сама начала писать песни, а это случилось осенью 2000 года, мы стали брать у него гитару, и гитара какое-то время у нас находилась, чтобы Никитушкин, приезжая, мог мои песни сыграть.

Вообще мы у Цапина брали не только гитару. Он был довольно обеспеченным человеком по тем временам. У него была отдельная трехкомнатная квартира в Москве, и дача, и машина. Ну и всякие там дорогие вещи: фотоаппарат, видеокамера. Имелась у него и пишущая машинка. Старинная.

В те годы он приносил ее к нам в халупу, и долгое время мы ею пользовались. Некоторые мои стихи из тех лет напечатаны на ней. Ну и влодовские тоже. Правда, там некоторые буквы западали. И долго она у нас там была. Потом нам понадобились деньги, и мы продали ее Егорову, хоть она была и не наша. А что делать? А потом, Цапин, по-моему, выкупил ее у Егорова — свою же машинку. Н-да! Весело, как говорится, жили.

Кстати, на нашей самой первой фотографии с Влодовым, сделанной Сергеем Мацко во двореке Литинститута в мае 1982 года, с нами вместе запечатлен и Цапин. И на фотографии, которую сделал Руслан Шикаев у себя дома осенью 1982 года, с нами опять же Цапин. В дальнейшем нам было как-то не до фотографий, и вплоть до 1988 года мы с Влодовым вообще не фотографировались, нам даже в голову это не приходило, исключая разве что фото на документы.

Позже, помнится, то ли в конце 2000 года, то ли в начале 2001-го Цапин как-то пришел к нам со своим фотоаппаратом и сделал много снимков у нас дома. Правда, ему пришлось фотографировать только меня, Влодов — не захотел. И самая моя лучшая фотография тех лет: я, со светлыми волосами, стою на балконе, в бархатной шляпе, с гитарой, и выгляжу, как супермодель, — сделана именно Цапиным. Цветная фотография.

Цапин готов был приехать по первому зову Влодова, где бы мы ни жили, чтобы ни делали, Влодов всегда мог на него положиться. На его присутствие, на его помощь. Что бы ни случилось, Влодов тут же хватался за трубку телефона и говорил: «Сейчас вызову Цапина». И Цапин почти всегда приезжал и делал все, что требовалось.

В январе 2005 года на старый Новый год Цапин пришел к нам с видеокамерой и заснял свою беседу с Влодовым. Долго они там говорили на кухне. Липатову звонили, пили какие-то коктейли из банок, и всё это Цапин снимал. Молодец! Там еще Влодов был в здравом уме и твердой памяти, так что нормально получилось.

Влодов где-то в 1993 году, как только оформился в журнал «Юность», где он какое-то время проработал, тут же пригласил туда Цапина. Представил его Липатову, тогдашнему главному редактору, и Цапин стал служить теперь уже двум большим людям.

Липатов тоже начал использовать Цапина как помощника и не мог на него нарадоваться, и не раз говорил об этом Влодову: «Спасибо, вам, Юрий Александрович, за Цапина». Цапин работал у Липатова секретарем-референтом. Он сидел у него в приемной вместо секретарши и, даже когда Влодов уже из «Юности» ушел, Цапин еще долгое время там оставался. Цапин даже организовал там свой литературный альманах «Орфей». Но точно не знаю, в «Юности» он его организовал или еще раньше, когда еще там не работал. Он все-таки выпадал из жизни Влодова на несколько лет. В этот период он вел литературную студию в библиотеке им. Некрасова. Мы очень с Влодовым удивились, когда узнали, что Цапин там ведет занятия. Было очень странно видеть его в таком качестве — руководителем чего-либо. Хотя... почему бы и нет?

Конечно, со временем и Цапин стал не таким покладистым, как раньше. И у него с годами испортился характер и изменилось отношение к Влодову. Но все-таки по сравнению с другими людьми из окружения Влодова его можно считать идеальным учеником, помощником и человеком.

Егоров

Николай Егоров родился в Севастополе, в Москве работал по лимиту в одной из жилищных контор, обслуживающих московские высотки, а также особые объекты, такие, как Олимпийская деревня, например, или Северное Чертаново.

Так вот Егоров работал в какой-то из высоток на Новом Арбате (тогда — проспект Калинина), а жил он первое время в общежитии на Старом Арбате. И вот там, по всей видимости, они с Влодовым и познакомились вроде бы в 1978 году.

Когда мы с Влодовым познакомились (напомню, это случилось в марте 1982 года), Егоров уже жил не на Старом Арбате, а в семейном общежитии на Красном Маяке, в районе Южного Чертанова, это почти у самого леса на окраине Москвы.

Сейчас это район станции метро «Пражская». Но в те годы конечной станцией на той ветке была «Каховская». И от нее еще надо было ехать до этого самого Красного Маяка на трамвае не менее получаса, а то и дольше. Я так подробно описываю, где он жил и как туда добираться, потому что мы частенько к нему ездили: летом, осенью, зимой 82-го года.

Днем Влодов обычно звонил Егорову на работу и договаривался с ним о том, что мы к нему вечером поедем. Егоров соглашался, и мы ближе к ночи туда ехали, в эту комнатенку. Иногда обходились и без метро, садились на трамвай где-то в центре, кажется на Чистых пру-

дах, и ехали на нем до конца. И уходило на дорогу чуть ли не два часа, в общей сложности. Но нам спешить было некуда, времени у нас было навалом, да и Влодову нравилось долго-долго ехать поверху на общественном транспорте.

Так и время можно было убить, и стихи посочинять заодно.

ЕГОРОВСКАЯ КОМНАТУШКА В ЧЕРТАНОВО

Егоров жил очень бедно. Из мебели в комнате у него был только диван-книжка. Диван этот, довольно старый, он тоже не покупал, ему отдал его кто-то из соседей. На ночь он этот диван раскладывал, спал на нем. Потом у него появилось еще и большое кресло-кровать, которое ему тоже кто-то отдал. Шкафа не было. Где он хранил свою одежду, даже не знаю. На окнах висели старые желтые шторы. Да, еще имелась какая-то табуретка, которую он использовал в качестве стола, поскольку собственно стола, даже журнального, у него тоже не было.

Н-да! Вот это и была советская нищета, так сказать, благородная бедность. На полу в этой лачуге валялся клочок старого покрывала, который Егоров использовал, похоже, в качестве ковра.

Ремонт в этой комнате с момента вселения туда он не делал, ему, по всей видимости, даже в голову такое не приходило. И со временем, так как он довольно сильно курил, и прямо в комнате, всё пропиталось дымом, и потолок стал почти черным.

ОН БЫЛ МЕЛОМАНОМ

Но, всё-таки, несмотря на такую бедность, Егоров, в определенном смысле, мог считаться в те годы даже богачом, поскольку у него была дома очень даже приличная стереосистема и довольно основательный по тем временам набор пластинок и магнитофонных записей. Он был заядлым меломаном и ревностно собирал всякие продвинутые музыкальные записи, диски, на что и уходили, собственно, все его, кровно заработанные деньги. Правда, тогда никаких дисков в современном понимании не имелось, это были черные виниловые пластинки: большие и маленькие, а также записи на магнитной пленке для катушечного магнитофона. Бобины такие.

Вот у Егорова был шикарный проигрыватель для таких пластинок (по-моему, их все-таки называли «дисками»), магнитофон для прослушивания записей, а также огромные колонки. Стереосистема занимала всю противоположную от дивана стену, украшая собой это жилище.

Потом, правда, это великолепие нарушили появившиеся в его обиходе небольшой черно-белый телевизор и маленький холодильник «Морозко».

Так что Егорову при всей его бедности было чем гордиться. В те годы, когда все, особенно пишущие, жили не очень хорошо, такое богатство было далеко не у каждого. А за нужными записями он гонялся, перекупал их у всяких там фарцовщиков, меломанов, которые прятались где-то по углам. У него уже были налаженные связи по всему этому делу. Он и сам одно время фарцевал, когда жил на Арбате, что-то там покупал-продавал, чтобы иметь деньги на эту свою страстишку меломанскую.

...И АНТИСОВЕТЧИКОМ

Также Егоров был ярким антисоветчиком. Ему нравилось все западное, советскую власть он проклинал и стихи писал антисоветские. На этой почве они с Влодовым и сошлись. На почве стихов, конечно.

Поэтому помимо увлечения западной музыкой, Егоров еще любил слушать западные радиостанции, разные там вражеские голоса, «Голос Америки» например, или «Немецкую волну», или радио «Свобода».

На тряпки заграничные Егоров, однако, не велся, одевался он в родное, советское, стандартно и скромно: брюки, рубашка, пиджак. Но иногда баловал себя заграничными сигаретами типа «Мальборо» или «Кэмел». Выпивкой особо не увлекался, хотя и не отказывался, если что-то намечалось. Но вел себя вполне пристойно и никогда не напивался.

А ЕЩЕ ОН ИМЕЛ ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Вообще он был одним из немногих знакомых Влодова, которые имели чувство собственного достоинства, что, кстати, большая редкость. Вел себя довольно прилично и другим не позволял в отношении себя никаких вольностей. Он знал себе цену. Хотя что уж это была за цена, даже не знаю. Но все понимали, что вот человек, знающий себе цену. Складывалось такое впечатление, он умел его внушить. И было очень странно видеть такого человека в окружении Влодова, так как вокруг него таким людям, конечно, было не место. Даже не знаю, как они вместе уживались, что у них такого было общего.

Конечно, понятное дело, что Влодов Егорова использовал, он ему был нужен только для того, чтобы время от времени у него ночевать, а заодно и ужинать, иногда он стрелял у него рублик-другой. А вот зачем Егорову нужен был Влодов, даже не знаю. Возможно, поскольку он был-таки пишущим, ему надо было кому-то читать свои стихи, а заодно, возможно, и куда-то их двигать. Может, он надеялся в этом плане на Влодова. Больше Егоров ни с кем, по-моему, из пишущих и не общался.

Да и вообще он ни с кем не общался. Был очень одиноким. Почему — непонятно. Внешне он был довольно привлекательным, импозантным даже — среднего роста, статного телосложения, с русыми волосами и серо-голубыми глазами, приятно так выглядел. По гороскопу Водолей. И одевался прилично, следил за собой — брился, мылся, стригся. Не так, как часто поэты ходят, все оборванные, грязные, патлатые. Нет, он был, несмотря на то что писал стихи, приличным мужчиной. Именно мужчиной. Не мальчиком, не старичком, не мужиком, а нормальным мужчиной, с которым можно было создать семью, нарожать детей и жить за ним как за каменной стеной.

А С СЕМЬЕЙ У НЕГО ТАК И НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Но... вот с семьей у него как раз и не получилось. Он всю жизнь прожил один, так ни разу и не женившись. В чем там было дело — непонятно. Но какая-то причина, видно, была, если у него так повернулась жизнь. Хотя многие девушки из наших знакомых на него заглядывались, но он не

особо на них кидался. Вел себя сдержанно, спокойно и не отвергал их любовь, но и не особо к ней стремился. Занимал выжидательную позицию. Ну вот и довыжидался. Так и остался ни с чем. Жизнь она быстро проходит, не успеешь и глазом моргнуть.

ЕГОРОВ — НЕ ХОТЕЛ БЫТЬ СЛУГОЙ ВЛОДОВА

Отношения у Влодова с Егоровым были более затейливыми, чем с Цапиным. Егоров вот так, как Цапин, за нами никуда не ходил. В этой роли его представить было сложно. На роль слуги он не годился. И человеком он был занятым, чтобы где-то там за нами бродить — он работал с 8.00 до 17.00, от звонка до звонка. Каждый день, кроме выходных, естественно. Отпуск брал непременно в конце августа и ехал к матери в Севастополь. У матери был отдельный дом, и Егоров отдыхал там от московской суеты. Короче, времени на всякие глупости у него не было. Да он и не стал бы этими глупостями заниматься. Так что мы могли только либо приехать к нему в гости вечером после работы, либо пригласить его на какое-либо сборище, мероприятие, так сказать: день рождения Влодова или празднование чего-нибудь, либо поэтический вечер где-нибудь на дому. Такое вот было общение. Но как-то все к этому привыкли и ничего уже менять не хотели.

А так общаться с ним было довольно-таки приятно. Он вел себя скромно, много не говорил, в основном слушал влодовские разглагольствования, а Влодову ничего больше и не надо было. Ему нужен был благодарный слушатель, а также возможность переночевать и перекусить что-нибудь.

ОН УГОЩАЛ НАС ЖАРЕНОЙ КАРТОШКОЙ

Когда мы приезжали к Егорову в Чертаново переночевать, обычно он жарил нам большую сковородку картошки. Она была довольно вкусной, и мы ели ее с удовольствием. Также иногда вместе с этой картошкой нам обламывались и бутерброды с колбасой или с сыром. Не помню, чтобы он нас еще чем-то кормил. Потом был чай и всякие разные разговоры. Влодова с Егоровым, конечно. Я молчала. Кто ж мне даст что сказать! Да мне и сказать было особо нечего.

...И СТАВИЛ НАМ МУЗЫКУ

Частенько после ужина Егоров включал свою музыку, и мы могли вдоволь насладиться новыми зарубежными записями. Влодову вот этот момент был, видимо, не особо приятен, вряд ли он любил слушать музыку, особенно зарубежную, и вряд ли он что-либо в ней понимал. Но он делал вид, что якобы слушает и интересуется этим, хотя я вот сейчас думаю, что он эту егоровскую музыку попросту ненавидел и воспринимал как неизбежное зло, как плату за ночлег. Должен же он был чем-то за него расплатиться. Вот так Егоров доканывал его этой своей музыкой, хотя Влодову, большому скитальцу, она вообще была до лампочки. Иногда его что-то музыкальное и интересовало, но очень ограниченно.

Причем сам Егоров во время прослушивания как бы уходил в себя, он молча сидел на диване, давая возможность полностью насладиться музыкой.

Я толком не помню сейчас, что мы там конкретно слушали, что в те годы было популярно у нас и за рубежом. Я имею

в виду у нас из запретного, а не какие-то там «песни советских композиторов». Из зарубежных дисков, помню, он ставил «Пинк Флойд», то ли «Обратная сторона Луны», то ли «Стена», но что-то такое мощное там звучало. И конечно же «Битлз», свою любимую группу. (Я, правда, ничего особенного для себя в них так и не нашла, что по Битлам все меломаны бесятся, не понимаю.) Ну, там и попса была зарубежная: «Модерн Токинг», «Бони М», «Абба», «Демис Руссос». Это те исполнители и группы, которые я еще до знакомства с Влодовым знала. А после знакомства у меня, как известно, связь с культурой прервалась и было не до музыки. Но какие-то воспоминания остались, и Егоров помогал таким образом их поддерживать.

А из наших запрещенных и полузапрещенных «барабанщиков» он ставил нам в основном Высоцкого и Окуджаву. Влодову почему-то больше нравился Окуджава с его заунывными песнопениями. По просьбе Влодова Егоров ставил пластинку с Окуджавой, и приходилось всё это слушать за компанию, хотя мне эта окуджавская нудьга совершенно не нравилась.

Также были у Егорова записи Аркаши Северного и входившего в моду шансона, блатные песни. Тогда только что объявился Александр Розенбаум, и вот именно у Егорова мы его в первый раз услышали. Еще помнится, он ставил нам эмигрантов: Вилли Токарева, Ивана Рубашкина, а также Галича.

...А ТАКЖЕ СТИХИ БРОДСКОГО

Помнится, как-то он поставил запись стихов Бродского. То ли сам Бродский читал, то ли кто-то, не знаю. Но впечатление от этой записи было не из лучших. Чтение было очень дол-

гим и заунывным, никакого эффекта тогда стихи Бродского на меня не произвели, наоборот, эта запись надолго отвратила меня от них. Стихи Бродского выглядели никак, по моему, и я на долгие годы шарахнулась от его творчества. Влодова Бродский тоже не впечатлил. Ну, он знал его и раньше, но ни тогда, ни после ни за кого не считал.

...И ПЕСНИ ШУФУТИНСКОГО

Но вот песни в стиле шансон нам нравились, и мы с удовольствием их слушали. Тогда такие песни только входили в моду и воспринимались как актуальное музыкальное направление. У Егорова мы впервые тогда услышали и Шуфутинского. Нам особенно понравилась песня, которая началась таким словами: «На Колыме, где тундра и снега метут» — песня про лагерную любовь, от которой щемило сердце. Еще у Шуфутинского была песня про трех китайцев. Слова куплетов я не помню, но припев запомнила.

С добрым утром, тетя Хая!
А-я-яй!
Вам посылка из Шанхая!
А-я-яй!
А в посылке три китайца!
А-я-яй!
Три китайца красят яйца!
А-я-яй!

Припев этот под конец все убыстрялся и убыстрялся и повторялся много раз, так что повеселиться под эту песню

можно было вдоволь. Влодов с удовольствием эту песню слушал, и все просил ее повторить. А потом, когда мы уже от Егорова уходили, все время повторял ее по дороге. Смешная и простенькая такая была песенка, но что-то в ней было необычное.

МЫ НЕ ЗАМОРАЧИВАЛИСЬ НА КУЛЬТУРЕ

Ну вот наша культурная программа в основном ограничивалась этим. Правда, ночью еще слушали вражеские голоса. Это тоже как бы окультуривало.

А вообще Влодов был гением, и ему на культуру было, по большому счету, наплевать. Он никогда этим не заморачивался. Он сам производил эту самую культуру и в любом случае должен был остаться со своим гениальным творчеством в истории литературы, поэтому что ему-то было волноваться?

Кроме музыки, у Егорова больше ничего такого не было. Книг он не имел, лежала, правда на тумбочке пара-тройка штук, но это не в счет. Для того чтобы «окультуриться» книгами, нужны библиотеки! Газет-журналов он не выписывал. Так вот как-то и жил. Незатейливо.

А ПОТОМ МЫ УКЛАДЫВАЛИСЬ СПАТЬ

После всей этой культурной программы мы укладывались спать. Я даже не знаю, как мы все в этой маленькой комнатухе умещались и как Егоров наше нашествие переносил. Ему, наверное, тоже доставляло это какое-то

неудобство. Но раньше люди были не такими привередливыми и как-то вот прилаживались, терпели.

Сам Егоров устраивался на диване. Мне он снимал матрас с дивана и я укладывалась на нем у двери. А Влодов спал сидя в кресле. Но всё было нормально. Мы быстро засыпали и спали как младенцы. И особых неудобств не испытывали, поскольку, собственно, удобств никаких в жизни и не имели.

СОСЕДИ ЕГОРОВА И ДРАННАЯ РАСКЛАДУШКА

Егоров в этой квартире жил с соседями, которые занимали две другие комнаты. Это была семья Хилуков: муж, жена и двое маленьких детей. Они периодически уезжали гостить к своим родственникам в Барнаул, и в квартире оставался один Егоров. В такие дни нам можно было свободно ходить по квартире, мыться в ванной, готовить на кухне. Но самое главное — кому-то из нас можно было спать не в комнате, а в коридоре. «Кому-то» — ясно, это мне конечно. Егоров со своего дивана куда-то в коридор не пошел бы, Влодов тоже из комнаты один не пошел бы. Значит, только я могла.

У Егорова вдруг объявилась какая-то дранная раскладушка, он стал ставить ее в коридор, когда соседей не было, и я на ней спала. Вскоре ровно посередине она начала рваться, дырка становилась все больше и больше, пока раскладушка не разорвалась совсем: от края до края. Но все равно даже на такой постели я умудрялась как-то спать.

Вот такие у нас были контакты с Егоровым. Мы довольно долго к нему ездили, пока свое жилье не появилось.

А появилось оно очень нескоро, года через два после нашего знакомства с Влодовым, и первоначально — в области, довольно далеко от Москвы, так что заезжать к Егорову и ночевать у него был какой-то смысл. Ведь мы у него не только спали, но и ели, ужинали. Тогда еда тоже была для нас большой проблемой, когда совсем денег не было.

ОН БОЯЛСЯ НАС ОСТАВИТЬ В СВОЕЙ КОМНАТЕ ОДНИХ

Но больше чем на одну ночь мы у него никогда не оставались. Он боялся нас оставить в своей комнате одних. Так было заведено. Даже если нам и идти было некуда. Все равно. Если был в этот день выходной, то мы сидели у Егорова где-то до обеда, часов до двух-трех дня, а если был рабочий день, то уходили вместе с ним рано утром на остановку. В своем жилье он бы нас одних ни за что бы не оставил, если, допустим, он бы на работу пошел, а мы бы днем у него в комнате находились. Нет, об этом не могло быть и речи. Он своей комнатой дорожил и боялся, как бы Влодов к нему ненароком не вселился, да еще с какой-нибудь подругой в придачу.

И правильно боялся, потому что Влодов так частенько и делал. Но в случае с Егоровым этот номер у него, видно, так и не прошел, хотя, может быть, он когда-то пытался это сделать. Но Егоров, наверное, сразу очертил границы возможного в их отношениях: дружба дружбой, как говорится, но сюда лучше не заплывать. И Влодов прекрасно понял, что с Егоровым этот номер не пройдет, не тот он человек. И довольствовался тем, что он мог ему дать. Поэтому и могло так долго продолжаться их общение.

ИНОГДА ОНИ ПИЛИ И ПОРТВЕЙН

Вместо чая Влодов с Егоровым частенько пили портвейн. Влодов еще днем по телефону приказывал Егорову купить бутылку. Ну, Егоров покупал. Именно он и покупал. Не помню, что бы мы с какой-то бутылкой приезжали. Влодов на свои деньги спиртное не покупал, это было не в его правилах, даже если у него водились деньги. Нельзя было представить, чтобы он снизошел до того, чтобы к кому-то из графоманов прийти со своей бутылкой. Это было бы уж слишком! Угощали только они его, и никак не иначе! И себе лично он никогда спиртное не покупал, поскольку один не пил (я — не в счет).

Ну так вот, с Егоровым они пили портвейн, правда, не всегда, но частенько. И довольно культурно после этого разговаривали. Влодов в данном случае почему-то не напивался как свинья, как он это обычно делал — напиться и отключиться. Нет, оказывается, он вполне мог себя адекватно вести. Может, его Егоров в какой-то мере дисциплинировал своей приличностью. Не знаю. Но я думаю, что где-то в глубине души Влодов понимал ту нехитрую истину, что, если он здесь напьется и будет после этого хулиганить, Егоров может его элементарно выгнать. А идти куда-то среди ночи по темному Чертанову не особо хотелось. Поэтому Влодов и мог держать себя в руках тогда, когда это было необходимо.

Хотя бывали случаи, что он нападал на Егорова, но не у него дома, а на своей или какой-либо нейтральной территории. И я помню пару-тройку таких случаев. Ведь Егоров Влодова все-таки иногда раздражал, нельзя сказать, что их общение было таким уж безоблачным. Влодов до поры до времени свое раздражение сдерживал, но в итоге оно все-

таки прорывалось наружу. Егоров любил порой спорить, мог неожиданно завестись по какому-либо принципиальному вопросу. Но в Чертаново Влодов себя сдерживал, а вот на нейтральной территории или там, где он в данный момент жил, мог напасть и на Егорова, и тому ничего другого не оставалось, как спастись бегством.

Вот на Цапина Влодов так не нападал, чтобы тот от него бегал, Цапин был единственным, кого Влодов почему-то никогда не гонял. А так — всем доставалось. Ну и Егорову в том числе. В основном это было тогда, когда Влодов сильно напивался. Егоров, видя, что дело идет к тому, что сейчас что-либо подобное начнется, предпочитал заранее уйти, ссылаясь на неотложные дела. И правильно делал, потому что, в общем-то, могло ему достаться.

Но в некоторых случаях он уйти не успевал, особенно тогда, когда они пили с Влодовым вдвоем и Влодов был у себя дома. Тогда он начинал привязываться к Егорову, обзывая его графоманом, и даже пытался угрожать ему мойкой* или ножом например.

КАК ВЛОДОВ ГОНЯЛ ЕГОРОВА НА МОСКВИНА

Помню, в пустой жэковской квартире на улице Москвина, где мы с Влодовым какое-то время жили, пришел к нам как-то Егоров, выпили они с Влодовым портвейна, и Влодов на него напал. Егоров кинулся к выходу, а дверь была закрыта на взрезной замок, изнутри ее вот так просто не откроешь, а ключ был у Влодова. Егоров тупо и безуспешно ломился

---

* Мойка — лезвие к безопасной бритве (*криминал. жарг.*).

всем телом в закрытую дверь, но выломать ее не получалось, а Влодов нависал сзади с каким-то тупым ножом, повсякому его обзывая и пытаясь пырнуть. Правда, пырнуть реально так и не решился. Да и не особо, видно, хотел. Просто для остротки его пугал, чтобы тот не пушил перья.

Я со стороны все это наблюдала, и мне было смешно. Я понимала, что Влодов просто над ним издевается, ничего серьезного не собираясь делать, потому что если бы он хотел это сделать, то сделал бы сразу. Но Егорову в такой ситуации это было сложно объяснить. Наконец Егоров понял, что отсюда так просто выйти не получится. Поэтому постарался как-то успокоиться и уладить ситуацию по-другому. Влодов тоже решил успокоиться, потому что, видно, достаточно Егорова напугал, а дальше продолжать не имело смысла. Они прошли в комнату и еще там какое-то время разговаривали, потом Влодов отпустил Егорова подобру-поздорову.

Когда случались какие-то ссоры, все они происходили в основном по вине Влодова. Влодов на следующий день звонил Егорову на работу и пытался уладить ситуацию и даже, если необходимо, просил прощения, если был в чем-то виноват. Егоров великодушно прощал. И общение продолжалось снова. И все эти происшествия никак не влияли на их отношения, как будто ничего и не происходило.

НЛО, АЖАЖА, МАРСИАНСКИЕ СФИНКСЫ И ПРОЧЕЕ

Егоров до поры до времени был дубовым материалистом, но Влодову в какой-то момент удалось заморочить ему мозги НЛО. Он сам этой темой тогда, в начале восьмидесятых, увлекался, ну и Егорова подвинул. Причем Егоров не просто

начал писать стихи о НЛО, а пошел гораздо дальше: вступил в уфологическое общество под руководством профессора Ажажи, какие-то статьи стал писать о сооружениях иномирцев на Марсе. Помнится, одну из статей Влодов помог ему напечатать потом в «Юности».

Поскольку Егорову нечем было жить, он прикипел к этой теме всерьез и с пеной у рта доказывал каким-то, подвернувшимся под руку графоманам, энзэлэшные истины. Ему стало что делать, о чем говорить. Он стал человеком увлеченным, пылающим своей идеей. И нетерпимым к инакомыслящим. Н-да! Для меня это было грустное зрелище. Тот, нормальный Егоров, мне нравился больше. Со временем пыл его угас, но это произошло не скоро.

СТИХИ ЕГОРОВА С ПРЕДИСЛОВИЕМ ВЛОДОВА

Егоров писал довольно сносные стишки, профессиональные, мастеровитые, я бы так сказала. Особенно удавалась ему рифма, сложная, составная. Он как-то изощрялся в ней. Влодов даже гордился им как учеником и с гордостью представлял его другим пишущим: «Вот Егоров — мой ученик!» Основной темой его писаний была антисоветчина, всякие проклятия в адрес советской власти.

Потом у него еще одна тема объявилась: НЛО. Это произошло в тот момент, когда он этими самыми НЛО увлекся.

Сказать чтоб мне нравились его стихи — нет. Они не в моем вкусе. Я не любила антисоветчину, всю эту сатиру и юмор, проклятия эти в адрес кого бы то ни было.

А некоторые стихи посвящены непосредственно Влодову, и не просто посвящены, а написаны с него. Таким образом,

ему в какой-то мере удалось запечатлеть образ Влодова в своих стихах.

Кстати, Влодов написал предисловие к его стихам для книжечки «Марсианский “Сфинкс”». Привожу это предисловие, одно из немногих реальных влодовских предисловий, так как именно Егоров был его настоящим учеником.

Автор небольшой, но яркой и самобытной книги «Марсианский “Сфинкс”» — самоцветный талант, равный (не убоюсь сравнений) маршалам былой стихотворной эпохи — Твардовскому или Сельвинскому.

Мощь книги определяет первичность темы и оригинальность подачи текстов. Так же как и в другой своей книге «На русской Голгофе», Николай Егоров идет непроторенными путями в области языка, в области эпитетов и рифмы.

Поэт и уфолог зрительно и духовно соприкасается с другими мирами, осязает их, ратует за воссоединение Земного Разума с инопланетной цивилизацией, оставившей свои маяки на Марсе или острове Пасхи. Это не фантастика. Это — явь. Поэт не единожды видел корабли чужемирцев, следил за их передвижением, постигая непостижимое...

Хочу привести здесь некоторые строфы из стихотворения Егорова «Уборщица» — для лучшего понимания его творческих способностей, а также и для воссоздания атмосферы тех лет.

И в полный шаг, и в полу-,
Кто тучен, кто поджар, —
По мраморному полу
Спешат как на пожар

В подземном переходе
Метро! По норме тут
И при любой погоде
Старухи сор метут!

Им что? — ни лак, ни пилки
Не тронут их ногтей!
Весь день гребли опилки,
Натужься да потей!

Со шваброй сами нервы
Таская на цепи,
Каблук блатной Минервы,
Смотри не зацепи!

Ищи потом, кто прав! Да,
Хоть горек пот, уже
Подумать, так и правда —
Работа по душе!

А ну давай, «пехота»,
Скоблить да вытирать,
Поскольку всем охота
В ударниц выйти рать!

Водой — да чисто тою! —
Наполни-ка ведро,
Прославь-ка чистотою
Родимое метро!

7 декабря 1984

И вот еще фрагмент из другого стихотворения:

Времена и поэты

Древний мир таит в себе угрозы:
Голод, мор, холеру и чуму.
А поэт — с куста срезает розы
И, конечно, знает почему!

Хорошо зимой у жаркой печки:
Пей, пляши, живи хоть триста лет.
А поэт — спешит на берег речки,
Чтоб подставить грудь под пистолет!

Жирным пузом с ялтинского пляжа
Метит в небо питерский «атлант»!
А поэт — шнурком от саквояжа,
Убивает собственный Талант!

На работе, за прогул по пьянке,
С занесеньем влепят строгаща.
А поэт — за правду — на Лубянке
Получает пулю палача!

1982

Василец

Ира Василец — давняя знакомая Влодова, они познакомились задолго до меня, где-то в году 1978-м, у Азар-Грановской. (Жила такая старорежимная старушка на Мясницкой, которая знала Блока, говорила, что он посвящал ей стихи и стоял перед ней на коленях.)

Ирине было в то время примерно 26 лет.

Жила она тогда в большой съемной комнате на Светлом проезде, 4. Это в районе метро «Сокол» или «Войковской». А от метро еще несколько остановок на трамвае.

Но мы частенько к ней ездили, так как ее дом был одной из опорных точек маршрута, по которому мы курсировали тогда в том районе. На северо-западном направлении от нашей халупы находилась и комната Руслана Шикаева.

Навещали мы Василец часто, но ночевать у нее почему-то не оставались. Хотя комната у нее была большая, раза в полтора больше, чем у Егорова. И помимо кровати там стоял еще и большой кожаный диван. Но... нет. Как-то не сложилось с этим делом именно у нее. Не у всех еще это было можно. Зато у нее мы могли поесть, выпить, посидеть и поговорить.

Василец не принадлежала к разряду пишущей интеллигенции, но интересовалась искусством и литературой, в частности ее тянуло к творческим людям. Ей, видимо, хотелось быть в курсе разных событий и дел в культурной жизни. Конечно, Влодову это нравилось. Он мог пушить перья перед ней, являя свою гениальность во всей красе, а Ира, будучи благодарным слушателем, с удовольствием внимала всем рассказам Влодова.

Разговор, естественно, происходил за бутылкой какого-либо недорогого вина: портвейна или сухого, — так они и коротали вечерок. Я сидела рядом, либо за столом, либо на диване, но ничего не говорила, а только слушала и созерцала происходящее. Они еще и дымили как паровозы. Вот такое у них было творческое общение.

Иногда на эти посиделки Влодов прихватывал с собой и Цапина. Но в основном как-то обходились. Василец тоже была своим человеком и особо не напрягала. Она ничего от Влодова не хотела, так же как и он от нее, ну, помимо самих этих посиделок за вином с закуской и болтовней.

Ирина была девушкой крупной, высокого роста, с темно-русыми, почти каштановыми волосами, с карими глазами и довольно симпатичная. Она носила очки, но не обычные, а с затемненными стеклами.

Она была из семьи военного инженера и являлась довольно обеспеченной особой, родители ей помогали материально очень существенно, а сами они жили в одном из закрытых научных городков где-то в Горьковской области.

Училась она в Москве в очень престижном по тем временам вузе — в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза, попросту — инязе.

Одевалась она довольно хорошо. У нее был и черный кожаный плащ, и кожаное пальто с чернобуркой. И множество всяких юбок, которые у нее висели на спинке стула. И однажды я, от нечего делать, стала их считать и насчитала ни много ни мало — аж двенадцать штук! По тем временам стоило это довольно дорого. А кожаное пальто, — так это вообще нечто! И съемную комнату она оплачивала, что тоже было недешево.

Она была человеком разумным, не было у нее в голове никаких безумств и неконтролируемых эмоций. Никаких вольностей она себе не позволяла.

Влодов, видимо, с ней никаких сексуальных контактов не имел, да и не стремился к этому. Она скорее была товарищем, но не объектом для безумств. Вряд ли от нее можно было потерять голову, несмотря на то что внешне она выглядела довольно приятно. Ну и она по отношению к Влодову тоже, по всей видимости, никаких чувств не испытывала. Он был героем не ее романа.

Влодов частенько приглашал Василец на какие-нибудь устраиваемые им вечера, выпивки, дни рождения, на отмечаемые октябрьских либо майских праздников. В мастерскую к Гене ли Доброву, в подвал ли к Штыпелю, в халупу ли или еще куда. Ирина была из тех, кто всегда присутствовал на этих вечерах. Тогда так называемая интеллигенция, с удовольствием ходила на творческие вечера, люди читали, слушали, смотрели, — не в пример сегодняшнему времени, — и далеко не все писали, слава богу! Вот Василец была из таких.

У нее была своя студенческая компания. Постараюсь вспомнить имена-фамилии: Нина Затевахина, Маша Орлова, Таня Кобизева. Их много что, видимо, связывало, поэтому они достаточно интенсивно общались.

Мы же активно общались с Василец с лета 1982-го до начала лета 1983 года. Потом, к середине 1984 года, когда переехали из халупы в Электрогорск, в Московскую область, мы ее как-то потеряли из виду. У нас тогда появилось уже свое жилье. Влодов еще какое-то время ей звонил и приглашал на всякие сборища. А к ней мы уже не ходили, и было нам с ребенком вообще-то не до того, у нас началась другая жизнь.

Но Влодов чисто телефонно с ней какое-то время общался и периодически сообщал мне всякие факты из ее жизни, например, что она уже заполучила ту комнату, которую снимала. Потом каким-то чудесным образом, с доплатой, поменяла эту комнату на две комнатки в переулках Старого Арбата. Мы даже как-то заходили к ней туда в гости. Потом она вышла замуж и родила сына. Впоследствии развелась и вышла замуж за писателя Льва Щеглова.

И мы опять ее надолго потеряли. В то время мы не раз переезжали с места на место, и она переезжала, поэтому сложно было поддерживать контакт. Потом Влодов из чело- века, живущего на полузаконных основаниях, не пойми как — без документов и денег, без жилья и прописки, вдруг стал превращаться в нормального гражданина. Прежний характер общения уже был утрачен, а как вести себя в новом статусе, было непонятно. В реальном образе он по многим параметрам не тянул.

Через некоторое время Василец с Арбата куда-то переехала, в какую-то отдельную квартиру, и мы ее потеряли совсем.

Потом уже, когда я сама стала заниматься литературными делами, вступила в Союз писателей, стала ходить в ЦДЛ на мероприятия, я встретила ее случайно на одном из вечеров. Она дала мне номер своего мобильного и сказала, что живет сейчас с сыном где-то на Страстном бульваре в отдельной квартире. Муж ее, Лёва Щеглов, к тому времени давно уже умер.

Она, конечно, сильно за эти годы изменилась. Лет прошло много. Влодов был тогда еще жив, я дала ему ее телефон, он ей звонил, и они какое-то время общались. Но это было уже не то общение, что раньше.

Потом я пригласила ее на свой творческий вечер в ЦДЛ, который состоялся 29 мая 2009 года. Она пришла, и после вечера мы с самыми близкими моими друзьями пошли пообщаться в ближайшее кафе, что в высотке на площади Восстания. Но там было слишком шумно, и мы через некоторое время ушли из кафе и расположились во двореке неподалеку. Сделали даже фото этих посиделок.

Затем я опять ее встречала на каких-то других мероприятиях в ЦДЛ. Мне сложно было с ней общаться одной, без Влодова. Я не знала даже, как с ней выстроить отношения. Я же не была для нее творческой личностью, самостоятельной единицей, а так, только лишь бесплатным приложением к Влодову, поэтому общаться там было как-то затруднительно, и я не особо стремилась к такому общению. Потом уже, когда Влодов умер, мне стали дороги все кто, имел к нему какое-либо отношение. Мне хотелось побеседовать с ними, чтобы они рассказали мне о нем то, чего я, может быть, не знаю.

Когда в издательстве «Время» вышла из печати моя книга стихов «Кофейная девушка», — это произошло 7 октября 2010 года, — я, получив часть авторских экземпляров, отправилась с ними в Государственный литературный музей в Трубниковском переулке. Там я должна была встретиться с Радой Полищук, написавшей предисловие к «Кофейной девушке», и подарить ей книгу. А в музее как раз был вечер поэтессы из Израиля Елены Аксельрод. У нее тоже вышел в издательстве «Время» поэтический сборник, и тоже с предисловием Рады. Ну как-то так совпало. А я в издательстве ради любопытства взяла книжку Аксельрод. Я слышала о ней, но никогда ее не читала, и вот решила заодно познакомиться с ее творчеством.

На этом вечере я опять встретила Василец, она сидела в самых дальних рядах. Она сама меня окликнула. Я уж никак не ожидала ее в таком месте встретить. В ЦДЛ еще понятно, туда многие ходят, но в музей, на поэтический вечер! Я подарила ей свою книжку, а также показала книжку Елены Аксельрод. Ее книжкой она основательно заинтересовалась, долго ее листала, читала даже. Я все-таки спросила ее: пишет ли она сама? Она сказала, что нет. Я выразила удивление по поводу того, зачем она ходит на эти скучнейшие литературные мероприятия, на которые нормального человека и калачом не заманишь? Она ответила что-то типа: «Ну что ж мы уж совсем, что ли!..» Меня это как-то даже почему-то поразило.

Да, все-таки непишущим людям лучше, чем пишущим: есть к чему приобщаться, к чему стремиться. А пишущим ни до чего нет дела! Для них никакой мировой культуры не существует, только они сами. Вот так. Я даже ей тогда позавидовала: вот бы мне так — не писать самой, а просто приобщаться бы к культурному процессу.

Я пригласила Ирину к себе домой, отметить день рождения Влодова — 6 декабря. Он очень любил отмечать свой день рождения и всегда приглашал всех своих знакомых, в том числе и Василец. Еще в тот день я пригласила и Цапина. И вот они пришли. Правда, отмечали немного раньше, 4-го числа. Это я так назначила. Потому что 6 декабря был будний день, а они в будни работали: и Цапин, и Василец. Я пообещалась с ними, сняла это все на видео и выложила потом в Интернет.

Осенью 2012 года Ирина приходила на презентацию книги Влодова «Люди и боги» в «Дачу на Покровке», а потом 5 декабря на его юбилейный памятный вечер в ЦДЛ.

Света Пигарева

Да, мы так ее и звали: «Света Пигарева». Ни «Света», ни «Пигарева», а именно «Света Пигарева».

С одной стороны, эта дама была полной противоположностью Василец, если Василец была спокойна, как удав, то Света Пигарева взрывоопасна, как порох. Очень эмоциональная особа, экзальтированная. Поэтесса. Да.

Жила она в Кунцево, где-то в районе Рабочего Поселка. Удобнее всего к ней было ехать на электричке с Белорусского вокзала, так было ближе пройти. Ну а на метро даже не знаю, до какой станции потом надо ехать, то ли до «Молодежной» (а была ли тогда «Молодежная» или она позднее появилась, не имею понятия), то ли до «Кунцевской», и как потом идти, тоже не знаю. Но так мы тоже ездили к ней, и долго потом шли какими-то дворами. Одна бы я никак там не сориентировалась. Я хорошо помню только сам домик, где жила эта Света, то ли двух-, то ли трехэтажный, какой-то необычный дом этот был, нестандартный, из керамзита. Немцы, по-моему, строили после войны.

Квартира ее находилась на втором этаже, дверь слева. Однокомнатная, очень маленькая: комната метров пятнадцать, кухня метров шесть.

Она жила вдвоем со своей старой матерью, а чтобы та не мешала ей налаживать личную жизнь, устроила ее на кухне, сделав из кухни еще одну комнату. Плитку же поставила в ванную. Да, вот такая, несколько странноватая у нее была квартирочка с этой, двухконфорочной плиткой на табуретке в ванной.

Мать ее мы никогда не видели, она всегда находилась в своей комнате. Но Света была с матерью не в ладах и периодически, когда заглядывала в «комнату» матери, с ней все время переругивалась.

Света была видной женщиной: высокий рост, длинные светло-русые волосы, убранные в какую-то прическу. Челку она не носила и зачесывала волосы назад. Носила очки. Было ей в то время лет двадцать восемь, но выглядела она на тридцать с небольшим. Довольно основательно она выглядела, как серьезная молодая женщина. Если бы не ее экзальтированность, которая портила все, она выглядела бы вполне нормально.

Она работала продавцом в книжном магазине, в те времена это было довольно завидное место. Профессия считалась полезной и пользовалась уважением у интеллигенции. Ведь Света имела доступ к дефицитным в то время книгам, и многие завидовали ее возможностям. Книги у нее стояли в этой маленькой комнате в двух или в трех шкафчиках. Тогда это было целым состоянием, столько книг!

Но Влодову они были до лампочки. Ему тогда было не до книг. А я так посматривала на эти книги, но мне в то время тоже было не до чтения. К Свете мы приходили именно ночевать, а не вести умные беседы, как у Василец. Ну и ходили, естественно, до того момента, как появился ребенок. Один раз, помнится, и с ребенком к ней пришли.

Со Светой Влодов тоже разговаривал, но тут уж был несколько иной разговор, чем с Василец. Не товарищеский, нет. Свету товарищем никак нельзя было назвать. Она была «вся из себя дама». С одной стороны, она тоже корчила из себя интеллигенцию, но все-таки это была уже другая интеллигенция, так сказать, более низкого уровня. Ведь она

закончила только библиотечный техникум, в отличие, например, от Василец, с ее инязом. Поэтому уровень Светиной интеллигентности был гораздо ниже, ну и к тому же она еще писала. А что может быть хуже для женщины?

Света, как женщина, Влодова, я думаю, совершенно, не привлекала, она была слишком громоздкая для него, да и женского в ней было совсем немного. Не обладала она вот такой, чисто женской приятностью, привлекательностью, шармом. Естественно, она мечтала выйти замуж, но что-то ей никак это не удавалось. А годы шли.

Думаю, что Влодов тоже не был героем ее романа, ей все-таки, как женщине видной, требовалась определенная мужская стать, а не только гениальность. Гениальность — это, конечно, хорошо, но хочется чего-то большего.

Свете требовалось мужское внимание, ухаживание, но Влодов ей этого дать не мог. Так что ничего такого, наверное, между ними не произошло, хотя, может, что-то и было разово. Но Влодов мне ничего про это не говорил, хотя обычно он такие вещи не скрывал.

Свете, хотя она и была достаточно крупной женщиной, нравились мужчины маленького роста. И она в процессе разговора обсуждала с Влодовым эти свои контакты. Особенно тех мужчин, которых он тоже знал, общих знакомых.

В основном только об этом и говорили — обсуждались какие-то чернобровкины, люстровы, кальяновы и прочие, как она их называла, «неаполитано». Каким страстям она с ними предавалась! Ну конечно, подробностей она так уж не выкладывала, но общую эмоционально-сексуальную картину представляла.

С одной стороны, это было, конечно, забавно, и Влодов с удовольствием поддерживал разговор, подшучивая над

всеми ее любовниками, над всякими «итальяно-неаполитано». А потом, когда мы уже уходили от нее, он по дороге или дома уже шутил над ней и ее мужчинами, представляя все это в лицах, изображая Свету, как она, заламывая руки, восклицает: «Иди ко мне, о неаполитано!»

Другой темой их разговоров были, конечно же, стихи и публикации. Света порой читала Влодову что-то свое, но немного, пару-тройку стихотворений, Влодов что-то говорил по ним. Также и Влодов читал ей потом что-то свое, рисуясь своей гениальностью.

О чем она писала? Бог ее знает, ни о чем, как говорится. О любви, по всей видимости, о страсти. Ни одной строчки из ее стихов вспомнить не могу, значит, они были никакие. Но графоманией такой уж их назвать было нельзя, стихи она писала вполне сносные, их можно было даже печатать.

Однажды ей удалось напечатать одно свое стихотворение в журнале «Москва» в какой-то общей подборке молодых. Тогда заведомом поэзии в «Москве» был Анатолий Парпара. Она очень гордилась этой публикацией, пыталась потом что-то еще там напечатать, но никак не удавалось. Еще она долгое время была влюблена в кого-то из альманаха «Поэзия», по-моему, это был Красников. Она тоже пыталась пробиться в этот сборник, но и это у нее не получилось. И разговоры также постоянно шли об этом Красникове и о Парпаре, еще упоминался Старшинов.

Все общение, естественно, велось за бутылкой дешевого портвейна либо сухого. Водку тогда, как ни странно, особо не пили.

Ну и конечно, Света что-то готовила на своей плитке, в ванной. Что? Даже не могу вспомнить. Но не особо мудре-

ное. Может, котлеты какие. Может, гуляш. Но что-то мясное непременно было. Мясо она любила и в обязательном порядке ела. Она говорила, что после того как поест мяса, она просто летает. Сил прибавляется и все такое. Ведь для любовных страстей тоже нужны были силы. Не из редиски же их брать! Также утром непременно подавались сыр и кофе.

Все-таки у нее был более налаженный быт, чем у Василец, и тем более у Егорова, так как Света была москвичкой и у нее изначально имелось собственное жилье. По съемным квартирам и лимитным общагам она не скиталась, нет. Она не только питалась, как положено, но и следила за собой. И в доме у нее была чистота. Причем идеальная. Правда, и у Василец тоже было достаточно чисто. Интересно, как им это удавалось, при их-то стремлении к искусству, к творческому общению? Даже не знаю.

Помимо книг у Пигаревой был проигрыватель, радиола. Она частенько ставила нам музыку, пластинки с песнями. Под эту музыку она, наверное, раздевалась перед своим очередным неаполитано и танцевала с ним танец любви!

Влодов любил у нее слушать Окуджаву и Новеллу Матвееву. Вот эти заунывные песнопения приходилось и мне за компанию слушать. Когда пластинка заканчивалась, Влодов просил ее повторить. И бесконечно несло: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия... Мостовые твои подо мной стучат».

И-да! Хотя Новелла Матвеева мне нравилась.

После всех этих возлияний, разговоров и песнопений, ложились спать. Мне доставали раскладушку, а Влодов спал сидя в кресле. Я не знаю, как ему это удавалось, но он всегда так спал, там, где какое-либо кресло было. Ему, скорее, не совсем удобно было спать лежа, со своим-то горбом.

Правда, не всегда все кончалось мирно, иногда Влодов скандалил. Света своей экзальтированностью его раздражала. Трезвый он еще это терпел, а вот пьяный — не всегда. И дойдя до кондиции, порой начинал ее оскорблять, обзывая графоманской рожей. Доставалось и мне. Ну мне, по большей части, и доставалось, хотя я, как правило, была ни при чем. Но надо было кого-то гонять, и он гонял меня. Не хозяйку же квартиры гонять, а кого-то — все же требовалось. Вот для этого существовала я. Я выбегала на улицу, и, сделав пару кругов вокруг дома, возвращалась назад. Он к этому времени уже остывал. У нас была договоренность, чтобы больше двадцати минут я в таких случаях не отсутствовала, даже если он меня и прогонял, иначе он меня прогонит навсегда. Ну да ладно.

Еще у Светы был телефон, и Влодов, удобно устроившись в кресле, многим от нее звонил. А поскольку Света жила все-таки в отдельной квартире, он мог говорить подолгу, не опасаясь натиска соседей.

Телевизора, по-моему, у нее не было. А может, и был, но я не помню, чтобы она его когда-либо при нас включала. Скорее всего, телевизор стоял в «комнате» у матери.

Это общение со Светой Пигаревой происходило в 1982—1983 годах, до рождения ребенка. Тогда мы частенько к ней приходили. Я, помню, мылась в ее ванной, а Влодов мыл голову и брился. Вот еще и за этим мы туда, к ней ездили, так как в халупе, где мы тогда обитали на птичьих правах, этого делать не могли.

Света тоже была из тех, кого Влодов постоянно приглашал на всякие вечера, мероприятия, дни рождения, и она непременно приходила. Вечера, естественно, тогда были не в ЦДЛ, а в каких-нибудь подвалах-чердаках-халупах, фигу-

рально выражаясь. Неофициальные это были вечера, подпольные. Но народ на них валил валом.

Конечно, после того как у нас родился ребенок и мы получили свое жилье в Электрогорске, мы уже к ней почти не заходили. Слишком это было далеко и не имело уже никакого смысла.

Потом мы на долгое время потеряли друг друга, так как не только мы переехали, но и Света, им с матерью дали новую квартиру. Когда Света еще жила в Кунцево, Влодов по старой памяти ей звонил, надо же было ему с кем-то трепаться.

Потом, когда он начал работать в «Юности» (это 1993—1998 гг.), она вдруг объявилась. Дала ему свой новый телефон и адрес, пригласила в гости. И мы с Влодовым как-то съездили к ней в домой. У нее была отдельная однокомнатная квартира в новом доме на «Домодедовской». Конечно, эта новая квартира была лучше той, кунцевской, но мне там не понравилось, в прежней как-то было приятнее. А в новой было настолько чисто, что даже страшно становилось.

Замуж Света, похоже, так и не вышла, жила одна, хотя лет ей было уже довольно много. Вот так сложилась ее жизнь. В литературном плане она тоже никем не стала.

Больше я ее после той встречи ни разу не видела. Никаких общих фотографий со Светой Пигаревой у Влодова не было, да и вообще ни одной фотографии ее самой у нас не сохранилось.

Смагин

Смагин жил в Павловском Посаде. Это городок располагался примерно в 70 км от Москвы, и ехать туда нужно было с Курского вокзала по Горьковскому направлению.

Но мы частенько туда ездили. Как говорится, для бешеной собаки семь верст не крюк! Для меня сейчас это большое расстояние, но тогда почему-то все было легко и просто: сели и поехали. Не сложнее чем мне сейчас от «Юго-Западной» до «Чистых прудов» проехать.

Павловский Посад находился недалеко, всего в четырнадцать километрах от Электрогорска, где в свое время был прописан Влодов. Поэтому-то, наверно, у Влодова в Павловском Посаде и завелись друзья-знакомые, из пишущих конечно.

Владимир Смагин и был таким пишущим, прозаиком. Смагин — это творческий псевдоним, а настоящая его фамилия — так и вовсе очень странная — Собака. Нам и настоящая его фамилия, и даже имя были ни к чему, мы звали его просто Смагин.

Ему в то время было то ли под сорок, то ли немного за сорок. Собственной семьей он не обзавелся, жил вместе со своей старушкой-мамой в двухэтажном деревянном доме на несколько семей, на втором этаже. У них были две комнатки, мамина — проходная, а сам он занимал дальнюю комнату. В комнатках было чисто и уютно.

Дом их находился довольно далеко от вокзала, и надо было идти минут двадцать, а то и полчаса до него. Может, какой автобус и ходил в их сторону, но мы всегда добирались пешком по каким-то замысловатым улочкам. Назва-

ние улицы, где жил Смагин, я толком не помню, но она уходила влево от главной городской площади. Очень смутно помню эту дорогу. Сам же дом помню хорошо. Темно-коричневый, почти черный деревянный домишко. Вход — со двора. На второй этаж, к Смагину, вела широкая деревянная лестница.

Смагин был такой базовой опорной точкой у Влодова в тех краях да и в Московской области. И Влодов многих к нему возил, не только меня. Все его знакомые там перебивали. Зачем мы туда ездили, к этому Смагину, даже не знаю. Вопрос вопросов. В такую даль. Даже толком не могу вспомнить, что мы там делали. Но, с другой стороны, конечно, понятное дело, зачем ездили: поесть надо было, может быть выпить (Влодову), может переночевать, рублишко какой стрелнуть. Ну не знаю. Но дело в том, что Смагин сам был человек очень бедный, так что «поесть» и «стрелнуть денег» — тут как-то не звучало. По правде говоря, скорее неимущий чем-то поделится с совсем уж нищими, чем имущий.

Ну конечно, он нас кормил тем, что они там с мамой готовили в тот момент: супом каким-нибудь немудреным, или жареной картошкой, или макаронами. Примерно такая была еда, абсолютно безвкусная, так, чтобы только ноги не протянуть. Но мы были рады и такой еде, поскольку у нас вообще ничего не было. Да и рубль-другой порой у него тоже удавалось стрелнуть.

Бедность Смагина была сродни бедности Егорова, минус, конечно, егоровские музыкальные прибабасы.

Смагин тоже, как и Егоров, выглядел довольно прилично, но надо делать скидку еще и на его провинциальность, все-таки, Павловский Посад — это хоть и Московская

область, но уже далеко не Москва. Это просто районный городок.

Одевался Смагин просто: брюки-рубашка-пиджак. Ну если только еще какой-нибудь свитер надевал в холодное время года.

Роста он был среднего, волосы русые, глаза серо-голубые. Лицо симпатичное, да и манеры тоже приятные. Он напоминал мне кого-то из актеров с харизматической внешностью. Вспомнила кого — Шукшина.

Он был неторопливым, рассудительным собеседником, человеком разумным, и с ним было интересно общаться. Он действовал успокаивающе и никогда Влодова не раздражал. Я не помню, чтобы Влодов на него хоть когда-то нападал. Он вел со Смагиным продолжительные беседы, за бутылкой портвейна в основном. Я не помню, о чем они там говорили, говорил практически один Влодов, что-то рассказывал, читал свои новые стихи и все такое. Смагин же почтительно слушал, иногда вставляя какую-то малозначащую фразу.

Комната Смагина была завалена рукописями. Иногда он что-то оттуда читал Влодову. Проза у него была вроде бы ничего, я слушала, и у меня осталось, в общем-то, хорошее впечатление, он у меня числился в людях одаренных, да и у Влодова тоже. Но о чем он писал, не вспомню. Так он, по-моему, со всеми своими рассказами-повестями никуда и не пробился. Это ж надо было ходить, предлагать, а он вряд ли этим занимался.

Работал он то ли в котельной, то ли сторожем каким, поэтому имел более-менее свободное время. Телефона дома у него не было, и мы ездили туда наугад, но Влодов как-то

высчитывал график его работы, и мы почти всегда заставляли его дома. Я не помню, ночевали мы там или нет или просто на день приезжали, но все-таки, скорее, и на ночь приезжали первое время.

Кого только Влодов не привозил в Павловский Посад, к Смагину! И сами мы, и уже с ребенком, нередко к нему ездили — из Москвы и из Электрогорска. Особенно когда в Электрогорске жили, то частенько к нему наведывались, да и вообще в Посад, чтобы подкормиться да стрельнуть денег.

Сергей Мацко, который сейчас живет в Америке, тоже как-то раз с нами ездил в Посад, к Смагину. Он захватил с собой видеокамеру и снимал там и Влодова, и Смагина. В те годы — восьмидесятые! Я с ребенком была. Я об этом эпизоде совсем забыла, но Мацко мне напомнил, как он всех нас там снимал. Правда, он сказал, что эта пленка осталась у него где-то на Украине, в Запорожье. А съемка эта, получается, бесценная. Влодова в те годы никто на видео не снимал. Так что и Влодов, и Смагин заодно, могли бы быть на этой пленке увековечены, но где ее теперь искать, пленку эту? Может, и отыщется, если Мацко когда-нибудь приедет на Украину.

Еще со Смагиным был связан такой эпизод: Влодов устроил с ним фиктивный брак одной из своих девиц — Ириши Хроловой. Студентка Литинститута, она была откуда-то из Тверской области, а может, из Ивановской.

После окончания института она не хотела уезжать из Москвы, планировала остаться работать в столице. Но для этого в те годы нужна была прописка в Москве, либо в области Московской, а без прописки на работу не брали.

Влодов иногда устраивал подобные браки, поэтому она и обратилась к нему за помощью. Вот для этой цели и был выбран Смагин, который, по-моему, так ни разу в своей жизни по-настоящему и не женился, и детей у него не было. А жизнь клонилась к закату.

Смагин за этот фиктивный брак с Иришей денег не требовал, так женился на ней и прописал к себе. Хотя никакой выгоды он от этого не получил, только лишнюю головную боль. Может, надеялся, что в итоге получится настоящая семья, Ириша ведь была девушкой привлекательной. Но брак этот так и остался фиктивным, Ириша никаких дел с ним иметь не захотела. Расписавшись и прописавшись, она исчезла в Москве, продолжив там заниматься своими литературными делами, а Смагин так и остался ни при чем. Мало того, из-за еще одного человека, прописанного на его площади, у него увеличилась квартплата, а Ириша оплачивать свою часть расходов не хотела. Поэтому и Смагин, и его мама Влодову потом не раз предъявляли претензии в связи с этим. Так что это доброе дело всем нам в итоге вышло боком.

Потом, когда мы окончательно переехали в Москву, связь со Смагиным прервалась. Слышали от кого-то из павлово-посадских жителей, что вроде бы им с мамой дали отдельную квартиру в новом доме, а старый их домик снесли. Больше ничего мне о Смагине на сегодняшний день неизвестно.

Леонид Колганов

Одним из завсегдатаев халупы в тот период был Леонид Колганов. Ему было примерно лет двадцать шесть. Кстати, все окружение Влодова на тот момент почему-то было примерно такого же возраста: от двадцати двух до двадцати восьми, он общался в основном с молодежью.

Колганов для нас с Влодовым был олицетворением буйного творческого начала, было в нем что-то даже гениальное. В нем бушевали нешуточные творческие страсти, но как-то «окультурить» их он не мог. Поэтому получалось что-то дикое, необузданное, но очень впечатляющее. Что он там писал, не припомню, у меня осталось только общее впечатление от его стихов, что они яркие и необузданные.

Меня тогда интересовали только стихи Влодова, а на творчество прочих я почти не обращала внимания. Но общее впечатление чего-то необычного осталось. Все-таки я помню одно его стихотворение, посвященное Влодову, о Влодове, точнее. Многие ученики Влодова писали о нем, посвящали ему свои стихи, но это все было не то. А вот Колганову удалось отразить в своем стихотворении всю суть Влодова. И это стихотворение я запомнила на всю жизнь и потом даже написала на него песню и сделала клип. Хочу привести несколько строф из этого стихотворения:

Средь друзей и врагов,
Спекулянтов, юродов,

«Черный принц»* среди снегов —
Неприкаянный Влодов!

Неподкупен, как князь,
Неприкаян, как Данте,
Осторожно косясь,
Тихо сходят таланты.

С древним адом на ты,
В черном пламени гланды,
Поперек всей орды —
Поэтической банды!

<...>

В этой белой пустыне,
Где застыло добро,
Нас спасает от стыни
Люцифера перо!

Вот такое стихотворение. Колганов читал его так, как будто его включили в розетку и по нему пошел электрический ток. С места в карьер он начинал набирать обороты, все больше заводясь и в итоге переходя на крик. Сам он при этом переступал с ноги на ногу, но не из стороны в сторону, а вперед-назад. Получалось такое нервное топтание на месте, похожее на какой-то странный танец. Такое эмоциональное выступление производило большой эффект.

---

* Загадочное небесное тело, появившееся на орбите Земли в 1955 г., за два года до запуска первого искусственного спутника. Высказывались предположения, что это инопланетный корабль.

И Колганов был звездой в своей тусовке, в нем была какая-то необычайная творческая харизма.

Он тоже частенько ходил с Влодовым, но не так, как Цапин — спокойно и незаметно. Он не мог ходить просто так, его долго выдержать было проблематично. Он был очень суетливым и беспокойным, на Влодова это действовало, и он начинал раздражаться. Да и в качестве мальчика на побегушках он не годился, все-таки он был личностью.

Колганов любил при разговоре повторять: «в общем-то — вообще-то». А Влодов потом его пародировал. Приплясывая на одном месте вперед-назад и заведя одну руку за спину, другую держа перед собой, Влодов начинал бормотать: «Ну, вообще-то и в общем-то, в общем-то — вообще-то!» Все покатывались со смеху. Или начинал читать строчки из его стихотворения, также суетясь, подвывая и переходя на крик:

Средь друзей и врагов,
Спекулянтов, юродов,
Черный принц среди снегов,
Ос-ле-пи-тель-ный Влодов!

Влодов почему-то слово «неприкаянный» при чтении менял на «ослепительный», так ему больше нравилось. Не хотелось ему быть неприкаянным.

Колганов в те годы был довольно упитанным, мне он казался похожим на фавна. Влодов же говорил, что Колганов напоминает ему фюрера: с усиками над губой, с топтанием на месте и выставленной перед собой рукой.

Когда мы познакомились с Влодовым, первое время вместе еще не жили, а только встречались, и встречались в основном на студии в библиотеке им. Достоевского.

Помню, как-то я шла на студию по бульвару от метро «Чистые пруды» и почти у самой библиотеки вдруг встретила Влодова, идущего мне навстречу. Его сопровождали Колганов и поэтесса Анна Васяева. Колганов с одной стороны, а Васяева — с другой. И не просто шла рядом, а шла в обнимку с Влодовым. Меня это возмутило ужасно. Недолго думая я подошла к Влодову и сказала: «А в морду не хошь?» Колганов возмутился и прикрикнул на меня: «Молчать! Как ты разговариваешь с большим поэтом?» Я что-то вякнула в ответ, даже не помню что, Влодов же за меня вступился и прищипнул на Колганова. Он оставил своих провожатых и пошел со мной на студию.

Как-то мы пришли к Колганову в гости, он жил недалеко от станции метро «Бауманская», на Бакунинской улице, в новом девятиэтажном доме. У него была двухкомнатная квартирка, в которой он жил с родителями. Колганов угостил нас и вином, и обедом. Но после выпивки Влодов отчего-то разозлился и напал на Колганова, стал его оскорблять. Мне удалось как-то вывести Влодова на улицу, но после этого случая Колганов перепугался и больше нас к себе домой не приглашал.

С Колгановым да и остальными людьми из периода, связанного с халупой, мы общались, в основном именно в те годы: в 1982—1984 — до рождения ребенка ну и потом еще немного, когда жили с ребенком в халупе. Кстати, именно Колганов встречал меня вместе с Влодовым во Внуково, когда я вернулась с ребенком в Москву.

После перестройки Колганов уехал в Израиль, поселился там в каком-то маленьком городке, кажется в Кирьят-Гате, и мы потеряли его из виду. Спустя много лет он позвонил нам домой, говорил о чем-то с Влодовым, но они уже больше так и не встречались.

Мацко

Сергей Мацко, украинец, родом то ли из Западной Украины, то ли из Запорожья.

Когда я только начала общаться с Влодовым, Мацко был еще студентом Технологического института и жил в общежитии этого учебного заведения.

Но учеба в Технологическом продолжилась недолго, и то ли Мацко закончил институт, то ли бросил, но в скором времени он поступил в Литературный институт и переселился, соответственно, в общежитие Литинститута.

С Мацко мы общались не так интенсивно, как с другими «людьми Влодова», по той простой причине, что у него самого не было своего жилья, жил он тогда в основном в общежитиях, поэтому даже прийти к нему в гости было весьма проблематично, да и связаться с ним тоже было непросто, некуда было звонить.

Поэтому при мне мы встречались с ним довольно редко. Хотя раньше, еще до меня, когда Влодов жил в квартире поэтессы Наташи Хлебниковой в Кунцево, Мацко туда частенько приезжал, привозил что-то из еды и питья и всю влодовскую братию там поил и кормил.

У Мацко водились деньги, поскольку он помимо писанины увлекался еще и фотографией. Это занятие хоть и требовало больших вложений, но и приносило потом неплохой доход. Поэтому деньги у него имелись, во всяком случае, он умел их делать. Таким простодыром, как другие пишущие, он не был. Да, он был довольно смекалистый парень и свои интересы не забывал. Ни в какие романтические дали его сманить

было невозможно. Мне, правда, не совсем понятно, что он в таком случае делал около Влодова, хотя... Возле Влодова всегда полно было самого разнообразного народа, так что, чему тут удивляться?

Влодов всерьез к нему не относился, всегда с юмором, правда, с юмором добрым. Да и в моем представлении Мацко остался юмористической фигурой, хотя ничего смешного в нем вроде и не было. Но что-то неуловимо несерьезное все-таки присутствовало. В чем там было дело? Даже не знаю, почему так. Возможно, потому, что был он невысокого роста, щуплый, кудрявый. К тому же был мягкого нрава, старался ни в какие конфликты ни с кем не вступать, поэтому и производил впечатление незаметного человека (с большими возможностями однако).

Как-то в мае 1982 года, еще в самом начале моего общения с Влодовым, мы встретили Мацко во двореке Литинститута. По всей видимости, Влодов зашел туда стрельнуть у кого-нибудь рублишко на обед. Под руку подвернулся Мацко. Рублишко, не помню, дал ли он или нет, но он нас тогда сфотографировал там на лавочке втроем: мы с Влодовым и Цапин Володя, он тоже с нами туда зашел. Это первая наша с Влодовым фотография, черно-белая. Другие фото будут позднее, в октябре 1982 года, их сделает потом приятель Мацко — Руслан Шикаев. А вот эта — самая первая. И именно этим он в первую очередь и запечатлелся в памяти моей. Он потом нам это фото подарил, и оно у меня, пройдя через все годы и скитания, каким-то чудесным образом сохранилось.

Пару раз мы приезжали к Мацко в общагу Литинститута. Однажды приехали с ребенком, осенью 1983 года. Дочке нашей Юле уже было месяца два. И тогда он первый раз Юлю

сфотографировал, мы ее развернули на кровати, и он сфотографировал ее. Но нам он эту фотографию так и не передал, и куда-то снимок потом делся. А жаль! Я все время помнила об этой фотографии, но так и не удалось ее получить.

Еще мы ездили с Мацко в Павловский Посад к прозаику Володе Смагину: Влодов, Мацко, и я с ребенком в коляске. Мацко тогда обзавелся громадной видеокамерой и всех нас там снимал у Смагина. Кажется, это было зимой 1984 года. Уже в те годы у него была видеокамера, тогда она стоила безумно дорого, но вот как-то ему удалось ее приобрести.

Я об этой поездке в Павловский Посад совсем забыла, но Мацко напомнил, и мне как-то смутно, но все припомнилось потом. Под конец этой поездки, уже когда возвращались в Москву, на Павлов-Посадском вокзале, он направил эту камеру в большое зеркало, чтобы заснять и себя. Ну, короче, фильм у него такой уникальный получился о Влодове, единственный в своем роде, потому что в те годы даже фотографии были редкостью, не то что видеосъемки. Но нам этот фильм посмотреть так и не удалось, он остался у него где-то в Запорожье. А сам он оказался потом в Америке, в Нью-Йорке. Да, вот так.

После общения с нами в 1982—1984 годах он с нашего горизонта куда-то исчез. И надолго. Потом Влодов стал говорить, что Мацко после перестройки эмигрировал — почему-то в Канаду. Меня это сильно удивило: и то, что он эмигрировал, и то, что так далеко — в Канаду... Да и как он рискнул куда-то уехать? Почему, зачем, да еще после перестройки? Не могу сказать, что он был таким уж любителем Запада, как тот же Егоров например. Поэтому эта история как-то плохо укладывалась в голове, и я с трудом в нее верила.

Все это рассказал Влодову Цапин, а Влодов мог добавить потом что-нибудь и от себя, пофантазировать немного. Но после перестройки много чего такого происходило, так что и это могло произойти.

Ну да ладно. С другой стороны, мне все происшедшее с Мацко было на тот момент не особо интересно, ведь он таким уж близким нам человеком не был, поэтому я поудивлялась немного да и забыла о нем.

Но спустя несколько месяцев после смерти Влодова пришлось о Мацко вспомнить. На мой почтовый ящик, привязанный к моей странице на сайте «Стихи.ру», пришло письмо от автора того же сайта Александра Закуренко. Он написал, что Сергей Мацко, живущий теперь в Штатах, прислал Влодову в дар 20 долларов, а поскольку Влодов умер, то он хотел бы в таком случае передать их его наследникам, ну то есть мне, получается.

Я ответила Закуренко, сказала, что да, доллары, конечно, заберу (только что так мало-то прислал?). Выяснилось, что он на троих послал эти 100 долларов, одним из получателей части этого долларового «подарка» был Игорь Меламед. Стала интересоваться, а нельзя ли каким-нибудь образом связаться с самим Мацко, попросила у Закуренко его мейл, хотелось с ним хоть как-то пообщаться, все-таки он имел отношение к Влодову да и ко мне отчасти тоже. Закуренко передал Мацко мою просьбу, и тот дал ему мой мейл. В скором времени Мацко мне написал.

Оказалось, что он живет в Нью-Йорке, а вовсе не в Канаде, нет (почему тогда говорили про Канаду — непонятно). У него есть небольшой бизнес, связанный с фотографией и компьютерами. Он уехал в Штаты в конце 90-х с женой и двумя детьми: Ромой и Оксаной. Не такая уж там получи-

лась сказочная жизнь, как представлялось отсюда. На месте все оказалось намного сложнее и приходилось долгие годы буквально выживать. Но все-таки в итоге как-то приспособился. Дети выросли уже.

Мы стали переписываться и переписывались какое-то время в течение 2010 года. Потом наше общение опять прервалось. Но все равно даже такой контакт был важен для меня, ведь Мацко был в какой-то степени связан с Влодовым, был человеком из тех лет. Кроме того, Мацко прислал мне четыре ранее неизвестных фотографии Влодова, фотографии конца семидесятых. Одно фото просто замечательное! Я стала везде использовать это фото. Так что эти фотографии были гораздо ценнее, чем те 20 долларов.

У него сохранились и некоторые машинописные рукописи Влодова тех лет. И он прислал мне пару стихотворений, которых у меня не было. Потом еще прислал сюжет о своем знакомстве с Влодовым у Долгополова, (был такой пишущий дворник, он жил в районе Курского вокзала).

Как-то в разговоре по скайпу он признался мне, что очень далеко эта Америка от Европы, от наших мест. И что у него такое ощущение, как будто он находится на другой планете. И не очень хорошо он себя там чувствует, скучает по Украине. Ведет свой блог в Интернете и часто публикует там материалы на украинскую тематику. Всякие там гарни дивчины у него в национальных одеждах, в вышиванках, в веночках и лентах, хлопцы в шароварах. Короче, стилизация такая. Чувствуется, тоскует по Украине. Из Украины в Америку приезжают какие-то ансамбли народные, все это он снимает и ставит в свой блог. Вот такие дела.

А ниже — рассказ самого Сергея Мацко, как он познакомился с Влодовым (передан мне из Нью-Йорка в 2010 году).

Моя первая встреча с Влодовым

Здесь два гения: я и Долгополов...

Юрий Влодов

Это, видимо, 1978 год, слякотная московская зима, Курский вокзал, и вся картинка в каком-то всплеске света, и на душе как-то слякотно...

И вдруг я замечаю сгорбленную фигурку человека небольшого роста — что-то произошло — черная магия? — как бы чудесная магия — и вот я уже пожимаю — не руку, но ручку, маленькую костлявую ручку. Она была белая, холодная и костлявая, такие ручки я видел у блатных в пригороде Запорожья, где под-ростком ошивался с этой братвой.

И одно из первых воспоминаний моего детства: я, мне лет десять, сижу на обочине полузаросшей бурьяном дороги, и Шипка (у него маленькая головка, и маленькие глазки, и он побрит — только из детской колонии, и у него маленькие ручки, все в на-колках маленькие ручки) по-взрослому, тоскливо тянет песню:

За вагоном идет вагон,
Стук колес по рельсовой стали,
Спецэтапом идет эшелон
С Украины в сибирские дали...

Да, но вернемся на Курский вокзал в столицу нашей Родины...

Туда-сюда, глазки у Влодова с хитрецей, бесенята прямо прыгают и веселятся вокруг нас, дождь шарит, толпа крутится-вер-тится...

Через полчаса мы оказываемся в норе у Долгополова — здо-ровенного мужика откуда-то из провинции, он работает дворни-

ком, и это его «апартамент», и он, конечно, пишет стихи, и много разного люду вокруг.

Весь народ что-то пишуший, с «тетрадями своих стихотворений», как писал Николай Заболоцкий. Начинается «летучка», я вижу Влодова краем глаза, он в каком-то кресле, он курит папирску, он — мэтр, и он слушает всех этих графоманов с ухмылкой гения и улыбкою ребенка.

Доходит очередь до Долгополова, у него громадная поэма об истории человечества! Он очень серьезно, с каким-то остервенением начинает читать. А поэма длинная-длинная! И народ начинает посмеиваться и гоготать. А когда Коля упомянул кучерявых обезьян, которые тяжелым трудом сделали из себя человек, вся наша толпа буквально взорвалась хохотом. Но Николай мужественно продолжал читать буквально со слезами на глазах, и он тоже смеялся и плакал, и снова смеялся. А Юра Влодов буквально выпрыгнул из своего кресла и стал кричать: «Это классика! Это гениально!» И все смеялись и пили дешевое вино, и мы были счастливы.

А за окном шаршил дождь, и народ разошелся по своим квартирам. А Влодову, конечно, идти было некуда...

На прощанье он пожал мне руку и, не скрывая слез смеха и сияющей иронии, еще раз повторил: «Это было гениально! Здесь два гения: я и Долгополов...»

Приложение

ЮРИЙ ВЛОДОВ

Юрий Александрович Влодов родился 6 декабря 1932 года в Новосибирске в театральной семье. Отец его, Александр Захарович Влодов, был режиссером, мать Надежда Борисовна Надеждина (Тимошенко) — актрисой. Детство и юность поэта прошли на Украине, где он пережил войну, оккупацию, затем эвакуацию в Сибирь.

Писать стихи начал рано. И только в конце 1950-х ему удалось попасть в писательский поселок Переделкино и показать свои сочинения Б. Пастернаку, И. Сельвинскому, К. Чуковскому. Знаменитым мэтрам творчество молодого поэта пришлось по душе, они прочили ему большое литературное будущее.

Но литературная карьера у Юрия Влодова не сложилась. Слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. К некоторым из них прилепили ярлык антисоветских. Ставшие в годы тоталитарного режима крылатыми строки: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» принадлежат Влодову.

Какое-то время поэт открыто выступал со своими запрещенными стихами перед большими аудиториями, чем привлек внимание соответствующих органов. После этого он попал в черный список и судьба его была предрешена. Его имя и творчество на долгие годы оказались под запретом.

По возрасту Юрия Влодова можно было бы причислить к прославленному поколению поэтов-шестидесятников, чьи имена у всех на слуху. Но в поэтическую «обойму» шестидесятников он по вполне понятным причинам не попал, так же как не попал и во все другие официальные обоймы. Даже в «официальном» андеграунде места ему не нашлось. Ни с какими группами, течениями, направлениями, он связан не был. Всю эту групповщину, даже творческую, он не любил, поэтому в литературном процессе был одинок. И если Влодова куда и причислять, то, конечно же, к андеграунду, но только к самым глубоким, катакомбным его слоям.

Творчество Юрия Влодова многопланово, разнообразно и не ограничивается только диссидентскими либо сатирико-ироническими стихами. У него много лирических, пейзажных, философских стихов и поэм. Есть книга стихов о войне и книга стихов на историческую тематику.

Главная книга Юрия Влодова называется «Люди и боги», он работал над ней всю жизнь. Это философская эпопея на библейско-евангельские сюжеты.

В советские годы Влодов печатался редко, к тому же не в литературных, а в отраслевых либо региональных изданиях. Но для рецензирования и упоминания в прессе имя его было под запретом. После перестройки ситуация немного изменилась. Подборки его стихов все-таки стали появляться в журналах «Юность», «Клуб», «Дети Ра», «День и ночь», «Арион», в «Литературной газете» и в «Московском комсомольце», а также в некоторых литературных изданиях, в том числе в альманахах и сборниках. Первая авторская книга «Крест» вышла в 1996 году в издательстве журнала «Юность».

Судьба поэта настолько необычна, что его имя буквально овеяно легендами и мифами. О Влодове еще при жизни было снято два фильма: «Я Вам пишу, Ваше Величество» (телефильм, канал РТР, 1992) и черно-белый кинофильм «А гений — сущий дьявол!» (кино-видеостудия «Человек и время», 1995, режиссер Сергей Князев).

В конце 80-х в Пермской области на берегу речки Архиповка недалеко от города Чусового литературным подвижником Леонардом Постниковым был создан Музей писательских судеб, в котором впоследствии появилась и экспозиция, посвященная Юрию Влодову.

О жизни и творчестве Юрия Влодова много материалов написано и опубликовано пермским поэтом и журналистом Юрием Беликовым.

Писали о нем в разные годы Лев Озеров, Илья Сельвинский, Евгений Сидоров, Кирилл Ковальджи, Тимур Зульфикаров, Евгений Степанов, Евгений Лесин, Олег Хлебников, Борис Кочерга, Борис Кутенков, Дмитрий Артис, Елена Сафронова

Весной 2009 г. вышла книга Юрия Влодова «На семи холмах», в которую включены стихи из разных книг.

Был женат на поэтессе Людмиле Осокиной.

Умер 29 сентября 2009 года.

Уже после смерти в издательстве «Время» вышли книги «Люди и боги» (2012) и «Летопись» (2015).

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

Людмила Осокина (Влодова) — московская поэтесса, пишет также прозу, статьи, эссе. Училась в Московском государственном историко-архивном институте на факультете архивного дела. Работала корреспондентом и обозревателем в журналах «Клуб», «Юность», книжным редактором в ИИД «Профиздат».

Стихи печатались в «Московском комсомольце», «Вечерней Москве», «Юности», «Истоках», «Клубе», «Кольце А», «Дне поэзии» «Зарубежных задворках», «Детях Ра», «НГ-Exlibris», «Поэтограде» и в некоторых других изданиях.

Первая книга стихов «Природы затаенное дыхание» вышла в 1996 году в Москве в Издательском доме Русанова. В серии «Библиотечка поэзии Московского союза литераторов» в 2007 г. появилась книга стихов «Черная кошка», а в 2009 году в серии «Библиотечка поэзии Союза писателей Москвы» книга «Стихи, биография, библиография».

Книга стихов «Кофейная девушка» в 2010 году вышла в издательстве «Время» (лонг-лист премии «Московский счет» (2011). Лауреат журналов «Дети Ра» (2014), «Зинзивер» (2012), газеты «Поэтоград» (2015).

Роман «Новая божественная комедия» («Время», 2014), вошел в лонг-лист премии «Золотой Дельвиг».

Член Московского союза литераторов, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Халупа

Я думаю Иисус писал стихи... (Рассказ о том, как я познакомилась с поэтом Юрием Влодовым)	5
Прелюдия.....	12
Глава 1. Обретение халупы	14
Что такое «халупа»?	14
Обстановка халупы	14
Жизнь с Влодовым в халупе.....	16
Где что располагалось.....	19
Дальние маршруты	23
Приходившие в халупу.....	24
Влодов — поэтический король, я его королева	26
Кузьмина	27
Лика и ее брат.....	28
Капустик	29
Самодельный художник Владик.....	30
Художник Гена Добров и его мастерская в Столешниковом переулке	31
Дворник Валера, хозяин халупы.....	34
Влодов и женщины.....	39
Как я разбила стекло в гостинице МВД.....	42
Как я поставила Влодову синяк под глазом	43
Халупа — как символ средневековья, как состояние души.....	44
Влодов как культовая фигура московской литературной богемы.....	46

Глава 2 «Будем рожать!»	48
Я — беременна!	48
Будем рожать!	51
Похождения «осумасшедшихся безумцев»	52
В холле у Бараболи	53
Житье в лаборатории	55
Измена и предательство Влодова	60
Разрыв с Влодовым	63
Возвращение к сестре	65
Появление Влодова	66
Отъезд	66
Глава 3. Дорога в никуда	67
Рождение ребенка и возвращение в Москву	67
Ночь на аэровокзале	68
Графоманский совет: вызывать или не вызывать?	70
Пришествие к Егорову	71
Приход к Василец, заход к Дорину	73
Ночь на лестнице в подъезде	73
Возвращение в халупу	75
Глава 4. «Меж небом и землей...»	78
Затаиться, не дышать...	78
Тазик, принесенный Колгановым	79
Пицца для младенца и кормящей матери	79
Битва за еду и объедки	80
Прогулки с ребенком	82
Наше медицинское обслуживание	84
Кровать, на которой трахнули двенадцать баб!	84
«Любовник» за стенкой, или Очередной бред ревности	85
В подвале у Штыпеля	86
В вагончике у Капралова	87

Праздничные посиделки в подвале	88
Питие и битие: битый Колганов и пьяные гонки	90
Явление Новиковой	91
Глава 5. Страсти на Нагорной, или Как выйти замуж и не умереть!	93
Влодов и его паспорт	93
«Пипец подкрался незаметно»	97
Что делать?	98
Обращение за помощью к могущественному N. N.	99
«К ликвидации»	100
«Над седой равниной моря — Голда Меир — буревестник!»	101
Начало получения паспорта	102
Переезд на Нагорную	104
Новый год — новые проблемы	106
Бегство к сестре	108
Возвращение к мукам	110
Тёна-заплетёна	111
Пьянство и оскорбления Влодова	112
План побега	114
Кража ключей у Тёны	115
Истязание на кухне	116
Приезд оперов	117
Разборки в милиции	117
Отъезд с Нагорной	118
Ложное обвинение	120
Влодов — с паспортом!	121
Подаем заявление	122
Снова халупа, последнее действие	122

Загс и не девичья фамилия	123
Вселение в собственную комнату и оставление халупы	124
Вместо эпилога: Что там сейчас	125

Часть вторая. Люди Влодова

Цапин.....	127
Егоров	136
Василец	155
Света Пигарева.....	161
Смагин	168
Леонид Колганов	173
Мацко.....	177

Приложение

Юрий Влодов	184
Людмила Осокина	187

Литературно-художественное издание

Осокина Людмила Михайловна

Халупа

проект

Книга публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор

Лариса Спиридонова

Корректор

Елена Плёнкина

Художественный редактор

Валерий Калныныш

Подписано в печать 04.04.2016.

Формат 70x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4 + вкл.

Бумага для ВХИ.

Тираж 500 экз. Заказ № ...

«Время»

115326 Москва ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 9541082

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано

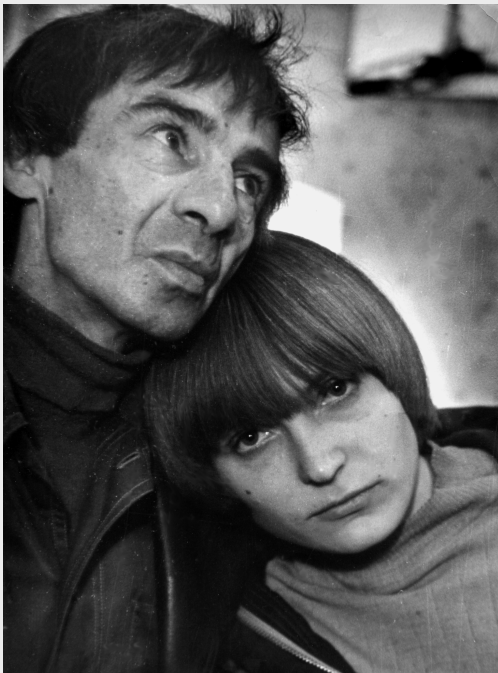
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

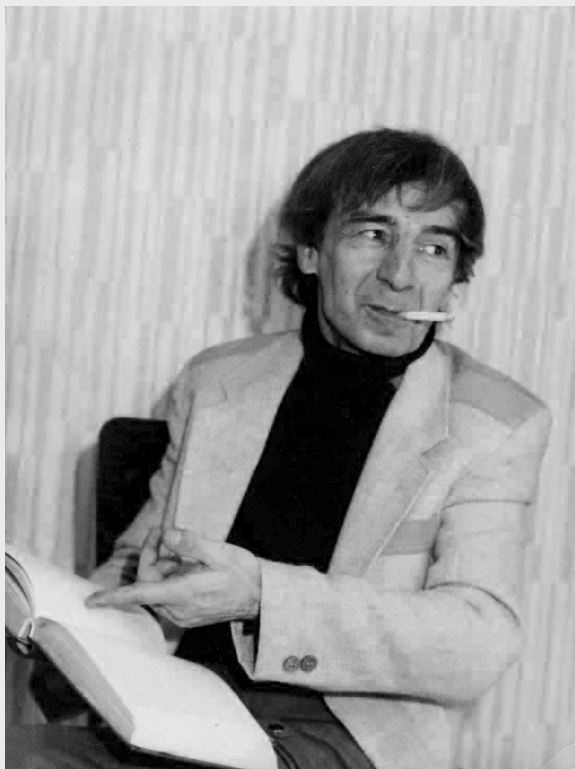
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Юрий Влодов и Людмила Осокина,
октябрь 1982

Юрий Влодов, февраль 1988

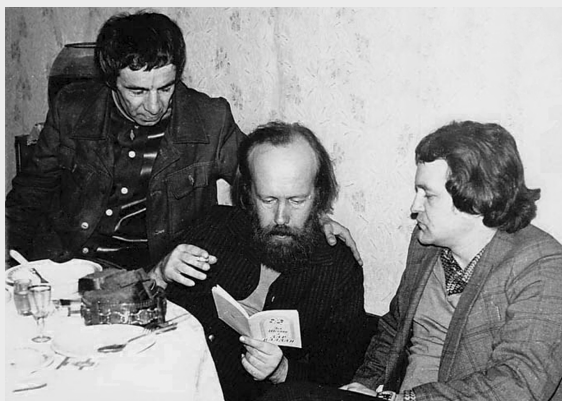

Людмила Осокина (Влодова), 2005

Сергей Мацко в общежитии
Литинститута. Москва, 1982

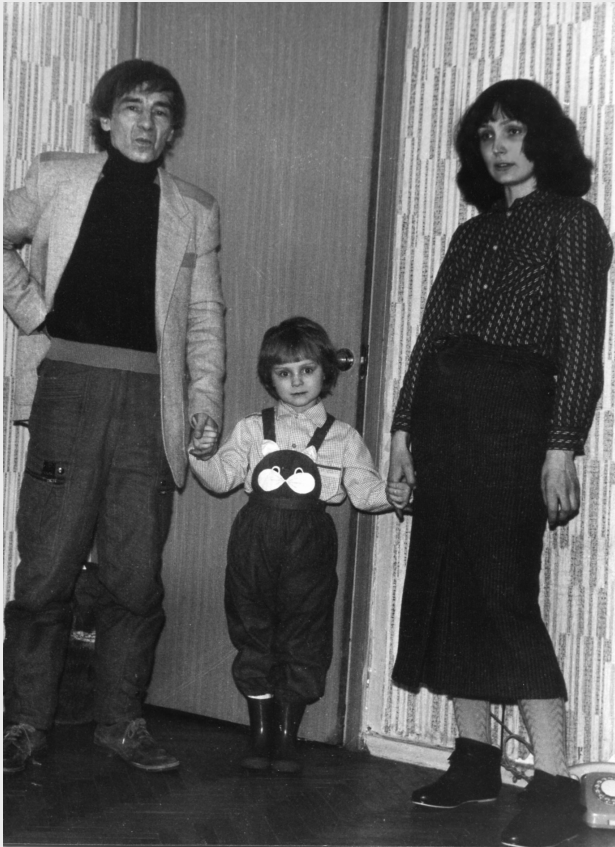
Юрий Влодов, Лев Щеглов, Николай Егоров.
Москва, Кунцево, 1978 (фото Сергея Мацко)

Владимир Цапин, Юрий Влодов и Людмила Осокина
во двореке Литинститута, май 1982

Юрий Влодов и его ученики (слева направо): Николай
Егоров, Евгений Глобенко-младший, Людмила Осокина,
Александр Никитушкин. Москва, 2000

Юрий и Людмила Влодовы с дочкой Юлей, 1988

Владимир Цапин, 1996

Ира Василец, 2009

Маргарита, внучка Юрия Влодова
и Людмилы Осокиной, 2015

Дмитровский переулок, 2 — дом,
где находилась «халупа» (первые два окна справа).

Удивительная исповедь. Смелая! Буду ждать продолжения...

Лидия Григорьева

Это просто триллер! С каждой главой все страшнее и страшнее. И потрясает мужество автора.

Рада Полищук

Ты пишешь о сверхвозможностях женщины, Люда! Я рада, что ты выжила. У «Халупы» есть замочная скважина и нет дна.

Елена Зейферт